

Сергей Нечаев

Всемирная история для тех, кто ХОЧЕТ ВСПОМНИТЬ

Дизайн обложки: Алексей Закопайко

Серия «Наука на пальцах»

© «Издательство АСТ», 2019

Предисловие

История – это путь, пройденный человечеством. Путь этот был очень непрост, и он пролегал в определенном пространстве, а также занял определенное время. Соответственно, специальная историческая дисциплина, помогающая устанавливать даты тех или иных

исторических событий, называется исторической хронологией (от греческих слов «chronos» – время и «logos» – учение).

Без хронологии в истории никак, однако определить время (дату) порой бывает очень и очень трудно. Вот, например, какова продолжительность существования самого человечества? Ответить на этот вопрос наука получила возможность лишь в XX столетии. Вроде бы, считается, что наша планета образовалась из громадного газопылевого космического облака примерно 4,5 миллиарда лет назад. Тогда атмосфера Земли состояла из водяных паров, аммиака, метана и водорода, и в тот период на Земле жизни не существовало. Ученые предполагают (точно этого не может знать никто), что первые признаки жизни на остывшей Земле появились примерно 3 миллиарда лет назад. А вот первые животные появились приблизительно 1200–600 миллионов лет назад (они состояли только из одной клетки, и их поэтому называли простейшими).

Впервые животные начали выходить на сушу примерно 430 миллионов лет назад. Но до появления человека было еще далеко.

Считается, что в истории человечества имеется два периода – первобытный и период существования сложно организованных классовых обществ. Первый из них длился много сотен тысяч лет, второй – относительно недолго. В первобытное время человек стал человеком в полном смысле этого слова.

Говорят, что человек появился от обезьяны. Якобы у человекообразных обезьян и человека существуют общие предки – это дриопитеки, которые обитали 9–12 миллионов лет назад в Африке. Название «дриопитеки» произошло оттого, что они жили на деревьях и питались в основном фруктами.

Постепенно условия жизни на Земле стали меняться, в результате чего более сухой климат отодвинул леса, на смену которым пришли африканские степи и саванны. И одни из дриопитеков остались жить в саваннах, из-за чего около 4 миллионов лет назад появился новый вид животных – австралопитеки.

Впоследствии этот вид вымер, но именно от него около 2 миллионов лет назад появился самый первый человек – человек умелый (*homo habilis*).

На смену этому виду приблизительно 1,5 миллиона лет назад пришел человек прямоходящий или человек выпрямленный (*homo erectus*). Он был значительно крупнее человека умелого. Он изготавливал и, соответственно, использовал более совершенные орудия труда. По мнению ученых, именно у человека прямоходящего начала появляться членораздельная речь. Эти люди широко распространились: покинули Африку, переселились в Европу и Азию. Именно они дали начало третьему виду людей – человеку разумному (*homo sapiens*).

Человек разумный появился около 200 тысяч лет назад, а вот люди, внешним видом напоминающие современных людей, появились около 40 тысяч лет назад.

Для удобства описания и изучения историю человечества принято делить на следующие этапы:

- Первобытная (доисторическая) эпоха;
- Древний мир;
- Средневековье;
- Новое время;
- Новейшее время.

Часть первая

Первобытная эпоха

Первый этап в истории человечества занимает огромный период времени – с момента выделения человека из животного царства до образования классовых обществ.

По материалам, из которых люди изготавливали тогда орудия, ученые условно делят историю человечества на три «века»:

- каменный век (от возникновения человека до конца 4-го тысячелетия до н. э.),
- бронзовый век (с конца 4-го до начала 1-го тысячелетия до н. э.),
- железный век (с 1-го тысячелетия до н. э.).

Понятно, что самым долгим был каменный век – он начался около 2,5 миллиона лет назад. Бронзовый век длился более 2,5 тысячи лет, а потом наступил железный век, в котором живем и мы.

Совершенно очевидно, что эти века, особенно бронзовый и железный, наступили в разных частях Земли не одновременно – где-то раньше, где-то позже.

Первобытные люди. Худ. Зденек Буриан

На этом закончим с первобытной эпохой, хотя о ней можно написать не одну книгу. И они написаны, и любой интересующийся может с ними познакомиться. Отметим лишь, что люди, жившие 30–40 тысяч лет назад, уже не имели черт, придававших их предшественникам звероподобный облик: их руки стали менее мощными, лоб – более высоким, у них появился подбородочный выступ. Эти люди постепенно заселили все континенты, кроме, разумеется, Антарктиды.

Первобытный человек был беспомощен перед силами природы, современный человек беспомощен перед общественными и экономическими силами, которые он сам и породил.

ЭРИХ ЗЕЛИГМАНН ФРОММ

немецкий философ и психоаналитик

Часть вторая

Древний мир

С конца 4-го тысячелетия до н. э. в истории человечества начался новый этап – появились первые цивилизации, резко отличавшиеся от первобытных обществ. Важнейшей характерной чертой новой ступени развития стало создание государств, которые в 4–2-м тысячелетиях до н. э. возникли на обширной территории от Средиземного моря до Тихого

океана.

КСТАТИ

Мы говорим – до нашей эры. А что это такое – наша эра? Это период времени, начиная с первого года по юлианскому и григорианскому календарям, то есть это текущая эпоха. Соответственно, период времени, который был до начала первого года, это и есть «до нашей эры» (до н. э.). А раньше, в религиозной форме, говорилось «от Рождества Христова» или «до Рождества Христова».

Отметим, что библейское описание рождения Иисуса Христа не содержит указания на дату этого события. И попытки установить год рождения Христа по датам каких-то сопутствующих событий не привели к конкретной дате. Поэтому все это достаточно условно. Например, одни считают, что исторический Иисус родился где-то между 7 и 5 годами до н. э., а другие называют 12 год до н. э. (момент прохождения кометы Галлея, которая могла быть Вифлеемской звездой).

И вот что еще интересно: в этом летоисчислении нет нулевого года, а это значит, что сразу после первого года до н. э. следовал первый год н. э. Поэтому, например, правление известного римского императора Октавиана Августа было между 31 годом до н. э. и 14 годом н. э., но получается, что он правил не 45 лет, а только 44 года.

История этих государств с конца 4-го тысячелетия до н. э. приблизительно до середины 1-го тысячелетия н. э. называется историей Древнего мира, и она условно делится на три этапа:

- конец 4-го тысячелетия до н. э. – конец 2-го тысячелетия до н. э. (эпоха ранней Древности);
- конец 2-го тысячелетия до н. э. – конец 1-го тысячелетия до н. э. (эпоха расцвета древних государств);
- первая половина 1-го тысячелетия н. э. (эпоха поздней Древности).

Соответственно, в истории древних государств выделяются два основных варианта развития – древневосточный и античный (Греция, Рим), каждый из которых имеет свою специфику.

К древневосточным государствам относятся Египет, Ассирия, Вавилон, Месопотамия, Персия, Индия и Китай, и каждое из них настолько интересно, что достойно отдельного повествования. Однако размеры нашей книги не позволяют подробно рассказать о каждом из них. Поэтому ограничимся Древним Египтом.

Историк Манефон, живший в III веке до н. э., утверждал, что за три тысячелетия существования Египта там сменилось 30 правящих династий. При этом история Египта показывает удивительную преемственность развития и в то же время неуклонную эволюцию общества.

Древний Египет

Древний Египет представлял собой длинную долину, которая на севере ограничивалась Средиземным морем, а на западе и востоке – горами, между которыми протекал Нил. На юге границы Египта не были определены. Только после длительных войн между египтянами и эфиопскими царями водопады около Сиены (ныне Асуан) были назначены границей. Там скалы затрудняли течение Нила, и там оканчивалось судоходство по Нилу.

Древнегреческий философ Геродот называл Египет даром Нила. А сами египтяне говорили о Ниле, как о «реке, дающей жизнь». Это было связано с тем, что Нил, принося плодородный ил, мало-помалу возвысил берега. При впадении своем в море он образовал дельту. То есть без Нила Египет не существовал бы; это была бы сухая земля, покрытая горячим песком, как пустыни, которые окружают Египет.

Река не только приносила плодоносный ил с гор Эфиопии, она каждый год наводняла весь Египет. В мае Нил начинал разливаться, и целые сто дней вода в нем постепенно поднималась, а время разлива Нила – это был праздник для всего Египта.

Древние пирамиды Египта

Есть область ниже Мемфиса, – говорит Геродот, – и ее жители не страдают от голода. «Нет другого народа на свете (а также и в остальном Египте), кто так легко добывал бы плоды своей земли, как здесь. Им ведь не нужно трудиться, проводя борозды плугом, разрыхлять землю [киркой] и заниматься прочими работами на ниве, столь изнурительными для остальных людей. После каждого естественного разлива, когда река, оросив поля, снова входит в берега, каждый египтянин засеивает свою пашню, а потом выгоняет на нее свиней. Затем, когда семена втоптаны в почву свиньями, ожидают время жатвы, а потом при помощи этих же свиней обмолачивают зерно и, наконец, свозят его в амбары».

Благодаря Нилу Египет посреди пустынь, которые его окружают, всегда представлял собой плодородный оазис. На нем в глубокой древности поселилось несколько племен, кочевавших в пустыне. На самом деле, в этой части Африки один только Египет и был издавна населен. И он многим был обязан Мероэ – древнему городу на территории современного Судана (он располагался на восточной стороне Нила между Асуаном и Хартумом). Колонисты из этого города, идя к северу, распространили некоторые необходимые ремесла и свою религию даже в стране за Сиенскими водопадами. Они начали основывать города и строить храмы. Около стен этих храмов селились кочующие народы Египта.

И везде дикие народы подчинялись влиянию всемогущих богов и полубогов, представляемых жрецами. Жрецами были люди, которые проводили богослужение и хранили священные традиции. И много времени жрецы имели большое влияние на правление в Египте. По сути, почти до тех пор, когда Египет потерял свою независимость, жрецы были равны царям или даже стояли выше их. Они составляли высший класс народа, и в их руках находились почти все дела.

В настоящее время трудно даже представить себе ту необыкновенную роль, какую играли в Египте жрецы. Они были наставниками молодых поколений, прорицателями, а следовательно – советниками взрослых людей и судьями умерших, которым якобы их воля и знания обеспечивали вечную жизнь. Жрецы не только исполняли обряды при божествах и фараонах, но и лечили больных в качестве врачей, руководили ходом общественных работ в качестве инженеров, влияли на политику в качестве астрологов, и главное – как люди, знающие свою страну и ее соседей.

БОЛЕСЛАВ ПРУС

польский писатель

Жрецы управляли Египтом очень долго, но и каста воинов время от времени делалась значительнее, и жрецы вынуждены были разделить с нею свою власть. Тогда, говорили жрецы, люди наследовали богам в управлении Египтом. Считается, что первым человеком, который царствовал в Египте, был Менес. Он в 3-м тысячелетии до н. э. заложил город Мемфис.

Рельеф «божественной супруги» Нитокрис. Примерно 650 год до н. э. Государственный музей древностей, Лейден

От Менеса до Мерида египетские жрецы насчитали 330 царей (фараонов). Эти цари принадлежали к разным династиям, которые царствовали в одно время в разных странах Египта (среди них были эфиопяне и даже одна женщина-египтянка Нитокрис^[1]). И самым важным происшествием в этот длительный период было нападение арабов. Они завладели Нижним и Средним Египтом, и только жители Фивского государства остановили их.

КСТАТИ

Фараон – это современное наименование правителей Древнего Египта. По-видимому, этот термин никогда не был официальным титулом, а возник как эвфемизм, позволяющий обойтись без упоминания царского имени и официальных царских титулов. Обычным же наименованием египетских царей было выражение «повелитель обеих земель», то есть Верхнего и Нижнего Египта. Этот титул символизировал как светскую, так и сакральную власть, и представлял формулу монархического правления.

* * *

Термин «античность» (от латинского «antiquitas» – древность) означает цивилизацию Древней Греции и Древнего Рима во всем многообразии ее исторических форм.

Общая периодизация этого периода в истории человечества выглядит так:

- ранняя античность (VIII век до н. э. – IV век до н. э.);
- классическая античность (IV век до н. э. – II век н. э.);
- поздняя античность (конец II/III век – V/VI век).

Ранняя античность – это расцвет греческих полисов и возникновение Римского государства. Классическая античность – это время распространения цивилизации Греции и Рима (от Александра Македонского до смерти Марка Аврелия). Соответственно, поздняя античность – это упадок Римской империи.

Упомянутый Александр Македонский (Александр Великий), царь Македонии, был выдающимся полководцем и создателем огромной мировой державы, распавшейся после его смерти.

Считается, что, несмотря на то что походы Александра Македонского носили захватнический характер, созданное им государство по своему политическому строю, экономике и культуре было более прогрессивным, чем Древняя Греция.

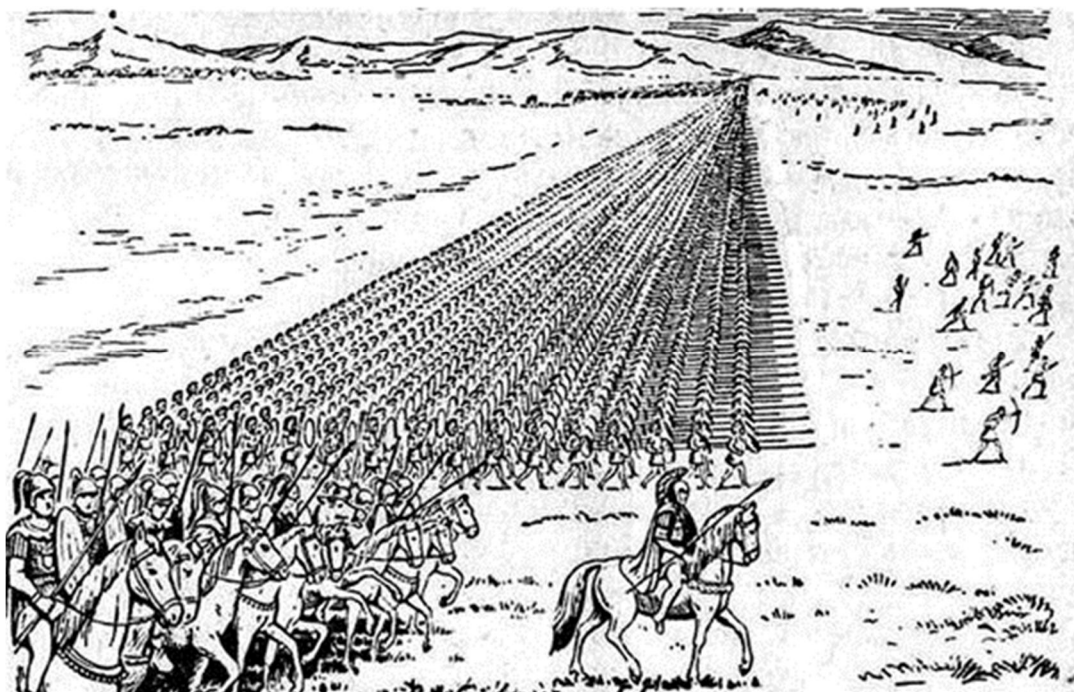
Македонское главенство в Греции

Фивы долго не играли особенно видной роли в истории Греции. Фиванцы завидовали афинянам, и во время похода Ксеркса на Грецию они проявили самостоятельность не в пользу общего отечества (фиванцы прямо приглашали Ксеркса идти на Аттику).

Когда персы оттолкнули от себя Спарту и начали искать себе новую точку опоры в Греции, они обратились к Фивам. И могущество персидского золота сыграло свою роль.

В ходе Пелопоннесской войны Фивы до Никиева мира поддерживали спартанцев, но потом между обоими союзными государствами произошел разрыв. А потом Фивы, как и вся Греция, вынуждены были подчиниться македонской власти.

Македония в глазах греков долго была варварской страной. Например, когда однажды македонский царь захотел выступить на состязаниях в Олимпийских играх, от него потребовали, чтобы он сначала доказал свое греческое происхождение. Царский род и главные придворные фамилии в Македонии были действительно греческие, но масса населения не имела ничего общего с греками.

Македонская фаланга

Македония особенно усилилась в годы Пелопоннесской войны. Македонский царь Филипп жил в Фивах и получил совершенно греческое образование. Будучи хитрым политиком, он успел приобрести перевес над всеми соседями. При нем образовалась знаменитая македонская фаланга, ставшая основой македонской военной силы. Воины фаланги были вооружены мечами, которые могли одинаково рубить и колоть. А передние ряды фаланги были вооружены сверх того длинными копьями (сариссами), так что воин шестого ряда мог своим копьем защищать товарища в первом ряду.

Но не только фаланге Филипп был обязан своим могуществом, в его руках находились большие денежные средства и дипломатия подкупа, и эти средства при опоре на мощную военную силу очень скоро привели в зависимость от него всю Грецию. Продажность граждан в Греции помогла Филиппу в каждом городе образовать свою партию, и он не упускал возможности для усиления своей партии. Например, узнав, что в Афинах образовалось общество сатирических писателей, он тотчас же послал ему значительные денежные подарки.

Тщательно все подготовив, Филипп открыто выступил на порабощение Греции. Битва при Херонее (в 338 году до н. э.) закончилась уничтожением союзной греческой армии и падением Греции.

Но Филипп не хотел быть варваром-завоевателем. Он объявил себя только стратегом всех греческих сил, а не царем. А греческие силы нужны ему были для задуманного похода на Персию, столкновение с которой представлялось неизбежным. Но героем этого столкновения стал уже не Филипп, а сын его Александр. Филипп же пал весной 336 года до н. э. от руки убийцы (своего телохранителя Павсания), как полагают, подкупленного персами.

Когда Филипп подчинил себе Грецию и собирался в поход на персов, его сын Александр, родившийся в 356 году до н. э., попросил отца не довершать всего – иначе никаких подвигов не останется на его долю. Славолюбивый и талантливый Александр получил блестящее образование. В течение восьми лет главным наставником при нем был Аристотель, и Александр вполне воспользовался уроками великого философа. Биографы славят также его физическую силу и возвышенность души. Но сильнее всех качеств было в Александре славолюбие. Например, на предложение явиться на состязание на Олимпийских играх наследник македонского престола отвечал, что он не прочь, «если соперниками его явятся также цари».

Убийство царя Филиппа Павсанием. Худ. Андре Кастень (1899)

После смерти Филиппа Греция хотела стряхнуть с себя македонское иго, но Александр совершенным разрушением Фив разом подавил восстание. А Фивы всегда стояли за персидские интересы. Так что этим своим ударом Александр обезоружил всех сторонников Персии в Греции. А потом последовал задуманный и подготовленный отцом Александра поход в Персию, о котором рассказывалось выше.

В результате Александр Македонский стал владыкой всего персидского берега Средиземного моря, включая Египет. Отметим, что более других удержал его перед собой лежавший на острове город Тир. Тиряне за

своим проливом защищались стойко: они пускали из орудий тяжелые камни в осаждавшие войска, а их водолазы разрушали начатые плотины. Но Александр все же насыпал плотину через пролив и, совершенно разрушив Тир, перенес торговый центр оттуда в основанную им в Египте Александрию.

Завоевав весь берег и уничтожив персидские морские силы, Александр углубился внутрь персидской Азии. Битва при Арбеле, в Месопотамии, завершила покорение Персии. Царь Дарий Кадоман бежал, а потом был убит, и Александр объявил себя царем Персидского государства, а затем принял титул «царя Азии».

Не довольствуясь завоеванием Персии, он предпринял поход в Скифию и проник в Индию. Только невиданные прежде греками слоны и природные трудности заставили его окончить войну и возвратиться назад.

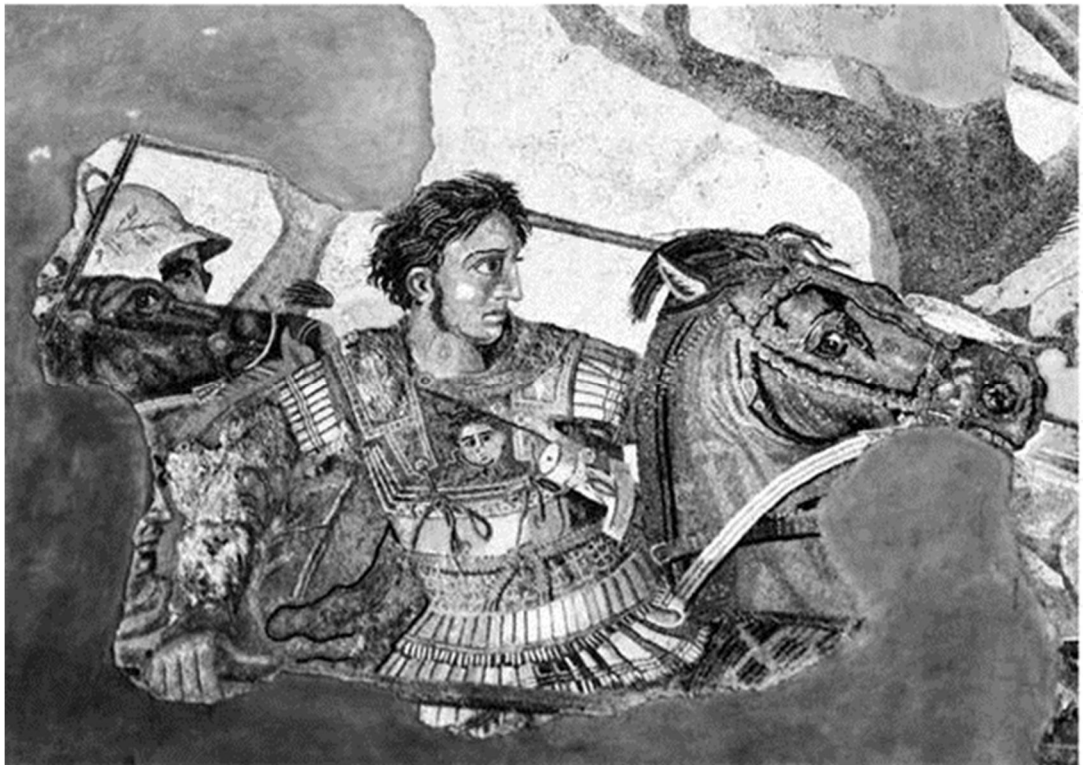
Рассказывают, что когда Александру во время похода представили чрезвычайно сложный Гордиев узел^[2], развязать который, по предсказанию оракула, значило приобрести всемирное владычество, Александр, не ломая головы над распутыванием его, разрубил узел одним ударом меча.

КСТАТИ

В переносном смысле термин «Гордиев узел» означает всякое запутанное сплетение обстоятельств, а выражение «разрубить Гордиев узел» – разрешить какое-либо сложное дело, какие-либо затруднения самым прямолинейным способом.

Чтобы понять, до какой степени военные действия играли второстепенную роль в этой войне, достаточно сказать, что при Гранике македоняне потеряли самое ничтожное количество людей, а персы – 1000 человек. При Иссе битва была серьезнее, но и там персы потеряли только шестую часть своего войска. Наконец, заключительная битва при Арбеле стоила македонянам всего 500 человек (а по некоторым данным, даже 100). Военные жертвы и усилия македонян, очевидно, были лишь толчком, рушившим уже колебавшееся царство. Александр щедро одаривал своих воинов и награждал семейства убитых. Довольное и упоенное славой войско помогало Александру удерживать власть, но это было только его личное влияние: со смертью Александра (он умер в Вавилоне после жестокой лихорадки 10 или 13 июня 323 года до н. э., в возрасте 32 лет, не оставив распоряжений о наследниках) его обширное

государство окончательно рухнуло.

Александр Македонский. Фрагмент древнеримской мозаики из Помпей (копия с древнегреческой картины)

Александр шел на Персию как представитель Греции. Он был настоящим греком до покорения Персии, но после – старался быть персом. Он принимал персов в свое войско, усваивал их привычки и обычаи. Естественно, греки и македоняне были недовольны этим предпочтением себе варваров. Но Александр хотел не только быть вполне персидским царем, он назвал себя по восточному обычаю богом. Это вызвало недоумение и насмешки в Греции. Однако афиняне, хоть и восстали против божеского титула Александра, но и они с прочими городами послали к Александру поздравительные делегации. И даже спартанцы заявили: «Если Александр хочет быть богом, то пусть будет». Но эти делегации нашли Александра в столице Персии уже при смерти.

На развалинах царства Александра Великого появился ряд самостоятельных государств. При этом Македонии не удалось окончательно слить с собой Грецию, и там образовались самостоятельные союзы городов: Этолийский и Ахейский^[3].

Обширная империя сразу же развалилась. Одному из полководцев Александра, Селевку, досталась большая часть Персидской империи, от Нила до Эфеса, другому, Птолемею, – Египет, третьему, Антигону, – Македония. Остальные страны переходили из рук в руки местных авантюристов. Начавшиеся с севера набеги варваров становились все чаще и губительней. И наконец, как мы увидим далее, с запада надвигалась мощная Римская республика, поглощавшая одну территорию за другой.

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

английский писатель

* * *

Древний Рим – это одна из ведущих цивилизаций Древнего мира, величайшее государство Античности. Оно получило свое название по главному городу Риму (Roma), в свою очередь названному так в честь легендарного основателя Ромула (Romulus).

История Древнего Рима может быть разделена на следующие периоды:

- период раннерабовладельческих отношений (VIII–II века до н. э.) К этим временам относятся «царский период» (VI век до н. э.) и ранняя Римская республика (V–IV века до н. э.);
- период наивысшего расцвета рабовладельческого способа производства, рабовладельческой общественно-экономической формации. Первый период классического рабства (II–I века до н. э.) совпадает с эпохой поздней Римской республики и гражданских войн; второй (I–II века н. э.) – это период ранней империи (или так называемого принципата);
- период общего кризиса рабовладельческого способа производства и политического кризиса Римской империи (III век н. э.);
- углубление кризиса рабовладельческого способа производства (IV–V века н. э.) – это поздняя империя и гибель Западной Римской империи.

Примерно к середине III века до н. э. сильнейшими государствами западного Средиземноморья были Карфагенская держава, с давних пор господствовавшая там, и только что образовавшаяся Римская рабовладельческая конфедерация.

И Карфаген, и Рим проводили агрессивную внешнюю политику. Каждое государство стремилось стать гегемоном западного Средиземноморского мира. В результате противоречия между ними привели к так называемым Пуническим войнам.

Рим против Карфагена

Как уже говорилось, братья-близнецы Ромул и Рем основали город Рим в 753 году до н. э. Это произошло более чем на полвека позже возникновения финикийского Карфагена^[4].

Карфаген – это финикийское государство со столицей в одноименном городе, существовавшее в древности на севере Африки, на территории нынешнего Туниса. Название этого города переводится с финикийского языка как «Новый город». А вот латинское название финикийцев-карфагенян – Роепі или Рупі – дало название Пуническим войнам, о которых речь пойдет чуть ниже.

А пока же выгодное географическое положение позволило Карфагену стать крупнейшим городом Западного Средиземноморья. Его население достигало 700 000 человек. Город объединял вокруг себя остальные финикийские колонии в Северной Африке и Испании, а также вел обширные завоевания и колонизацию.

Короче говоря, все это привело к тому, что в III веке до н. э. интересы Карфагена вошли в конфликт с усилившейся Римской республикой. Отношения между Римом и Карфагеном стали резко ухудшаться, и в 264 году до н. э. началась Первая Пуническая война.

Приступая к изложению хода Пунических войн, стоит бросить взгляд на политическое состояние и на вооруженные силы Карфагена.

С самого основания этой республики жители ее занимались земледелием, промышленностью и в особенности мореплаванием и торговлей. При этом Карфаген стремился к распространению своего владычества как в Африке, так и на Средиземном море. Когда Балеарские острова, Корсика и Сардиния были покорены карфагенянами, они захотели овладеть Сицилией. И что характерно, все эти завоевания были совершены большей частью наемными войсками. Карфагенские же граждане, обогащенные торговлей, уклонялись от службы и доверяли защиту и славу отечества чужеземцам, привлеченным корыстолюбием под знамена республики.

Карфагеняне уважали одно лишь золото, а вот римские граждане хоть и поддавались порой внутренним раздорам, но всегда готовы были объединиться против общего врага. В противоположность им карфагеняне, постоянно разделенные на партии, весьма часто не оказывали своим полководцам надлежащего содействия.

Пехота карфагенян была устроена по образцу фаланги. Кавалерия у них была несравненно лучше римской и состояла преимущественно из нумидийцев – легких всадников, подобных нашим казакам. Кроме того в карфагенских армиях мощную силу представляли собой вооруженные слоны.

Непосредственным поводом к Первой Пунической войне послужило покровительство, оказанное римлянами мамертинцам – наемникам сиракузского царя Агафокла, после его смерти завладевшим городом

Мессиной и основавшим там разбойничью республику. Война эта продолжалась 24 года (264–241 гг. до н. э.) с переменным успехом в Сицилии, на море и в Африке. И окончилась она миром, по условиям которого карфагеняне уступили Риму все свои владения в Сицилии и обязались заплатить им огромную контрибуцию.

Истощение финансов Карфагена по окончании Первой Пунической войны дошло до такой степени, что Карфагенский сенат не имел никакой возможности выплатить жалование наемным войскам. Следствием этого стало возмущение наемников и осада ими Карфагена. Тогда римляне, воспользовавшись затруднительным положением карфагенян, овладели Сардинией.

В 237 году до н. э. Карфагенская республика, окончив с успехом войну против восставших наемников, попала под влияние партии Гамилькара Барки, который вслед за этим предложил своим согражданам компенсировать потерю Сицилии и Сардинии покорением Испании. В 236 году до н. э. он произвел высадку при Гадесе (Гибралтаре) и в течение девяти лет распространил и утвердил владычество Карфагена в Испании.

В 227 году до н. э. его зять Гасдрубал, получив начальство над карфагенскими войсками, находившимися в этой стране, основал на восточном берегу Пиренейского полуострова город Новый Карфаген и привлек на свою сторону многие испанские племена. Успехи Гасдрубала возбудили еще большее недоброжелательство римлян к карфагенянам и заставили их принять под свое покровительство греческие колонии в Испании, из числа которых главной был город Сагунт (Сагунто).

Вскоре после этого Ганнибал, сын Гамилькара Барки, получил после смерти Гасдрубала начальство над карфагенскими войсками. Ганнибал, воспитанный отцом в чувствах ненависти к Риму, открыл войну взятием Сагунта после восьмимесячной осады. Это действие было явным нарушением договора, заключенного незадолго перед тем, но, несмотря на это, Римский сенат, не объявляя войны, ограничился требованием выдачи Ганнибала. Карфагеняне решились отказать в этом требовании, и это стало непосредственным поводом ко Второй Пунической войне, продолжавшейся 17 лет (218–201 гг. до н. э.).

Римляне опасались высадки карфагенских войск в Сицилию и потому решились послать туда одного из консулов с частью сил, другому же консулу, Корнелию Публию Сципиону, назначено было отплыть в Испанию и, действуя наступательно, уничтожить владычество карфагенян в этой стране. Но Ганнибал предполагал действовать так, как совершенно не ожидали римляне. Он решился идти в Италию и поразить врагов в самое их сердце.

В ту эпоху римляне, покорив всю Среднюю и Южную Италию, обратились на север против галлов. За этим последовало покорение римлянами Иллирии. Расширение территории Римской республики

могло послужить впоследствии к увеличению ее могущества, но это было сопряжено с необходимостью удерживать в повиновении не только враждебных галлов, но и некоторые племена Средней и Южной Италии, желавшие возвратить себе потерянную самостоятельность.

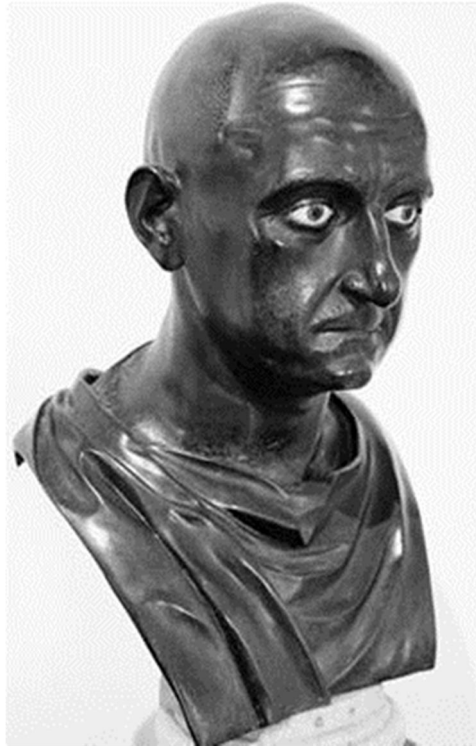
Римляне находили, что надо либо облагодетельствовать восставшие народы, либо вовсе их истребить, ибо всякий иной путь грозит величайшими опасностями.

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

итальянский мыслитель

Это требовало отвлечения больших сил, и это было на руку Ганнибалу, решившемуся произвести вторжение в земли Римской республики. План действий его заключался в том, чтобы совершив сухим путем движение из Испании в Италию, усилиться не только ополчениями, набранными у галлов, но и теми, которые можно было набрать в Средней и Южной Италии – странах покоренных римлянами. Плюс при этом дальнем движении Ганнибал решил не оставлять на пути своего следования никаких отрядов и отказаться на время от сообщений с Испанией. Такой способ действий на первый взгляд кажется слишком рискованным, но Ганнибалу необходимо было двигать войска быстро и не ослабляя своей армии отделением отрядов для прикрытия сообщений.

В конце мая 218 года до н. э. Ганнибал, оставив в Южной Испании своего брата с 15-тысячным войском и с довольно значительным флотом, выступил из Нового Карфагена с 82 000 человек пехоты и 12 000 человек кавалерии к Эбро. Переправившись через эту реку, он покорил многие народы, обитавшие на севере Испании. Затем, оставив на левой стороне Эбро 10-тысячный отряд, Ганнибал перешел через Пиренеи и двинулся к Роне.

Корнелий Публий Сципион

Бюст Ганнибала (Национальный музей, Неаполь)

При вступлении в Галлию Ганнибал был недоверчиво встречен некоторыми племенами, но вскоре, пользуясь всеобщей ненавистью к

римлянам, господствовавшей в Галлии, успел заключить союз с ее обитателями. Этот союз принес Ганнибалу большую пользу: в особенности теми сведениями, которые были доставлены ему галлами, относительно путей следования, проходов через Альпы и т. п.

В то самое время, когда Ганнибал вторгся в Галлию, Корнелий Публий Сципион с 22 000 человек римской и союзной пехоты и с 1800 человек кавалерии сел на суда в Остии, прибыл в окрестности Массилии (нынешнего Марселя) и сделал высадку в восточном устье Роны. Там узнал он, что Ганнибал перешел через Пиренейские горы, но, несмотря на то, римский военачальник дал отдых своим войскам и ограничился посылкой вверх по левому берегу Роны для разведки 300 римских всадников и 200 человек гальской конницы, состоявшей на содержании массильцев.

Между тем Ганнибал, прибыв к берегам Роны (в четырех переходах от моря), решился переправиться в этом пункте, представлявшем ему важные тактические выходы. Его армия переправилась на другой берег реки (с 37 боевыми слонами, что представляло весьма большие затруднения), а потом, узнав о высадке римской армии близ Массилии, Ганнибал выслал вниз по левому берегу Роны 500 нумидийских всадников, а главным силам дал кратковременный отдых.

Отряд, посланный на разведку, встретившись с римским авангардом, вступил в упорный бой и был опрокинут со значительным уроном. Но эта стычка не имела никаких важных последствий: Ганнибал двинулся на север к Альпам, а Корнелий Публий Сципион, дойдя до пункта, в котором переправилась через Рону карфагенская армия, обратился на юг к Массилии с той целью, чтобы, избежав встречи с превосходящими силами противника, отправиться морем в Италию и, усилившись там подкреплениями, двинуться против Ганнибала к Альпам.

Переход Ганнибала через Альпы. Худ. Генрих Лейтман (1866)

Между тем Ганнибал встретил при переходе через Альпы необыкновенные затруднения, совершая передвижение без надежных проводников по горам, покрытым снегом, в неблагоприятное время года (в конце октября) и имея при своей армии слонов, которые должны были чрезвычайно замедлять его следование.

Зная о сложностях, которые пришлось преодолеть при переходе через Альпы в более поздние времена Суворову и Наполеону Бонапарту, невозможно объяснить успех Ганнибала чем-то иным, кроме его нравственных качеств: смелости и непреклонности характера. Потери Ганнибала при этом переходе были огромны: выступая от Пиренеев с 60 000 войск и переправившись через Рону с 46 000, он пришел в долину

реки По всего с 26 000 (12 000 карфагенской пехоты, 8000 испанской пехоты и 6000 кавалерии).

После перехода через Альпы Ганнибал, дав кратковременный отдых своим войскам, обратился против тауринов, отказавшихся заключить с ним союз против римлян, взял приступом главный город их страны (нынешний Турин) и привлек тем на свою сторону многие племена Верхней Италии. Между тем Корнелий Публий Сципион, высадив свои войска в Пизе, двинулся оттуда через Этрурию, усилился в пути подкреплениями, прибыл с 20-тысячной армией к реке По и направился к Павии.

В то же самое время сенат вызвал из Сицилии другого консула, Семпрония, предписав ему идти форсированными маршами в Верхнюю Италию в помощь Корнелию Публию Сципиону, который следовал навстречу Ганнибалу.

Оба полководца горели желанием сразиться как можно скорее: Ганнибалу необходимо было одержать верх для привлечения на свою сторону склонных к переменам галлов, а Корнелий Публий Сципион хотел избавить свое отечество от нашествия опасного врага и тем самым удержать в повиновении ненадежных союзников.

Ганнибал, обращаясь к своим войскам, сказал: «Вы должны победить или погибнуть, владеть несносную жизнь под игом римлян, либо получить все несметные сокровища Римской республики. Возвратиться назад – невозможно. Вы знаете, каким путем мы пришли сюда».

Как только карфагенская и римская армии сблизилась между собой, Ганнибал двинулся вперед со всей своей кавалерией, а Корнелий Публий Сципион – с 2000 римских и галльских всадников, находившихся при его армии, которых поддержали 5000 велитов (легких пехотинцев).

Со стороны Ганнибала войска были построены в одну линию: испанская кавалерия в центре, а нумидийская – по флангам. Велиты, уstraшенные наступлением многочисленной неприятельской конницы, отошли назад, и Ганнибал атаковал римскую кавалерию. Она сражалась упорно, но все же римляне были опрокинуты и вынуждены отступить. Сам консул, тяжело раненный, был спасен своим сыном.

После битвы при Тицине Ганнибал одержал победы при Требии и Тразименском озере, а потом – у города Канны. Это было сокрушительное поражение римлян: число убитых у них доходило, по некоторым данным, до 70 000, число пленных превышало 10 000, а спастись удалось лишь не более чем 3000 человек. Со стороны Ганнибала урон не превышал 6000 человек. Следствием этого поражения был переход на сторону Карфагена значительной части Италии, а также второго по значению города – Капуи.

Тит Ливий и последующие историки упрекали Ганнибала за отдых, данный им карфагенским войскам, полагая, что они, проведя зиму в

Капуе, изнежились и сделались неспособными к перенесению лишений. Трудно согласиться с подобным мнением: расположение на зимних квартирах способствует сохранению здоровья войск и приносит несомненную пользу. Да и вообще, возможно ли, чтобы превосходные войска, подобные тем, которыми командовал Ганнибал, могли совершенно изнежиться за несколько месяцев?

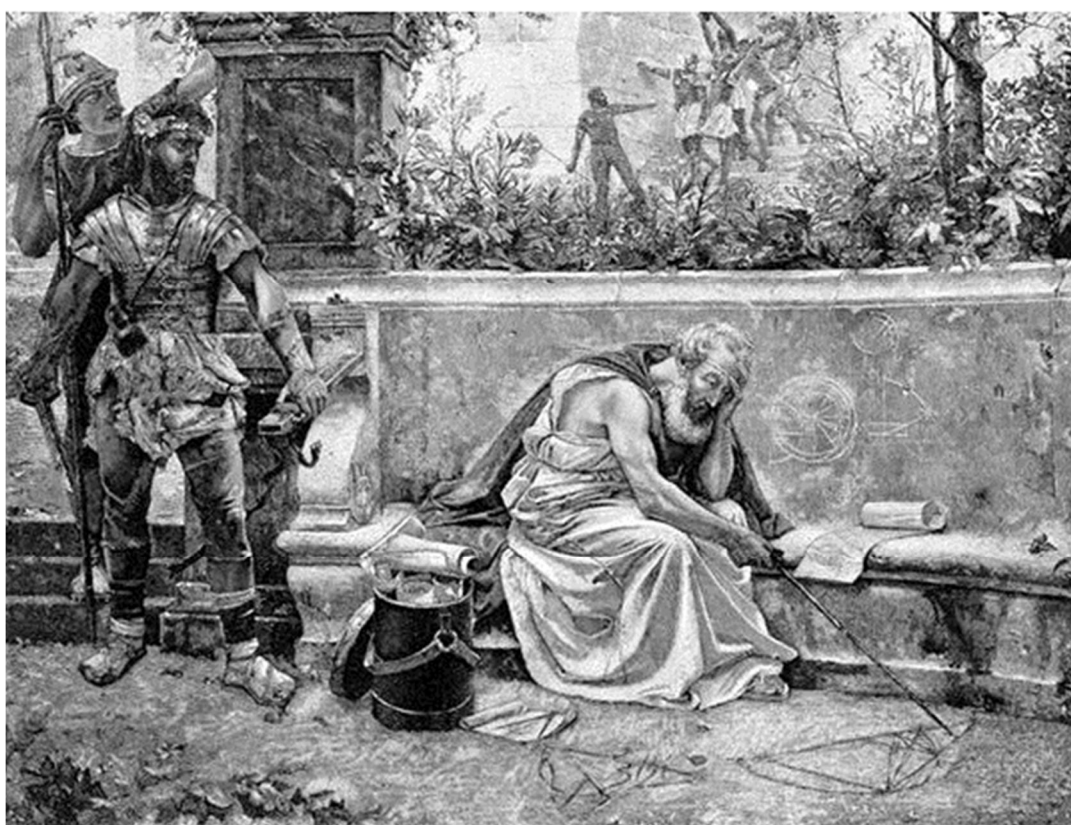
Архимед при обороне Сиракуз. Худ. Керубино Корниенти (1855)

Карфагенская армия удерживалась в Италии еще 14 лет и одержала за это время много побед. Действительными же причинами неудач Ганнибала впоследствии оказались слабое содействие ему Карфагенского правительства и искусство римских военачальников, действовавших против него.

Война велась одновременно в Италии, Испании, на Сардинии и Сицилии. Ганнибал переходил из одной области в другую, стараясь овладеть пунктами, остававшимися еще во власти римлян. Со стороны римлян, действия в Италии производились несколькими армиями, из которых одни наблюдали за главными силами Ганнибала, избегая решительной встречи с ним, а другие были отряжены для отнятия у военачальников Ганнибала завоеваний, сделанных прежде.

В 215 году до н. э. умер царь Сиракузский Гиерон, неизменный союзник Римской республики. Это обстоятельство помогло Ганнибалу привлечь

на свою сторону Сиракузы. В 214 году до н. э. римляне послали на Сицилию армию под начальством консула Марка Клавдия Марцелла, и на следующий год он осадил Сиракузы. Положение этого укрепленного города представляло большие выгоды для обороны: часть его стен пролегла вдоль моря, некоторые пункты, находившиеся на весьма крутых высотах, были совершенно неприступны. Но главная сила Сиракуз заключалась не в ее стенах, а в тех средствах, которыми обороняющиеся были обязаны уму великого математика и изобретателя Архимеда.

Смерть Архимеда. Худ. Гюстав Куртуа

Римские войска обложили город со всех сторон, а Архимед, со своей стороны, соорудил множество баллист и катапульт различных размеров, что давало сиракузцам возможность поражать врагов как издали, так и на близком расстоянии. Некоторые авторы уверяют, что Архимед также употреблял зажигательные зеркала и даже сжег с их помощью весь неприятельский флот, но ни Полибий, ни Тит Ливий, ни Плутарх не упоминают об этом факте.

Лишь в 212 году до н. э., после двухлетней осады, римляне овладели Сиракузами. Город был совершенно опустошен, и Архимед был убит римским солдатом.

Следствием взятия Сиракуз было покорение римлянами всей Сицилии. В то же самое время, когда производилась блокада Сиракуз, другая римская армия осадила Капую. Таким образом, римляне, несмотря на понесенные ими прежде потери, выставили огромные силы, состоявшие из 25 легионов (до 120 000 человек).

С другой стороны, войска Ганнибала сильно пострадали от стужи, у них погибли все боевые слоны, и римляне сумели одержать ряд важных побед. В частности, в 210 году до н. э. Публий Сципион (сын Корнелия Публия Сципиона, погибшего в Испании), впоследствии прославившийся под прозвищем Африканский) напал на Новый Карфаген и взял этот укрепленный город, служивший главным опорным пунктом карфагенян, что повлекло за собой их дальнейшие неудачи в Испании. Публий Сципион, действуя весьма искусно как в политическом, так и в военном отношении, привлек на сторону римлян испанские народы и снова разбил карфагенян при Бекуле.

С гибелью брата Ганнибала, Гасдрубала, который вел ему подкрепления, положение карфагенян еще более осложнилось.

Высадка Магона, младшего брата Ганнибала, в Италии оказалась безрезультатной: он потерпел поражение и погиб в бою.

Вскоре Рим перенес боевые действия в Африку. Заключив союз с царем нумидийцев Массиниссой, Публий Сципион Африканский нанес карфагенянам ряд поражений.

Битва при Заме. Худ. Корнелис Корт (1567)

Ганнибала срочно вызвали на родину. В 202 году до н. э. в битве у Замы, в 150 км к юго-западу от Карфагена, командуя плохо обученным войском, он потерпел поражение, и карфагеняне решили заключить мир.

По его условиям они были вынуждены отдать Риму Испанию и все острова, содержать не больше десятка боевых кораблей и выплатить огромную контрибуцию. Кроме того, они не имели больше права воевать с кем-либо без согласия на то римлян.

Ганнибалу пришлось бежать. Ночью он выехал верхом в свою приморскую резиденцию, где уже стоял в полной готовности корабль, на котором он доплыл до острова Керкина. Оттуда Ганнибал уплыл в Тир, который в это время входил в державу Селевкидов, образовавшуюся при распаде империи Александра Македонского. Оттуда он уехал в Эфес, где осенью 195 года до н. э. встретился с царем Антиохом III.

Древние авторы (Тит Ливий, Аппиан, Плутарх и др.) передают рассказ о встрече Ганнибала и Публия Сципиона Африканского, произошедшей в Эфесе в конце 193 года до н. э.

Ганнибал шел впереди, хотя почетное место более приличествовало Сципиону как победителю, но Сципион смолчал и шел как ни в чем не бывало. А потом он заговорил о полководцах, и Ганнибал объявил, что лучшим из полководцев был Александр, за ним Пирр, а третьим назвал себя. И тут Сципион, тихо улыбнувшись, спросил: «А что бы ты сказал, если бы я не победил тебя?» – на что Ганнибал ответил: «Тогда бы не третьим, а первым считал я себя среди полководцев».

ПЛУТАРХ

древнегреческий философ

В 192 году до н. э. началась Сирийская война: Антиох повел свою армию в Грецию, но потерпел поражение и был вынужден отступить. Сирийский флот серьезно пострадал в боях с римским флотом, и Антиох отправил Ганнибала в Тир, поручив ему собрать новую эскадру. Ганнибал собрал флот и двинулся в Эгейское море. Но царь Антиох в январе 189 года до н. э. потерпел еще одно поражение – от римлян, и условием заключения мира стало условие выдачи Ганнибала.

Узнав об этом, Ганнибал, по-видимому, уплыл на Крит. Потом он бежал в Армению, провозгласившую независимость от империи Селевкидов. Затем Ганнибал перебрался к царю Вифинии Прусию, воевавшему со своим соседом – союзником римлян. Римляне вновь потребовали выдачи Ганнибала, и тот, понимая, что для него все кончено, в 183 году

до н. э. принял яд из перстня, который на всякий случай всегда носил при себе.

Карфаген капитулировал и отдал Риму Испанию и весь свой военный флот. Кроме того, пришлось выплатить огромную контрибуцию и согласиться на выдачу Ганнибала римлянам. Ганнибал бежал в Азию, где, не желая оказаться в плену у своих извечных врагов, принял яд.

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

английский писатель

Отличительными чертами характера Ганнибала были непреклонность и сила воли. Тит Ливий писал о нем, что он был смел, бросаясь в опасность, и осмотрителен в самой опасности, что «воины ни под чьим начальством не были более уверены и более храбры».

Не было такого труда, при котором он уставал бы телом или падал духом. И зной и холод он переносил с равным терпением; ел и пил столько, сколько требовала природа, а не для удовольствия; распределяя время для бодрствования и сна, не обращая внимания на день и ночь, он уделял покою те часы, которые у него оставались свободными от работы; притом он не пользовался мягкой постелью и не требовал тишины, чтобы легче заснуть; часто видели его, как он, завернувшись в военный плащ, спал среди воинов, стоявших на карауле или в пикете. Одеждой он ничуть не отличался от ровесников; только по вооружению да по коню его можно было узнать. Как в коннице, так и в пехоте он далеко оставил за собой всех прочих: первым устремлялся в бой, последним после сражения оставлял поле. Но в одинаковой мере с этими высокими достоинствами обладал он и ужасными пороками. Его жестокость доходила до бесчеловечности, его вероломство превосходило даже пресловутое «пуническое» вероломство. Он не знал ни правды, ни добродетели, не боялся богов, не соблюдал клятвы, не уважал святыни.

ТИТ ЛИВИЙ

древнеримский историк

* * *

Итак, до 510 года до н. э. римская городская община находилась под управлением царей, которых предание насчитывает семь: Ромул (легендарный основатель города), Нума Помпилий, Тулл Гостилий, Анк Марций, Тарквиний Древний, Сервий Туллий и Тарквиний Гордый.

Потом Рим стал республикой, в которой решающую роль играл сенат и два консула, избиравшиеся на год.

Потом (с 27 года до н. э.) Рим из республики был превращен в монархию (империю).

Потом (в 395 году н. э.) произошел раздел Римской империи на две части – на Восток и Запад. Потом еще сто лет Западная Римская империя просуществовала самостоятельно. За это время Рим дважды был разграблен варварами, но империя еще как-то держалась.

А в 476 году Западной Римской империи не стало. Это произошло, когда один из германских наемников, Одоакр, надел на себя корону, свергнув последнего из императоров, Флавия Ромула Августа, прозванного Ромулом Августулом.

476 год – это очень важная дата, ибо крушение Западной Римской империи принято считать началом Средневековья.

Часть третья

Средневековье

Эпоха Средневековья представляет собой крайне неоднозначное явление. Начнем с того, что в исторической науке существуют многочисленные точки зрения на само понятие «средние века». Этот термин впервые был введен итальянским гуманистом Флавио Бьондо. Он это сделал в 1453 году, а до него же доминирующим термином для обозначения периода со времени падения Западной Римской империи было введенное Франческо Петраркой понятие «темные века» (им сейчас обозначают более узкий отрезок времени – VI–VIII века).

Средневековье условно делится на три основных периода: Раннее Средневековье (конец V – середина XI века), Классическое Средневековье (середина XI – конец XIV века) и Позднее Средневековье (XV–XVII века).

Средние века – это период всемирной истории, главным содержанием которого является формирование, расцвет и упадок феодального строя.

В период Раннего Средневековья наблюдалось развитие франкского государства. Имело место усиление германского племени франков и завоевание ими Северной Галлии (486 год).

Первым королем франков был Хлодвиг (Кловис), происходивший из рода легендарного франкского вождя Меровея. Поэтому первая династия франкских королей называется династией Меровингов.

Хлодвиг отметил тем, что, устранив своих политических соперников, принял в 496 году крещение по официальному обряду католической церкви.

В VIII веке Карл Мартель укрепил военную мощь Франкского королевства. Однако он стоял только на пороге истинного величия государства франков. А наивысшего могущества достиг его внук Карл I

Великий (старший сын Пипина Кроткого), ставший императором Священной Римской империи.

Карл Великий, король франков, ставший, по сути, императором Запада и умерший в 814 году, оказался человеком, по имени которого королевская династия получила новое название – Каролинги.

КСТАТИ

Королевская и императорская династия Каролингов правила с 751 по 987 гг. А происходит название династии от латинизированного имени Карла Великого (Carolus Magnus).

Карл Великий и распад его империи

Человек этот был поистине выдающийся. Историки называют его «легендой в последующей истории как Франции, так и Германии» и «самым могущественным монархом Средневековья». Кто-то утверждает, что он «превзошел своими подвигами Александра Македонского», что он «отличался железной волей, необычайно крепким здоровьем и не вылезал из седла». А в иных источниках вообще говорится, что он «был творцом новой эпохи для германского народа и сделал его средоточием, из которого словно из солнца заимствовали прочие народы свет и теплоту».

Карл I Великий, император Запада (статуя во Франкфурте)

Начиная с 772 года Карл Великий (по-французски – Charlemagne) покорил саксов и окончательно включил их земли в государство франков.

После этого государство франков расширилось на восток вплоть до реки Эльбы.

Примерно в то же самое время Карл покорил лангобардов, после чего и Северная Италия оказалась под его влиянием. Он возобновил выплату пожертвований Ватикану и обещал папе защиту со стороны франкского государства.

В 788 году Карл разбил войско Тассилона III, баварского герцога, и после этого и Бавария была включена в его королевство.

Карл продолжал расширять границы королевства вплоть до 796 года, и оно охватило территорию современной Австрии, а также части Хорватии.

Таким образом, Карл создал государство, простиравшееся от Пиренеев на юго-западе, шедшее через почти всю территорию современной Франции (за исключением Бретани, которая так никогда и не была

покорена франками), включавшее большую часть современной Германии, а также северные области Италии и современную Австрию.

История семейства Каролингов – это гораздо больше, чем история Франции. Это история Германии и Италии начала Средних веков. Она тесно связана с историей возвышения римских пап и даже затрагивает прошлое Испании.

УИЛЬЯМ СТИРНС ДЭВИС

американский историк

В первый день Рождества 800 года папа Лев III короновал Карла Великого в Риме как Римского императора, и эта церемония официально признала Франкское государство в качестве преемника Западной Римской империи.

Попротестовав поначалу против неправомерного присвоения подобных прав, в 812 году император Византии Михаил I также был вынужден признать Карла Великого императором.

Карл Великий скончался 28 января 814 года в Ахене и был погребен там же, в собственной дворцовой часовне.

Порой очень трудно отделить реальность и легенды, возникшие вокруг Карла Великого в разных странах, и так продолжается до наших дней. Для немцев Karl der Grösse является персонажем, столь же важным, как и для нас, французов; более того – в XX веке он был использован политиками, занимающимися манипуляциями с историей. Они сделали из него одного из предвестников объединения Европы, создав международную премию его имени, символически вручаемую в Экс-ля-Шапелле, городе, который он выбрал себе в качестве столицы.

БЕРНАР ФАН

французский историк

Совершенно очевидно, что если бы Карл был обычным завоевателем, заслуга его была бы минимальна, ибо мощное государство, составленное из стольких разнородных частей вскоре после его смерти распалось. Карл Великий имел более высокие и благородные цели. Он хотел осчастливить народы, покоренные его мечом. С неутомимой ревностью заботился он об образовании народа, о том, чтобы развить его разум, улучшить нравы.

У Карла Великого было несколько сыновей, однако только один из них пережил отца. Этот сын, Людовик Благочестивый (Louis le Pieux), родившийся в 778 году, унаследовал от отца всю Франкскую империю. Отец дал ему хорошее образование, сходное с образованием монахов, и он сохранил на всю жизнь высокие моральные требования к самому себе, показав себя человеком благочестивым, с чем, собственно, и было связано его прозвище.

После смерти Людовика в 840 году, после короткой гражданской войны, три его сына заключили в 843 году так называемый Верденский договор, согласно которому империя была разделена на три части.

Старший сын, Лотарь I, получил титул императора, однако в реальности он стал правителем только Срединного королевства, то есть центральных областей франкского государства. Его три сына, в свою очередь, разделили это королевство между собой, и получились Лотарингия, Бургундия, а также Ломбардия, что на севере Италии.

Второй сын, Людовик II Немецкий, стал правителем Восточно-Франкского королевства. Эта область позже стала основой для образования Священной Римской империи, из которой потом образовались современные Германия, Швейцария и Австрия. Кстати, преемники Людовика Немецкого теперь указаны в списке монархов Германии.

Третий сын, Карл II Лысый, стал править Западно-Франкским королевством. Он обладал множеством качеств, сделавших его способным прочно удерживать власть. Эта Западная Франкия (Francia Occidentalis) стала потом современной Францией, когда другие короли расширили ее на восток. Соответственно, преемники Карла Лысого указаны теперь в списке монархов Франции.

По сути, империя Карла Великого распалась на части из-за постоянных конфликтов между наследниками, а также из-за опустошительных набегов викингов на все побережья бывшей империи. Плюс, конечно же, очень трудно было контролировать такую огромную территорию при тогдашней примитивной системе связи и при практически полном отсутствии дорог.

К сожалению, личные таланты, сила и энергия Карла Великого позволяли уверенно держать империю в руках, но вот наследники оказались лишь его слабой тенью. И империя распалась на три королевства, которые стали прообразами нынешних Франции, Германии и Италии.

Бесконечные конфликты и разделы территорий продолжались потом очень долго. Что же касается названия «Франция», то оно появилось, как уже говорилось, от «Западной Франкии», где династия Каролингов правила вплоть до 987 года, то есть до того момента, когда скончался последний король франков Людовик V. После 987 года королевство стало известно под именем Франция, поскольку представители новой правящей династии Капетингов изначально являлись герцогами Иль-де-Франс.

Приблизительно к тысячному году от эпохи Каролингов осталось лишь далекое и полузабытое воспоминание.

МАРИ-АНН ПОЛО ДЕ БОЛЬЁ

французский историк

* * *

Классическое Средневековье (середина XI – конец XIV века) отличалось тем, что завершился процесс формирования феодальных отношений, и все структуры феодального общества достигли полного расцвета.

Были созданы централизованные государства с централизованным управлением. Крупные феодалы стали зависеть от короля, но при этом начали возникать первые парламенты, ограничивавшие королевскую власть. Раньше всего такой парламент (кортесы) появился в Испании. Точнее не в Испании, ибо такой страны тогда еще не было, а в Кастилии – в 1137 году. В 1265 году парламент сформировался в Англии.

Безусловно, вначале парламенты были ограничены в своих решениях, но зато важнейшим вопросом, который рассматривали парламентарии, быстро стали налоги.

Парламенты оказались не единственным политическим новшеством Классического Средневековья. Еще одной важной новой составляющей общественной жизни стали политические партии, которые сразу же начали жестко противостоять друг другу.

Ну и конечно, начались Крестовые походы, то есть серия религиозных военных походов рыцарей из Западной Европы против мусульман.

Другая правда о Крестовых походах

Термин «крестовый поход» у большинства людей ассоциируется со средневековыми экспедициями полчищ западноевропейских рыцарей на Восток с целью «освобождения Гроба Господня от неверных». На первый взгляд все просто: с одной стороны – христиане, с другой – мусульмане. Но это очень упрощенная схема тогдашнего религиозного противостояния.

На самом деле ситуация была далеко не столь однозначной.

КСТАТИ

Название «крестоносцы» появилось потому, что участники крестовых походов нашивали себе на одежду большие кресты. Считалось, что крестоносцы обязательно получают отпущение грехов, поэтому в походы отправлялись не только профессиональные рыцари, но и простые люди и даже дети. Крестоносцы хотели завоевать Палестину – небольшую область, которая прежде составляла царство Иудейское, и в которой родился и умер Иисус Христос. Их нападения были направлены на завоевание главного города этой области – Иерусалима. А Палестина находилась тогда во власти поклонников Магомета. И многие годы в Европе это считалось осквернением этой земли, ибо всем казалось, что земля,

носящая название Святой, должна пребывать во владении христиан.

Впервые призвал к Крестовым походам против неверных с целью освобождения Святой Земли (так христиане называли Палестину) римский папа Урбан II. Произошло это в 1095 году. На призыв охотно откликнулись десятки тысяч европейцев, взявшихся за оружие кто по религиозным соображениям, кто ради получения богатой добычи, а кто и просто «за компанию» с вышеназванными.

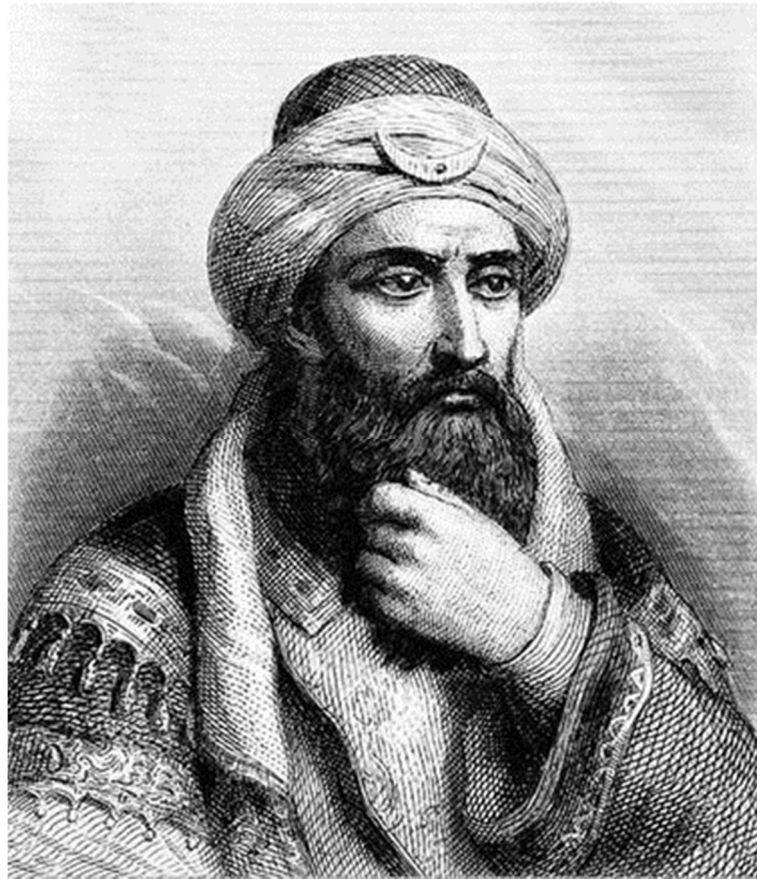

Завоевание Иерусалима крестоносцами (фрагмент). Худ. Эмиль Синьоль (1847)

Всего Крестовых походов, предпринятых в период с 1095 по 1270 гг., было восемь. Основными вехами первых Крестовых походов стали взятие и разграбление крестоносцами Иерусалима в 1099 году (по данным летописных источников, в городе за два дня были зверски вырезаны около 40 000 мусульман), а также создание на Ближнем Востоке нескольких государств и рыцарских орденов, призванных их защищать.

Конец успехам крестоносцев был положен в 1187 году, когда Иерусалим был отбит войсками Салах-ад-Дина (Саладина), объявившего «джихад» (священную войну) завоевателям и установившего контроль практически над всей Святой землей. Так что события на Святой земле не принесли большой славы крестоносцам. Они хотя и заняли Иерусалим во время

шестого крестового похода в 1229 году, но уже через пятнадцать лет вновь его потеряли. Седьмой и восьмой походы вообще оказались провальными. Окончательно военные действия европейцев на Ближнем Востоке прекратились после того, как мусульмане в 1291 году взяли Акру – последний оплот крестоносцев на Святой земле.

Султан Салах-ад-Дин (Саладин)

Как видим, закрепиться в восточных странах европейцам так и не удалось. Крестовые походы не достигли официально поставленных целей и, начатые при всеобщем воодушевлении, завершились полным провалом и разочарованием.

То, что крестоносцы своими действиями вызывали чувство ненависти у мусульман, вполне нормально: с ними они шли воевать, каждый считал свое дело правым, и это было их естественной реакцией. Но то, что «воины Христовы» ухитрились восстановить против себя и местных христиан, испокон веков проживавших на Востоке, на первый взгляд кажется удивительным.

Уже во время Первого крестового похода, идя через Балканы, крестоносцы начали грабить византийские (христианские) поселения. В результате во многих местах между византийцами и вооруженными

ордами с Запада стали разыгрываться настоящие сражения. После такого поворота событий добравшимся до Константинополя трудно было стать желанными гостями византийского императора Алексея I Комнена. Франков (так византийцы именовали пришедших с Запада крестоносцев), показавших себя бесцеремонными невежами, временно поселили вне городской черты, накормили, чем попало, и спешно перевезли через Босфор в Малую Азию.

Но это еще были, как говорится, цветочки, ягодки ожидались впереди – во время Четвертого крестового похода. На сей раз крестоносцы задумали отправиться на Святую землю морским путем. Для этого они решили нанять корабли у Венеции, но ее правитель Великий дож Дандоло потребовал за перевозку войск огромные деньги, которых у крестоносцев не оказалось. Тогда Дандоло предложил им «отработать» эту сумму огнем и мечом, нанеся удар по Константинополю, с которым венецианцы давно и безуспешно вели ожесточенную борьбу за первенство в морской торговле с восточными странами.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Константинополь – это город, основанный императором Константином Великим. Он стал Новым Римом (Вторым Римом) – новой столицей великой Римской империи. Константинополь – это первый город в мире, изначально строившийся христианским императором. Боле того, это первый в истории город, который был задуман и построен именно как христианский.

«Борцы против неверных» не заставили себя долго уговаривать. 13 апреля 1204 года они взяли штурмом Константинополь и грабили его в течение трех дней, уничтожая величайшие культурные ценности и древнейшие христианские реликвии.

Вскоре на месте Византийской была создана Латинская империя, на трон которой был посажен граф Бодуэн Фландрский. Венецианцы же завладели константинопольской гаванью и добились торговой монополии в пределах Латинской империи и на островах Эгейского моря. Тем самым при помощи крестоносцев-наемников они надолго решили все свои проблемы. Сами же крестоносцы так устали от грабежей своих собратьев по религии, что забыли о своих первоначальных целях и решили вообще не ходить в Палестину.

Вступление крестоносцев в Константинополь. Худ. Гюстав Доре

На первый взгляд такой поворот событий невероятен и вызывает чувство содрогания. Ничего себе, «борьба с неверными»... Но, на самом деле, все это лишь подтверждает тезис о том, что начавшиеся в XI веке Крестовые походы были типичными военно-идеологическими мероприятиями, обеспечивавшими борьбу за власть внутри прежде единой христианской религии.

Как известно, окончательный раскол христианства на католический Запад во главе с римскими папами и православный Восток во главе с константинопольскими патриархами был оформлен именно к XI веку. При этом в Византийской империи и во всех подчиненных ей провинциях

христианство существовало в качестве официальной государственной религии. Более того, к началу XII века Византия оставалась самой мощной во всех отношениях империей той эпохи.

Самоуверенные византийцы считали западных христиан варварами (и оснований для этого у них было более чем достаточно), не замечали различных течений в исламской религии, не разделяли арабов и турок. При этом большинство восточных христиан рассматривалось Константинополем в качестве еретиков, на которых столица, начиная с IV века, оказывала тяжелое и порой кровавое давление.

Этому-то расцвету надменной Византии Запад и ответил волной Крестовых походов, реальная цель которых состояла не в объявленной войне с «неверными», а в перехвате власти у более удачливого конкурента.

А что же пресловутая идея «освобождения Гроба Господня»? Она была выдвинута Римом для идеологического обоснования военного вторжения на Восток. При этом, объявляя войну «неверным», Запад фактически провозглашал таковыми своих восточных собратьев по вере.

Причины раскола христианства, помимо обострившихся культурных и языковых различий между Востоком и Западом, состояли в соперничестве двух столиц, восточной и западной, и, соответственно, двух церквей, олицетворяемых этими столицами. Не последнюю роль сыграли также и непонятные для непосвященных различия в богослужебной практике, а также споры по поводу формулировок символов веры.

Но захват Константинополя в 1204 году и создание Латинской империи стали лишь временным триумфом Запада. Византия возродилась в 1261 году, однако она так и не смогла до конца оправиться от тяжелейшего удара, нанесенного ей крестоносцами. Ничто уже не могло предотвратить окончательного падения Константинополя в середине XV века, после которого турки-османы, захватив Балканы, надолго заняли свое место на европейской политической сцене.

Папа Урбан II в 1095 году в числе прочего призвал крестоносцев «освободить христиан Востока». Но христиане Востока, привыкшие жить в условиях мусульманского владычества, никого не просили о подобной помощи.

На мусульманском Востоке существовало несколько направлений христианской религии: мелкиты (сторонники греческой православной церкви), монофиситы (ассирийская православная церковь), марониты, несторианцы и т. д. Мелкиты имели три патриархии – Антиохийскую, Иерусалимскую и Александрийскую; монофиситы концентрировались в районе Дамаска и Антиохии, в Палестине, а также в Верхней Месопотамии; марониты – в горах Ливана. Христианами (монофиситами) были копты, жившие в Египте, а главное – армяне, расселившиеся по

всей Малой Азии и основавшие свое царство на Средиземноморском побережье.

Различные течения христианства на Востоке имели одну общую черту: все они не признавали главенства римского папы, а также (за исключением мелкитов) находились в оппозиции к греческой православной церкви.

Все представители христианской религии с точки зрения мусульманских законов имели статус «дхимма» (dhimma), то есть пользовались защитой мусульман, имели свободу вероисповедания и свободу собраний, могли спокойно заниматься хозяйством и торговлей. При этом они должны были уважать мусульманские законы и мусульман (например, они не имели права строить дома выше, чем дома соседей-мусульман), а также платить определенную подать.

Многие западные историки сходятся на том, что до начала Крестовых походов мусульмане на Ближнем Востоке проявляли в отношении христиан достойную уважения терпимость. Более того, даже после завоевания Малой Азии агрессивными турками-сельджуками множество греков и армян сохранили свою веру и свой язык. По отношению к своим христианским подданным сельджукские султаны проявили известную терпимость, соблюдая нормы «дхимма».

На территории Египта до конца X века также проводилась политика веротерпимости в отношении местных христиан, которая была нарушена лишь фатимидским халифом Аль-Хакимом, начавшим преследования по религиозному принципу.

Относительно взаимоотношений мусульман и христиан в Египте в конце XI – начале XII века можно привести такой факт: в 1073 году гражданская и военная власть в Египте на шестьдесят с лишним лет перешла к династии визирей армянского происхождения. Их соотечественники-христиане тут же стали стекаться под их знамена, составив, в частности, один из самых боеспособных отрядов египетской армии.

До начала Первого крестового похода христианские сообщества численно превосходили мусульманские во многих деревнях Палестины и Сирии, в Антиохии, в долине Евфрата, а также в Верхнем Египте. Конечно же, все они (за исключением армян) были в значительной степени арабизированы. Мелкиты, например, даже использовали арабский в качестве литургического языка. При этом мусульмане уважали христиан за их профессиональные знания (множество врачей, например, были христианами), вместе с ними отмечали христианские праздники, посещали христианские монастыри. Известно, например, что один из султанов посещал христианский монастырь Непорочной Девы на севере Дамаска для лечения зрения.

Самое парадоксальное состоит в том, что взаимодействие между христианской и мусульманской традициями на Ближнем Востоке не прерывалось даже в период наибольшего противостояния, то есть во

времена Крестовых походов. В арабских источниках всегда строго разделялись местные христиане, которых называли «насрани» (nasrani), и христиане, пришедшие с Запада, которых называли «ифранж» (ifranj), то есть франками, и против которых был объявлен «джихад» (священная война).

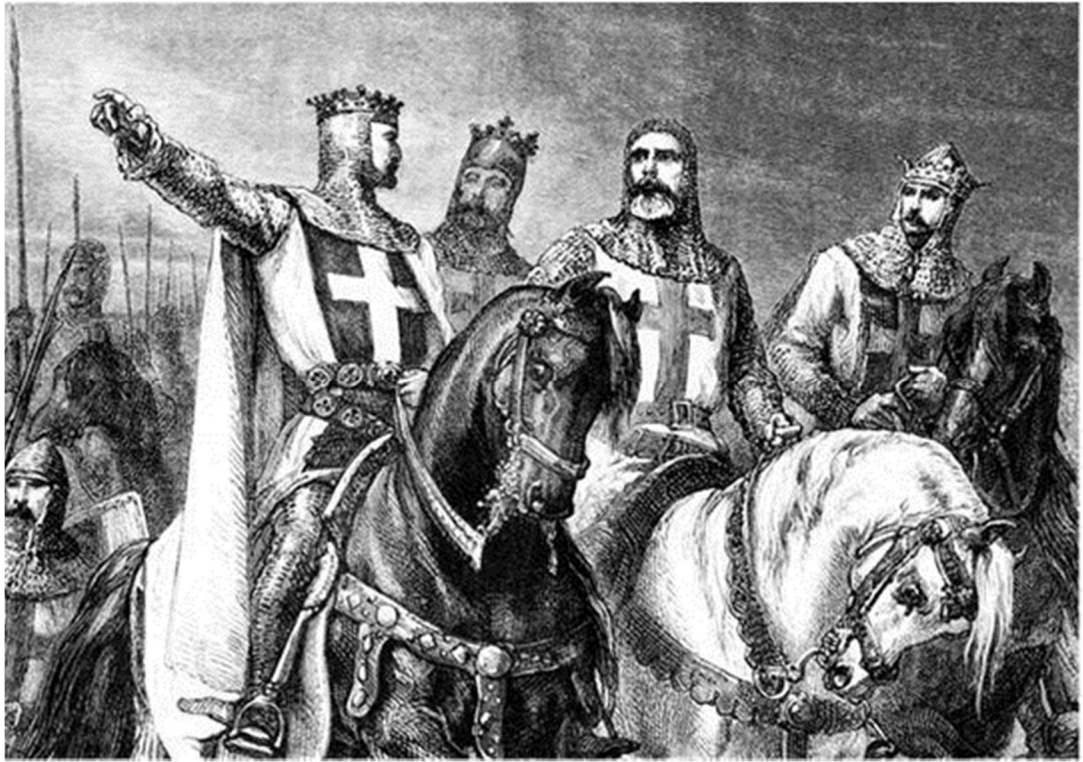
Приход крестоносцев способствовал серьезному перевороту в политической и религиозной ситуации на Ближнем Востоке. С созданием латинских государств, пришедшие с Запада установили свою власть над местными христианами, в основном мелкитами, в равной степени, как и над мусульманами. После взятия Антиохии и Иерусалима мелкитские патриархи были смещены и заменены европейскими прелатами (так называли лиц, занимающих высокие должности в структурах Римской католической церкви), многие святые места были разграблены. Это, естественно, вызвало недовольство и восстановило мелкитов против крестоносцев. Провалились у крестоносцев и попытки установления союза с армянами в Силисии и Северной Сирии.

Причинами этого стали и огромная пропасть в уровне развития между восточными христианами и крестоносцами, и различия интересов, и высокая степень встроенности восточных христиан в восточную культуру. Кроме того, местным христианам очень не понравился главный тезис их агрессивных «братьев» с Запада, которые заявили учить «правильной» религии тех, кто исповедовал христианство еще тогда, когда предки этих самых крестоносцев были обыкновенными язычниками.

Как результат – ни один христианин и не подумал эмигрировать из мусульманской страны в Латинское государство, и это при том, что оно было христианским и находилось совсем рядом. Из всех восточных христиан лишь ливанские марониты к 1181 году бесповоротно встали под начало римской церкви.

Самый парадоксальный факт состоит в том, что Крестовые походы не только не способствовали усилению христианства, напротив – они привели лишь к ослаблению его позиций во всем рассматриваемом регионе.

Прежде всего, приход крестоносцев коренным образом изменил отношение мусульман к христианам, причем сделал это самым бесповоротным образом. Тот же Саладин, например, приказал местным христианам снять кресты с церквей, заставил их носить отличающие желтые повязки, запретил им садиться на лошадей и мулов и т. д. Многие церкви были переоборудованы в мечети. После разорения городов крестоносцами мусульманские судьи (кади) заставляли местных христиан возмещать убытки и восстанавливать постройки.

Крестоносцы (слева – Готфрид Бульонский). Худ. Гюстав Доре

В результате к XIII веку христианские сообщества на Востоке пришли в полный упадок: они потеряли вес в обществе и уже никогда больше не имели такого значения, как раньше. Древнеассирийский летописец Баребраус с ностальгией констатировал, что в X веке его народ «удивительно процветал, а теперь он пал в состояние нищеты».

Вывод тут однозначен: способствовали этому Крестовые походы. И это не единственный парадокс военных экспедиций, которые были призваны освободить христиан Востока.

Совершенно очевидно, что люди, принимавшие обет крестоносца, имели разные побудительные мотивы: одни стремились разбогатеть, других влекла жажда приключений, третьи были движимы исключительно религиозными соображениями. Благодаря красивым легендам, Крестовые походы до сих пор окружены романтическим ореолом рыцарского духа и отваги, однако все эти рассказы о великих рыцарях-крестоносцах изобилуют противоречиями и преувеличениями. В действительности это были рыцари без страха, но отнюдь не без упрека.

И самое нелепое состоит в том, что, несмотря на проявленные крестоносцами доблесть и героизм, а также на посулы римских пап и уверенность в правоте своего дела, христианам так и не удалось освободить Святую землю. В реальности Крестовые походы привели лишь к тому, что мусульмане стали ее бесспорными властителями.

Трагедия сегодняшнего мира заключается в том, что сейчас, спустя 900 лет после того, как закончились Крестовые походы, мы и мусульмане все еще очень плохо понимаем друг друга.

РИДЛИ СКОТТ

британский кинорежиссер

* * *

Крестовые походы не были войнами в том смысле, какой это слово имеет обыкновенно. Скорее, это были походы охотников, уверенных в том, что посещение Святой земли, особенно нахождение в Иерусалиме и в тех местах, где бывал Иисус Христос, является чем-то спасительным, составляющим заслугу, ибо по тогдашнему убеждению некоторые грехи не могли быть очищены иначе, как только такого рода странствием.

По сути, Крестовые походы дали результаты только отрицательные. Они ослабили уважение и влияние папского престола. Даже, можно сказать, они почти уничтожили это, тогда как по первоначальному назначению должны были их возвысить и утвердить.

А вот самой настоящей войной, самым продолжительным военным конфликтом Средневековья, стала так называемая Столетняя война.

Сколько лет длилась Столетняя война?

Для того чтобы понять это, прежде всего необходимо разобраться с вопросом о том, что такое Столетняя война.

Начнем с того, что так называемая Столетняя война длилась не сто лет, а сто шестнадцать.

Считается, что Столетняя война между Англией и Францией длилась с 1337 года по 1453 год. Но на самом деле это была даже не война, а серия войн, которые то разгорались, то утихали, то вновь разгорались с новой силой.

Началась эта война с тривиального династического конфликта: король Англии Эдуард III из рода Плантагенетов, внук по материнской линии короля Франции Филиппа IV Красивого, выдвинул свои претензии на французский престол, оспаривая законность правления короля Франции Филиппа VI, племянника Филиппа IV Красивого по мужской линии.

Проще говоря, внук поспорил с племянником.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Король Филипп IV Красивый был из рода Капетингов и умер в 1314 году. Его сын, король Карл IV Красивый, тоже был из рода Капетингов и

умер в 1328 году. Умирая, он назначил регентом королевства Филиппа, своего двоюродного брата из побочного королевского рода Валуа (своих детей мужского пола у него не было). Таким образом, династия Капетингов, правившая страной с 987 года, прервалась, и внук Филиппа IV Красивого не захотел с этим мириться.

Таким образом, Столетняя война – это самая обыкновенная семейная ссора, и обе стороны, участвовавшие в ней, были французские.

Конфликт между родственниками Эдуардом и Филиппом осложнялся взаимными претензиями на Гиень (Guyenne), герцогство на юго-западе Франции, подвассальное французской короне, но принадлежавшее английским королям.

Начало войны, формально объявленной 1 ноября 1337 года, ознаменовалось взаимными ударами, нанесенными с моря. В частности, англичане захватили остров Кадзан у фламандских берегов, что и стало первой их победой, одержанной над французами в растянувшейся на сто с лишним лет кровопролитной войне.

В августе 1338 года король Эдуард III высадился во Фландрии, а в июле следующего года напал на приграничные районы Франции. Король Филипп VI, несмотря на наличие у него сильной армии, уклонился от решительной битвы.

В 1340 году у побережья близ города Слүйс французский флот был полностью уничтожен англо-фламандским флотом. В этом бою король Филипп VI потерял не только все свои корабли, но и примерно тридцать тысяч человек. С этого времени англичане стали безраздельно господствовать на море, что, собственно, и неудивительно: во всех франко-британских войнах их флот оказывался сильнее французского.

Все попытки прийти к какому-нибудь мирному соглашению оказались безрезультатными, и летом 1346 года король Эдуард III высадился в Нормандии. 26 августа в сражении при Креси на границе Фландрии и Пикардии он нанес сокрушительное поражение французам.

Сражение при Креси! Как его только потом ни называли: и одной из важнейших вех в истории Столетней войны, и важнейшим этапом вообще в истории военного искусства...

Сражение при Креси. Миниатюра XV века

Английское войско насчитывало около 20 000 человек, в том числе 4000 рыцарей, около 11 000 лучников и приблизительно 5000 пехотинцев, вооруженных копьями. Французское войско было более многочисленным: 12 000 рыцарей, около 6000 арбалетчиков (в основном наемников-генуэзцев) и около 20 000 пехотинцев ополчения, собранного французскими городами.

Эдуард III расположил свое войско вдоль дороги к Креси, по которой двигалась французская армия. Английские лучники построились в пять шеренг. Тактической новинкой короля Эдуарда стало размещение части спешенных рыцарей в рядах лучников, что должно было показать, что дворяне готовы разделить все опасности с простолюдинами, и что английское войско представляет собой общенациональную армию.

Французские рыцари повели себя иначе: вступив в бой, они смяли и потоптали собственную пехоту, считая, что она только мешается под ногами. Туча стрел английских лучников обрушилась на них, и атака захлебнулась: множество рыцарей было покалечено, а лошадей – убито.

Об английских лучниках стоит сказать особо. Они производили залпы очень массированно, как сейчас говорят, «по площадям» (так, то есть

бесприцельно, английский лучник был способен произвести десять-двенадцать выстрелов в минуту, прицельно – примерно шесть выстрелов в минуту). Это очень походило на огонь «Катюш» времен Второй мировой войны.

Несколько раз французы нападали на позиции англичан, но каждый раз были отбиты. Под королем Филиппом VI была убита лошадь, и он приказал отступать.

После этого англичане осадили портовый город Кале и взяли его в июне 1347 года. Все это заставило короля Филиппа VI любой ценой искать мира, который и был заключен в сентябре 1347 года.

В августе 1350 года король Филипп VI умер, и место на престоле занял его 30-летний сын Жан II Добрый.

Через пять лет перемирие между Францией и Англией закончилось, и английский правитель герцогства Гиень Эдуард Черный Принц (сын Эдуарда III) совершил опустошительный набег на Лангедок, дойдя до самых Пиренеев. 19 сентября 1356 года в битве у Пуатье англичане вновь наголову разбили превосходящие силы французов.

Сражение при Пуатье. Миниатюра XV века

Пуатье – это примерно то же самое, что и Креси – и важнейшая веха, и этап в истории военного искусства и т. д.

Короче, у англичан было около 7000 человек, в основном лучников и копейщиков. Это войско было разделено на три части: правым флангом командовал граф Солсбери, двоюродный брат Генриха V, левым – Ричард де Бошан, граф Уорвик (француз, между прочим), чуть позади располагался отряд самого Черного Принца.

Французская армия насчитывала до 20 000 человек, в основном тяжелых и легких кавалеристов. Они были выстроены четырьмя отрядами один за другим: первый отряд – под командованием маршалов де Клермона и д'Одрегема, второй – под командованием девятнадцатилетнего сына короля Карла, третий – под командованием герцога Орлеанского, четвертый – под командой самого короля.

Французские конники атаковали англичан. Маршал Жан де Клермон нанес удар по позициям графа Солсбери, надеясь пробить в них брешь, но был встречен градом стрел и убит одним из первых. Его людям так и не удалось вклиниться во вражеские позиции. Маршала Арну д'Одрегема, атаковавшего позиции графа Уорвика, ждал аналогичный конец. Спешенные рыцари дофина Карла направились вверх по обильно поросшему виноградом пологому склону и также были встречены ураганом английских стрел. Несмотря на тяжелые потери, французы приблизились к линии обороны, и завязалась длительная, ожесточенная рукопашная. Французам едва не удалось прорваться, но англичане сумели сохранить свои позиции. В конце концов при непрерывной поддержке огнем фланговых лучников английским тяжелым всадникам удалось отогнать атакующих.

Обе стороны понесли тяжелые потери, и видя, как пострадало войско дофина, командовавший третьим отрядом герцог Орлеанский, брат короля, смалодушничал и увел свой отряд с поля боя.

Зато в атаку пошел четвертый отряд, возглавляемый лично Жаном II Добрым. Черный Принц контратаковал его с фланга, и завязался страшный рукопашный бой. Израсходовав все стрелы, английские лучники присоединились к ставшему всеобщим побоищу. Этого французы не выдержали и обратились в бегство. Доблестный король Жан II Добрый, по старинным рыцарским традициям сражавшийся в первых рядах своих воинов, был взят в плен. Попал в плен и его младший сын Филипп.

Король Жан II Добрый

Французы в сражении при Пуатье потеряли убитыми около 3000 человек, и примерно столько же попало в плен. Потери англичан неизвестны, но составили, вероятно, около 1000 человек убитыми и примерно столько же ранеными.

Это поражение для французов оказалось еще более сокрушительным, чем поражение десятилетней давности при Креси. В результате перевезенный в Англию король Жан вынужден был заключить с королем Эдуардом очень тяжелый для Франции мирный договор, по которому англичане получили в свое владение Нормандию, Перигор, Лимузен, Пуату, Анжу, Мэн, Турень и Сентонж, а их владения в герцогстве Гиень увеличились вчетверо.

За деньгами для своего выкупа (а англичане потребовали за это 3 млн золотых экю) король Жан II Добрый возвратился во Францию, оставив в заложниках своего сына герцога Анжуйского, но тот, нарушив данное слово, бежал.

Возмущенный этим король Жан, которому еще не удалось собрать нужную сумму, добровольно вернулся в Англию, чтобы заменить сына. Английский король был поражен такой честностью своего противника и окружил его самым искренним вниманием. Тем не менее весной 1364 года король Жан тяжело заболел и умер. Ему было 44 года.

Его место на французском троне занял его 26-летний сын Карл V Мудрый, на плечах которого после пленения отца при Пуатье уже и так лежали все государственные заботы.

Став королем, Карл V начал готовиться к новой войне с Англией. Разрыв отношений, который рано или поздно должен был произойти, случился в 1368 году, а военные действия возобновились в 1369 году.

Провозглашенный в 1370 году коннетаблем (то есть верховным главнокомандующим) Франции Бертран дю Геклен реформировал армию на основе наемничества, усилил роль пехоты, обновил тактику и добился значительных успехов. Ему удалось разбить англичан у Понваллена. После этого французы отбили у англичан свои южные провинции и Пуату, а в 1372 году были взяты Ля-Рошель, Монконтур и еще несколько городов. В 1373 году власть короля Карла признала Бретань, а годом позже – Гасконь.

К 1375 году в руках англичан остались только «ворота Франции» Кале, а также Байонна и Бордо.

К сожалению, благоразумный и удачливый король Карл V Мудрый умер в 1380 году в возрасте всего 43 лет (в том же году, кстати, умер и коннетабль Бертран дю Геклен), а его место на троне занял его сын – 12-летний Карл VI Безумный.

Когда в 1392 году стало ясно, что Карл VI совершенно лишился рассудка, во Франции началась борьба за регентство, вылившаяся в гражданскую войну между Арманьяками и Бургиньонами.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Арманьяки и Бургиньоны – это группировки крупных феодалов во Франции в первой трети XV века, которые боролись между собой за власть. Арманьяки – это сторонники герцога Орлеанского, и они были названы так по имени Бернара VII, графа д'Арманьяка, возглавившего эту группировку. Бургиньоны – это бургундские герцоги Иоанн Бесстрашный, Филипп Добрый и их сторонники.

Тем временем в Англии 21 июня 1377 года умер король Эдуард III, не перенеся смерти своего любимого сына Эдуарда Черного Принца. Некоторые странные историки называют его «стариком Эдуардом», хотя ему было всего 55 лет.

Освободившийся трон наследовал внук Эдуарда III и сын Эдуарда Черного Принца 12-летний Ричард II, но ввиду его малолетства страной фактически правил его дядя Джон, герцог Ланкастерский.

Когда Ричарду исполнилось 22 года, он заявил, что имеет полное право править страной без опекунов, и начал с того, что приказал бросить в тюрьму своего дядю, герцога Глостера. Нетрудно догадаться, что вскоре

несчастный был найден в своей тюремной камере мертвым. Потом из страны был изгнан двоюродный брат Ричарда Генрих Болингброк, сын герцога Ланкастерского, а через три месяца умер и сам старый герцог, и Ричард, не долго думая, конфисковал все его владения.

Изгнанный из страны, Генрих оказался человеком решительным, и летом 1399 года он высадился в Англии и с группой верных ему людей двинулся на Лондон. Вскоре под его знамена собралось более 30 000 человек.

Через некоторое время Ричард II был арестован и заключен в тюрьму Тауэр. 29 сентября 1399 года он отрекся от престола, а в начале следующего года... Совершенно верно, был найден в своей тюремной камере мертвым.

Сменивший его на троне Генрих, ставший королем Генрихом IV, правил в Англии до конца своих дней, то есть до 20 марта 1413 года.

Его сын, Генрих V Плантагенет, едва приняв власть в стране, тут же стал готовиться к походу на Францию, с которой уже много лет сохранялось перемирие. Во Франции в это время продолжал «править» Карл VI Безумный, и, как метко выразился историк Анри Гийемен, «Генрих нашел, что с такой Францией, возглавляемой сумасшедшим королем, было бы крайне глупо пребывать в апатии».

В 1414 году Генрих V Плантагенет во главе 6000 рыцарей и 24 000 пеших воинов (в основном, лучников) высадился в Нормандии и осадил город Арфлёр. В конце сентября город был взят и превращен в мощный опорный пункт для набегов на другие территории Франции.

Сражение при Азенкуре. Миниатюра XV века

Хотя французы оказывали лишь слабое сопротивление, у англичан вскоре нашелся более опасный враг: больше половины их войска унесла в мир иной инфекционная дизентерия. Когда болезнь стала грозить полным уничтожением армии, король Генрих решил отступить к Кале, но французы преградили ему путь.

И 25 октября 1415 года состоялась знаменитая битва при Азенкуре, в которой англичанам, несмотря на численное меньшинство, удалось нанести французам тяжелейшее поражение.

На рассвете английская армия заняла позицию в теснине, образованной густыми лесами, растущими по обеим сторонам главной дороги, ведущей к Кале. Земля была свежевспаханной и размокшей после недавних ливней. Англичане, а их, по данным сохранившейся платежной ведомости Генриха V, было около 1500 рыцарей и 6000 лучников, построились тремя отрядами – точно так же, как почти 70 лет назад выстроил свою армию король Эдуард III в сражении при Креси.

Французская армия тоже была поделена на три отряда: два из них состояли в основном из пехотинцев, в том числе и из спешенных рыцарей, а третий – из конных воинов.

В сохранившемся подлиннике приказа маршала Бусико, второго лица во французской армии после коннетабля Шарля д'Альбрэ, вполне конкретно названа численность армии – 22 000 человек. Маршал писал приказ не для историков, поэтому этой цифре вполне можно доверять.

Три часа обе армии стояли друг против друга на расстоянии чуть больше полутора километров. Шарль д'Альбрэ надеялся на то, что англичане нападут первыми. Англичане же хотели, чтобы первыми напали французы.

Раздраженный долгим стоянием, король Генрих V решил спровоцировать французскую атаку и приказал своим войскам осторожно выдвинуться вперед примерно на три четверти километра. Осуществив этот маневр, англичане восстановили прежний строй. После этого солдаты быстро вколотили в землю остро заточенные колья, соорудив тем самым предназначенный для защиты от кавалерийской атаки частокол.

Это английское выдвижение подхлестнуло рвущихся в бой французских баронов, и коннетабль д'Альбрэ, уступив их требованиям, вынужден был отдать команду наступать. Первый отряд спешившихся рыцарей, закованных в тяжелые доспехи, неуклюже двинулся вперед, а с флангов мимо них понеслись отряды кавалерии.

Печальный для французов опыт Креси и Пуатье повторился с точностью до мелочей. Большая часть всадников и их лошадей пала под английскими стрелами, а уцелевшие, смешав ряды, бросились отступать.

Когда первый французский отряд, ведомый самим Шарлем д'Альбрэ, кое-как доковылял до позиций англичан, кавалерийская атака уже была полностью отбита. Французские рыцари к этому времени буквально валились с ног от усталости: сказывался как неподъемный вес стальных доспехов, так и размокшая перепаханная земля под ногами. Да что там — земля, это была мокрая глина, а что такое идти пешком по прилипающей к подошвам мокрой глине знает любой житель сельской местности или городских новостроек.

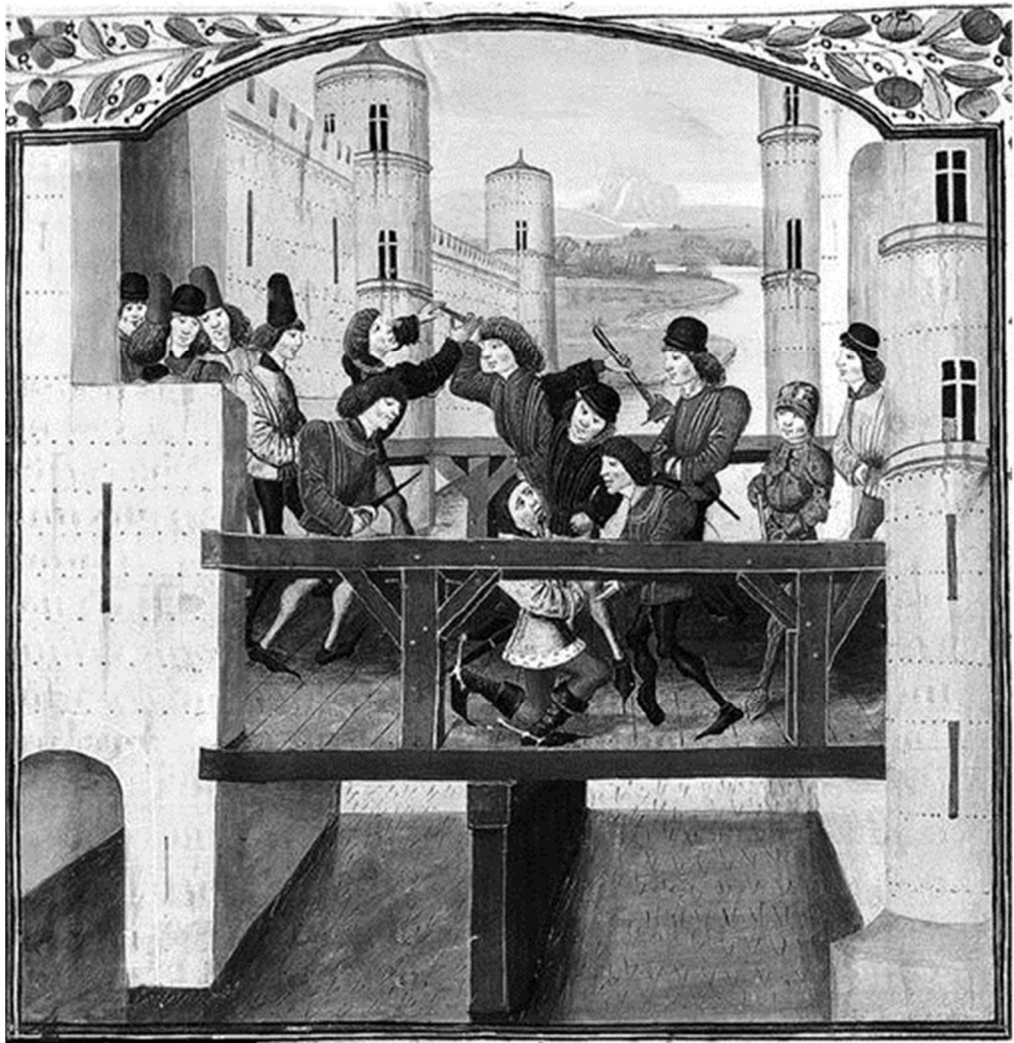
Валились французы и от мощного огня английских лучников. Когда оставшиеся в живых французы подошли совсем близко, англичане взялись за мечи и топоры и, оставив позиции за частоколами, ударили «железным людям» в тыл и во фланг. Буквально за несколько минут от первого французского отряда не осталось ни человека. Кто не успел сдаться, тот был убит или изувечен.

После этого без всякой координации с предшественниками в атаку по непролазной грязи пошел второй французский отряд. Итоги этой атаки оказались почти такими же плачевными. Сумевшие спастись бегством присоединились к кавалерии третьего отряда и стали готовиться к решающему наступлению.

Третье французское наступление оказалось еще менее энергичным, чем предыдущие, и англичане легко его отбили. Кульминацией этой завершающей стадии сражения стала контратака нескольких сотен английских конников, возглавленная лично Генрихом V. Остатки французской армии были окончательно рассеяны.

Французские потери составили порядка 10 000 человек. Погибли коннетабль Шарль д'Альбрэ, герцог Ангулемский и множество других известных бойцов, цвет французского рыцарства, почти все высшие должностные лица королевства, а герцог Карл Орлеанский и несколько маршалов были захвачены в плен.

После разгрома французов при Азенкуре Генрих V захватил всю Нормандию и приступил к планомерному покорению Франции. В начале 1419 года после семимесячной осады он взял Руан.

Убийство Жана Бесстрашного на мосту в Монтро. Миниатюра XV века

Глава Бургиньонов Жан Бесстрашный сначала перешел на сторону англичан, но затем начал вести переговоры с наследником французского престола дофином Карлом, будущим королем Карлом VII. Но 10 сентября 1419 года он был убит на мосту в Монтро приверженцами дофина.

Сын Жана Бесстрашного Филипп Добрый, стремясь отомстить за убийство отца, в декабре 1419 года заключил в Аррасе союз с англичанами, признал право короля Генриха на французскую корону и объявил войну дофину Карлу. Королева Изабелла Баварская присоединилась к этому договору.

Прошло полтора года и 21 мая 1421 года в городе Труа был подписан скандальный по своей сути договор между Англией и Францией, согласно которому Генрих V, к тому времени успевший в мае 1420 года жениться на дочери Карла VI Безумного Екатерине, объявлялся регентом и наследником французского престола, а дофин Карл, который, как выяснилось, был рожден королевой Изабеллой Баварской вовсе не

от своего мужа, был лишен прав называться дофином. Возмущенный Карл, конечно же, не признал этот договор, заключенный его полоумным «папашей» и одобренный отказавшейся от него матерью. В ответ на это Генрих демонстративно и торжественно вступил в Париж.

В августе 1422 года король Генрих V внезапно заболел дизентерией и умер. Ему было неполных 35 лет. Через два месяца у французов умер король Карл VI Безумный. Ему было 53 года, из которых последние тридцать лет он едва мог управлять страной (лучше бы он этого вообще не делал).

После этого королем объединенных Англии и Франции стал Генрих VI, сын Екатерины Французской, а следовательно – законный внук короля Карла VI.

Париж присягнул этому «англо-французскому» ребенку, а отодвинутый на второй план дофин Карл обосновался на юге страны. Конечно же, он тоже провозгласил себя королем Франции, но для большей части французов эта коронация ничего не значила. Настоящие коронации испокон веков проводились только в Реймсе, а этот город находился под контролем англичан и их союзников бургундцев. В подчинении же Карла остались города Шинон, Пуатье, Бурж и Риом, районы по левому берегу Луары, Пуату, Турень и Лангедок. Франция окончательно разделилась на две части: королем южной части был Карл из рода Валуа, а королем северной части – его племянник Генрих из рода Плантагенетов. Дорогу англичанам на юг преграждал лишь Орлеан.

Король Генрих VI

Город был осажден, и эта осада продолжалась много месяцев. Английские войска там насчитывали от 4000 до 5000 солдат.

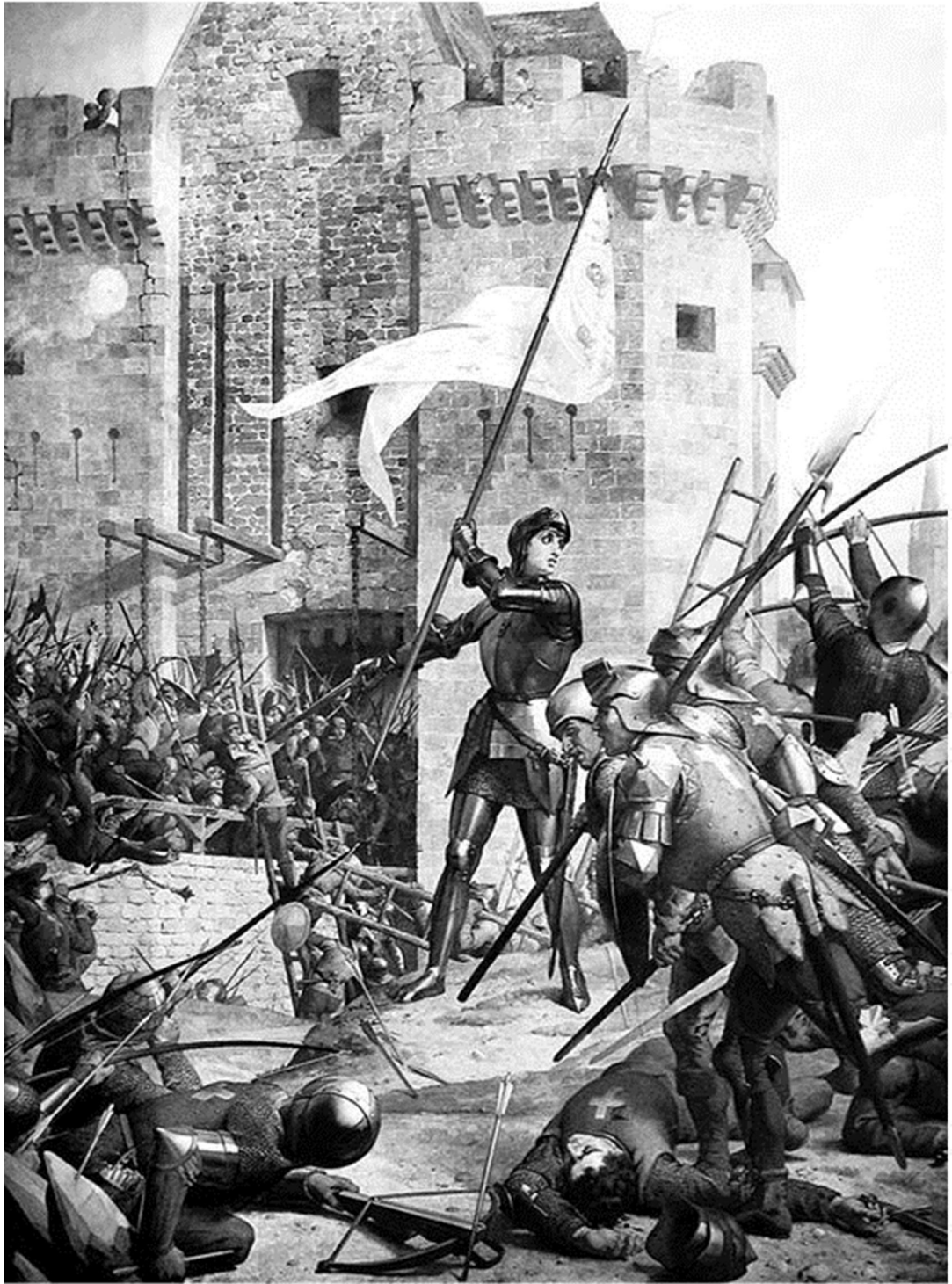
Гарнизон Орлеана командовал опытный ветеран Рауль де Гокур. Хотя гарнизон насчитывал лишь около 500 человек, из горожан было создано 34 отряда ополчения, ровно по числу городских башен. Заранее было заготовлено большое количество продовольствия и боеприпасов, на городских стенах размещена сильная артиллерия. Перед приходом англичан предместья города были сожжены, а их жители укрылись в городе.

Потом к Орлеану подошли новые английские отряды под командованием лордов Томаса Скейлза и Джона Тэлбота, который принял на себя общее командование осадой.

Затем, в течение зимы, на помощь к англичанам еще пришло и около 1500 союзных им бургундцев. Осаждающие начали строить группу укреплений, связанных между собой траншеями. Но в целом боевые действия под Орлеаном можно было охарактеризовать, как пассивные, лишь время от времени они оживлялись короткими стычками между противниками.

Но при этом осада постепенно уплотнялась, а запасы продовольствия в городе начали подходить к концу.

Такова краткая предыстория событий под Орлеаном до того момента, как в конце апреля 1429 года там появилась Жанна. Город, занимавший ключевую стратегическую позицию на дороге, связывавшей северную часть Франции, контролируемую англичанами, с южной, контролируемой французами, находился в осаде уже шесть с половиной месяцев. В случае его захвата англичане получили бы возможность начать развернутое наступление на юг, где у французов больше практически не было сильных крепостей. Короче говоря, как весьма метко писал в одном из своих писем, датированных маем 1429 года, один венецианский дворянин, если бы англичане взяли Орлеан, «то смогли бы легко стать хозяевами Франции, а дофина отправить в богадельню».

Жанна д'Арк при осаде Орлеана. Худ. Жюль Эжен Ленеvé (1889)

Таким образом, от судьбы этого города зависела судьба дофина Карла, а вместе с ним и всей Франции.

Согласно официальной версии, 29 апреля 1429 года Жанна с небольшим отрядом проникла в Орлеан, чтобы поддержать осажденных морально. А уже 4 мая французская армия одержала первую победу, взяв бастион

Сен-Лу. Потом победы последовали одна за другой, и уже в ночь с 7 на 8 мая англичане были принуждены снять осаду города.

После победы под Орлеаном Жанну прозвали «Орлеанской Девой» (la Pucelle d'Orléans). А потом было одержано еще несколько побед (под Жаржо, при Пате). В результате 17 июля Карл был коронован в Реймсе, а Жанна стала убеждать новоявленного короля начать наступление на Париж, но тот отказался, и атака на столицу была предпринята только в сентябре. Весной 1430 года военные действия возобновились, но шли вяло.

В мае Жанна с небольшим отрядом двинулась на помощь Компьеню, осажденному бургундцами. Там она была взята в плен, а король Карл не сделал ничего, чтобы спасти ее. Затем бургундцы продали пленницу англичанам, а 30 мая 1431 года Жанна д'Арк была сожжена на костре в Руане (ее обвинили в том, что она еретичка и идолопоклонница, надевшая мужскую одежду).

Казнь Жанны д'Арк. Открытка XIX века

Но смерть Жанны не повлияла на дальнейший ход войны, и вновь началось наступление французов. В 1435 году бургундцы перешли на сторону короля Франции, и они вместе овладели Парижем. Затем Карл реорганизовал свою армию и стал освобождать один город за другим. В 1449 году французы отвоевали Руан. В битве при Форминьи граф де Клермон наголову разгромил английские войска. 6 июля французы освободили Кан. Попытка английских войск под командованием Джона Тэлбота отвоевать Гасконь провалилась: английские войска потерпели сокрушительное поражение при Кастильоне в 1453 году. Это сражение стало последней битвой Столетней войны. В 1453 году капитуляция английского гарнизона в Бордо положила конец Столетней войне.

Удивительно, но никакого мирного договора между Англией и Францией, закрепляющего итоги войны, ни в 1453 году, ни в ближайшие за этим годы и десятилетия, заключено не было. Однако разразившаяся вскоре Война Алой и Белой розы заставила английских королей надолго отказаться от конфликтов с Францией.

* * *

Последняя фаза Средневековья ознаменовалось ростом значения централизованного государственного управления. Яркими примерами этого роста служат завершение феодальных междоусобиц – таких, как, например, Война Алой и Белой розы (War of the Roses) в Англии, а также объединение крупных регионов – например, Кастилии и Арагона в Испании.

Война Алой и Белой розы

Если Столетняя война была династической войной за французский престол, то Война Алой и Белой розы стала борьбой за власть между соперничающими наследниками двух сыновей Эдуарда III, Джона Гонта (Гентского), 1-го герцога Ланкастера, и Лайонела Антверпа (Антверпенского), 1-го герцога Кларенса.

Дом Ланкастеров, знаком которого стала Алая роза, продержался на троне полстолетия после того, как Генрих, старший сын Джона Гонта, узурпировал власть и сместил сына Черного принца Ричарда II. Этот Генрих стал Генрихом IV, и после него корона поочередно переходила к его сыну Генриху V и внуку Генриху VI. И хотя права дома Ланкастеров основывались на первоначальной узурпации власти, они все же признавались парламентом и довольно долго никем не оспаривались.

Права на власть дома Йорков восходили к Филиппе, дочери Лайонела Антверпа, который был старше Джона Гонта. Филиппа вышла замуж за Эдмунда Мортимера, представителя могущественной семьи Мортимеров, ставших графами Марчами и герцогами Йоркскими (их

знаком была Белая роза). Эти права не были скомпрометированы узурпацией, но проблема заключалась в том, что речь шла о родстве по женской линии. Плюс об этих правах ранее не заявлялось.

Но, если честно, ни у одного из претендентов не было достаточно серьезных оснований для того, чтобы занять трон.

В последовавшие за этим кровопролитные конфликты оказались втянуты не только противоборствующие партии, но и все влиятельные семейства в стране. То есть Война Алой и Белой розы, по сути, стала войной между этими семьями и за их интересы.

Неожиданное возвращение рассудка к королю Генриху VI (историки предполагают, что Генрих мог страдать шизофренией, плюс у него случались галлюцинации, унаследованные от деда по матери, Карла VI Безумного) стало причиной удаления Йорка от двора. Но он не собирался сдаваться без борьбы. В результате Ричард Йорк и Ричард Невилл, граф Уорик (в старых источниках – Варвик), собрали свои огромные армии в Мидленде и двинулись к столице. Войска Ланкастеров под командованием герцога Сомерсета вышли навстречу, чтобы остановить противника. Армии столкнулись в мае 1455 года на улочках городка Сент-Олбанс. Йорк и Уорик разбили Ланкастеров, а Сомерсет погиб в бою. Так была пролита первая кровь в этой войне.

Ричард Йорк в сражении при Сент-Олбансе

После этого английский парламент объявил Ричарда Йорка протектором королевства и наследником Генриха VI. Однако в 1460 году в битве при

Уэйкфилде Ричард Йорк погиб. Партию Белой розы возглавил его сын Эдуард, коронованный в 1461 году в Лондоне как Эдуард IV. В том же году йоркистами были одержаны победы под Мортимер-Кросс и при Таутоне. В результате последней битвы основные силы ланкастерцев были разбиты, а король Генрих VI бежал из страны (король вскоре был пойман и заключен в Тауэр).

Но это все было позже, а пока имеет смысл рассказать поподробнее о Ричарде Уорике, получившем громкое и звучное прозвище «Делатель королей» (Kingmaker).

Этот человек родился 22 ноября 1428 года. Его отцом был Ричард Невилл, 5-й граф Солсбери, а матерью – Элис Монтегю. А в историю «Делатель королей» вошел потому, что он стал одной из ключевых фигур в Войне Алой и Белой розы, в течение которой именно он в 1461 году способствовал свержению короля Генриха VI из династии Ланкастеров в пользу короля Эдуарда IV из династии Йорков, а затем, в 1470 году, снова объявил королем Генриха VI.

Еще раз проясним ситуацию, ибо она была настолько запутанной, что сейчас разобраться в ней очень даже непросто.

Ричард Невилл, 16-й граф Уорик и 6-й граф Солсбери

Будущий Генрих VI родился 6 декабря 1421 года, и он был единственным ребенком и наследником короля Генриха V, одного из величайших

полководцев Столетней войны, разгромившего французов в 1415 году в битве при Азенкуре. Генрих V умер 31 августа 1422 года, и в сентябре следующего года лорды принесли присягу на верность Генриху VI, которому на тот момент не было и двух лет. В результате был создан Регентский совет, который должен был действовать до совершеннолетия короля. Главным регентом был назначен Джон Ланкастерский, 1-й герцог Бедфорд. Этот человек был третьим сыном короля Генриха IV, и он взял на себя руководство войной на территории Франции.

Соответственно, Генрих VI был коронован 6 ноября 1429 года, за месяц до своего восьмилетия, и он стал первым и единственным в истории королем, который законно унаследовал одновременно и английскую и французскую короны.

Поскольку королева-мать Екатерина Валуа была француженкой, ее к ребенку почти не подпускали, а страной продолжил править Регентский совет, в котором главную роль играли три двоюродных деда юного короля: упомянутый герцог Бедфорд, герцог Гемфри Глостер и кардинал Генрих Бофор. А вот непосредственное воспитание монарха было возложено на Ричарда де Бошана, графа Уорика. У этого человека был сын, но он рано умер, и престарелый граф передал свой титул и достояние мужу дочери Анны – Ричарду Невиллу, а тот, в свою очередь, и стал потом тем самым «Делателем королей», 16-м графом Уориком и в конечном итоге самым знаменитым носителем этого титула.

Интрига, приведшая к Войне Алой и Белой розы, завязалась в 1435 году, когда не стало герцога Бедфорда (он умер в Руане 14 сентября 1435 года). Замены ему не нашлось, а посему между оставшимися родственниками короля началась ожесточенная борьба. Дело в том, что герцог Гемфри Глостер, со дня смерти Генриха V и до конца своих дней являвшийся наследником английского трона, был сторонником продолжения войны и хотел стать единоличным регентом. Но ему противостоял кардинал Бофор в союзе с графом Уильямом Суффолком – они выступали за мир с Францией. И вот, в целях устранения Глостера и прекращения войны, в 1445 году кардинал уговорил 23-летнего Генриха VI жениться на 15-летней Маргарите Анжуйской, дочери герцога Рене Анжуйского и Изабеллы Лотарингской.

Маргарита была коронована 30 мая 1445 года и очень скоро (13 октября) родила сына, которого называли Эдуардом. А тем временем природное слабоумие Генриха превратилось в совершенное сумасшествие, а посему королева, занятая уходом за маленьким сыном, объявила протектором королевства Ричарда Плантагенета, 3-го герцога Йоркского. Саму же ее в Англии не любили, и последней каплей тут стало возобновление французами в 1450 году Столетней войны, к которой Англия оказалась не слишком готовой. В результате Маргарита очень скоро увидела, что амбициозный герцог Йоркский угрожает ее мужу свержением, сам претендуя на английский престол.

Генрих VI был человеком доверчивым и крайне нестабильным, а в августе 1453 года с ним случился очень серьезный приступ безумия: его даже кормили с ложки, как младенца, и на руках переносили из кресла на кровать и обратно. Однако потом он поправился, и его жена Маргарита добилась изгнания герцога Йоркского из Совета. Так, по сути, в 1455 году началась кровопролитная Война Алой и Белой розы (напомним, на гербе Ланкастеров была изображена алая роза, на гербе Йорков – белая роза).

И что же «Делатель королей»? А он тут-то и вышел на политическую арену. Он поддержал партию Белой розы, и весь клан Уориков-Невиллов составил ядро партии Йорков.

В мае 1455 года именно участие 16-го графа Уорика в битве при Сент-Олбансе решило ее исход в пользу сторонников Ричарда Йорка. Считается, что блистательная победа была одержана, исключительно благодаря полководческому таланту Уорика. Войска графа ударили по королевским войскам с тыла. Погибли многие сторонники Ланкастеров, в том числе и фаворит короля Генриха VI герцог Сомерсет.

После этого страна разделилась: юг и восток поддерживали Белую розу, север и запад – Алую розу.

В ответ решительная Маргарита собрала армию, а заодно повела тайные переговоры с лордами о низложении Генриха VI и возведении на престол своего сына Эдуарда при ее личном регентстве. В середине сентября 1459 года она начала военные действия.

Потом сторонниками Белой розы был одержан еще ряд побед. В результате основные силы Алой розы были разбиты, а король Генрих VI и королева Маргарита бежали из страны. Вслед за этим Маргарита собрала на севере войско из шотландцев и уэльсцев. Ричард Йорк неосторожно выступил против нее с 5000 человек и решился вступить в сражение при Уэйкфилде, куда враги выманили его из замка, в котором он сперва заперся. В результате, 30 декабря 1460 года герцог Йоркский был разбит и убит. Ему отрубили голову, потом ее насадили на копье и принесли Маргарите, а та приказала надеть на нее в насмешку бумажную корону и выставить на стене города Йорка.

А сын Ричарда Йорка, 12-летний граф Ратленд, погиб ужасной смертью тотчас после битвы. При этом лорд Клиффорд догнал мальчика, обнажил кинжал и грозно спросил, как его зовут. Ратленд упал на колени и от страха не мог выговорить ни слова, но его гувернер сказал, чтобы спасти его, что мальчик – сын Ричарда. Тогда Клиффорд пронзил несчастного ребенка кинжалом в грудь, воскликнув:

– Твой отец убил моего, поэтому я убиваю тебя и буду убивать всех твоих родных.

Королева Маргарита с радостью увидела отрубленную голову мальчика и приказала выставить ее рядом с головой Ричарда Йорка.

Лорд Клиффорд убивает юного графа Ратленда. Худ. Чарльз Роберт Лесли

Столь же жестоким образом был умерщвлен отец Уорика – 5-й граф Солсбери, труп которого был также предан поруганию. Солсбери был взят в плен, и Маргарита приказала казнить его без суда и выставить его голову рядом с головами Ричарда и его сына. Этими жестокостями началась беспрецедентная в истории резня древней английской аристократии, распавшейся на два враждебных лагеря.

После этого лондонцы обратились к графу Уорика, и тот поспешил в столицу, захватил ее с помощью горожан и 4 марта 1461 года возвел на престол 18-летнего Эдуарда IV, представителя Йоркской линии Плантагенетов, старшего сына Ричарда Йорка, после смерти отца возглавившего партию Белой розы. Отметим тут, что матерью Эдуарда была Сесилия Невилл, которая приходилась графу Уорика двоюродной теткой.

Королева Маргарита не решилась штурмовать столицу. Потом сторонники Алой розы в течение нескольких лет пытались восставать, но всякий раз их выступления топил в крови граф Уорик. А в 1465 году он из дипломатических соображений задумал женить короля на младшей сестре французской королевы – Боне Савойской, но тут выяснилось, что Эдуард IV тайком от своего соратника уже женился на леди Елизавете Вудвилл, которая в первом браке была замужем за сэром Джоном Греем (погибшим в бою сторонником Ланкастеров).

Огромный клан Греев ненавидел Уорика, и эти люди начали восстанавливать против него Эдуарда IV. Это привело к тому, что Уорик был вынужден бежать из Лондона. Затем он вступил в союз с французским королем Людовиком XI и при его содействии примирился с королевой Маргаритой, выдав свою младшую дочь Анну за ее сына Эдуарда. Затем вместе с королевой он стал готовиться к восстановлению на английском престоле томившегося в Тауэре им же самим свергнутого Генриха VI.

Эдуард IV, застигнутый этими событиями врасплох, после высадки Уорика в Англии был принужден бежать в Бургундию, а «Делатель королей» 6 октября 1470 года вступил в Лондон, освободил Генриха VI из темницы, снова объявил его королем и принял регентство.

Однако уже в марте 1471 года Эдуард IV вновь появился в Англии, собрал вокруг себя многочисленных приверженцев Белой розы и вступил в бой с Уориком. В этом ему помог герцог Бургундский (противник Людовика XI), который подарил ему 50 000 золотых крон, нанял для него немецких наемников и 14 ганзейских транспортов.

Отметим, что на сторону Эдуарда IV в этот раз встал и герцог Кларенс, супруг старшей дочери Уорика, до этого враждебно относившийся к своему брату-королю и рассчитывавший на престол после свержения Эдуарда. Но теперь он, как говорят, «сбросил маску» и перешел в лагерь Эдуарда IV с 12 000 человек своего войска.

Уорик даже не успел собрать достаточно сил. В итоге в первом же сражении, которое имело место при Барнете (в десяти милях от Лондона) 14 апреля 1471 года, Уорик был разбит.

Точнее, он счел неблагоприятным вступать в сражение и удерживать Эдуарда IV от похода на Лондон. Видимо, Уорик надеялся, что его брат Джордж, архиепископ Йоркский, позаботится о том, чтобы Лондон запер свои ворота перед королем. Но расчет этот не оправдался. Напротив, ночью архиепископ впустил войска Эдуарда в город через боковые ворота. В этой ситуации вероломный герцог Кларенс попробовал быть посредником между Эдуардом и его противником, но Уорик в ответ лишь резко отчитал его. Битва произошла при Барнете, и победа осталась за Эдуардом IV, а «Делатель королей» и его брат Джон, 1-й маркиз Монтегю, были убиты.

Смерть графа Уорика. Худ. Джон Адам Хьюстон

Как видим, вся эта история очень похожа на исторический роман или, скорее, на драму, но и это еще не все. В тот же самый день, 14 апреля 1471 года, Маргарита Анжуйская со своим 18-летним сыном прибыла в Англию и, узнав о поражении своего союзника, удалилась было в монастырь, но приверженцы Алой розы упростили ее продолжать вдохновлять их войска своим присутствием. Затем сражение при Тьюксбери решило участь принца Эдуарда и Генриха VI: первый погиб в бою, а второго вновь заключили в Тауэр, где он умер в ночь с 21 на 22 мая 1471 года. По одной версии, его тайно утервили; по другой – он «умер от меланхолии», узнав новости о сражении при Тьюксбери и гибели единственного сына. В любом случае, это стало концом династии Ланкастеров.

Маргарита Анжуйская была брошена в тюрьму, но в 1475 году ее выкупил король Людовик XI. Она умерла через семь лет у себя в Анжу, в возрасте 52 лет.

Что же касается Эдуарда IV, то он спокойно царствовал вплоть до своей кончины. Когда он умер, ему было всего сорок с небольшим лет, и династии Йорков после этого суждено было править лишь два с небольшим года.

А вот предавшего Уорика герцога Кларенса обвинили в измене и 18 февраля 1478 года утопили в бочке с вином. Вернее, согласно легенде, он якобы сам выбрал себе в качестве смерти утопление в бочке со сладким вином (мальвазией). По другой версии, останки герцога были помещены в бочку с мальвазией, подобно тому, как три столетия спустя тело знаменитого адмирала Нельсона было отправлено домой в бочке с бренди.

Дом Ланкастеров стоял в целом за новый взгляд на вещи – король, поддерживаемый парламентом и могущественными епископами. Дом Йорков в целом держался за остатки прежних воззрений на короля как на фигуру, которая никому не позволит встать между ней и ее народом.

ГИЛБЕРТ КИЙТ ЧЕСТЕРТОН

английский писатель

* * *

Собственно, мы уже давно перешли от Классического к Позднему Средневековью. И давайте теперь посмотрим, что примерно в это время происходило в Испании. Точнее – на территории, которая потом станет Испанией.

Томас де Торквемада: выдающийся государственный деятель или законченный злодей?

«В Испании, от страха онемелой,
Царили Фердинанд и Изабелла,
Но властвовал железною рукой
Великий инквизитор над страной...
Он был жесток, как повелитель ада,
Великий инквизитор Торквемада»^[5].

Так написал о Торквемаде американский поэт XIX века Генри Уодсворт Лонгфелло. Мнение это, надо сказать, достаточно распространенное. Одни авторы называют Торквемаду «ужасным» и «инфернальным»,

другие – «монстром» и «ненасытным палачом», третьи рассуждают о «религиозном фанатизме, кровавой персонификацией которого был Торквемада».

Так уж получилось, что Торквемада стал одной из самых легендизированных фигур в истории человечества, а руководимая им организация – просто жупелом, чем-то априори отвратительным и внушающим ужас. Это очень удобно для многих авторов, пишущих на исторические темы: все инквизиторы – исчадия ада, а Торквемада – самый страшный из них...

Впрочем, есть и другие мнения об этом незаурядном человеке. Например, отец Антуан Турон в своей «Истории знаменитых людей Доминиканского ордена» пишет: «Не без оснований испанские историки считают Томаса де Торквемада одним из великих людей своего времени, одним из самых выделяющихся по своему рождению, талантам, набожности и ревностному отношению к религии. Испания в пятнадцатом веке насчитывала немало таких людей, но, можно сказать, что их заслуги не затмевают его добродетель, и многие из них всегда имели удовольствие дружески общаться с ним».

Так каким же в действительности был Томас де Торквемада? Великим инквизитором, выдающимся государственным деятелем или законченным злодеем и преступником?

К сожалению, однозначно ответить на этот вопрос крайне сложно. И все же попытаемся разобраться в том, что это был за человек.

Томас де Торквемада родился в 1420 году в маленьком кастильском городке близ Вальядолида.

Сведения о первых годах его жизни весьма противоречивы, однако происхождение известно: самым знаменитым родственником у него был дядя (брат отца), доминиканец Хуан де Торквемада, бывший представителем католической церкви на Вселенском соборе в Констанце, по приговору которого в 1415 году был сожжен на костре проповедник и идеолог Реформации Ян Гус.

Кстати, этих людей часто путают. Подчеркнем специально: Томас де Торквемада никогда не был кардиналом! И это, несмотря на то, что даже в знаменитой «Энциклопедии», составленной великими энциклопедистами XVIII века, сказано: «Этот Торквемада, доминиканец, ставший кардиналом, придал трибуналу испанской инквизиции ту юридическую форму, которая противоречит всем законам человечества». Примерно то же самое писал и Вольтер. К сожалению, даже он перепутал великого инквизитора Томаса де Торквемада с кардиналом Хуаном де Торквемада.

Томас де Торквемада

В 1459 году Томас де Торквемада, живший в маленьком монастыре Санта-Крус и известный своим милосердием и крайним аскетизмом, был назначен духовником юной принцессы Изабеллы, дочери королевы и короля Хуана II Кастильского. С этого момента воспитание и образование этого венценосного ребенка целиком и полностью оказалось в его руках.

А в 1475 году Изабелла, вышедшая к тому времени замуж за Фердинанда Арагонского, была объявлена королевой Кастилии. Сложилась так называемая династическая уния (от латинского слова «unio» – объединение), в которой управление государством, казной и войсками принадлежало Изабелле, а Фердинанд мог участвовать в нем лишь как ее уполномоченный (при этом акты о назначении на должность и произнесение судебных приговоров должны совершаться от имени обоих супругов).

Христофор Колумб излагает свои планы Фердинанду и Изабелле. Худ. Эдвард Генри Корбоулд

Отметим, что Торквемада сыграл в этом весьма важную роль.

В 1478 году Изабелла и Фердинанд попросили у папы полномочий для учреждения специальной юрисдикции, главная функция которой должна была состоять в борьбе с ересью. Так родилась испанская инквизиция, с которой, как считается, связаны самые жуткие страницы истории человечества.

И. Р. Григулевич в своей книге «Инквизиция» пишет: «Испанская инквизиция! Ее мрачная слава затмила злодеяния инквизиторов в других странах. О ее кровавых деяниях написаны сотни книг, о ней пишут и будут писать как испанские историки, так и историки других стран, пытаюсь не только рассказать в назидание потомству о ее жестокостях, но и объяснить их, разобраться в сложных корнях, породивших и

питавших этот репрессивный орган на службе церкви и испанской короны.

В Испании инквизиция достигла своей «высшей» степени развития. Испанская инквизиция стала примером, эталоном для учреждений такого же рода во всем христианском мире.

И действительно, нигде инквизиция не действовала так жестоко».

И все это принято связывать с именем Торквемады.

Но на самом деле испанская инквизиция была основана почти за 200 лет до его рождения. Дело в том, что первый указ, направленный против еретиков, был издан королем Арагона Педро II аж в 1197 году. А бреве папы Григория IX, относящееся к введению инквизиции в Кастилии, появилось в 1236 году.

Историк Жан Севилья, говоря об инквизиции, утверждает:

«На самом деле это слово покрывает совершенно разные события, продолжительность которых растягивается на шесть веков. Нет одной инквизиции, но есть три инквизиции: средневековая инквизиция, испанская инквизиция и римская инквизиция. С исторической точки зрения их смешение лишено смысла».

Короче говоря, людей на костер отправляли задолго до Торквемады. И не следует думать, что уничтожались только такие люди, как Ян Гус. Святая инквизиция преследовала не только за сознательное отклонение от догматов веры, но и за колдовство и ворожбу, причем около 4/5 приговоренных за последнее были женщинами.

Легко, живя в XXI веке, называть это мракобесием. Когда люди не верят в колдовство и порчу, «охота на ведьм» кажется им несусветной дикостью. Людям же Средневековья было гораздо сложнее: лекарств почти не было, и эпидемии неведомых болезней уничтожали их тысячами. Тут невольно станешь суеверным... Как пишет в своей книге «Чтобы покончить со средневековьем» Режи́н Перну, инквизиция – это «защитная реакция общества, для которого вера была такой же важной составляющей, как физическое здоровье сегодня».

Вывод: при Торквемаде, по сути, состоялось второе рождение инквизиции. Но в число первых инквизиторов, назначенных в сентябре 1480 года Изабеллой и Фердинандом, Торквемада не входил.

Первыми стали Мигель де Мори́льо и Хуан де Сан-Мартин. Они приступили к активным действиям с 1 января 1481 года, а уже к концу года было казнено 298 еретиков.

Таким образом, Торквемада ничего не изобретал, и инквизицию создал, конечно же, не он. Лично он вошел в состав инквизиторов лишь в феврале 1482 года.

А 2 августа 1483 года был учрежден постоянный Священный трибунал инквизиции в Кастилии, и для управления им создали новую должность

генерального (великого или верховного) инквизитора Кастильского королевства. Первым эту должность занял Томас де Торквемада.

А еще через два месяца, 14 октября 1483 года, власть Торквемады распространилась и на Арагон, королевство супруга Изабеллы Кастильской.

Когда религия соединяется с политикой, рождается инквизиция.

АЛЬБЕР КАМЮ

французский писатель

Принято считать, что именно с этого момента деятельность инквизиции приобрела необычайно жесткий характер. Но это не так. Да, Томас де Торквемада получил практически неограниченные полномочия, но при этом он был человеком абсолютно неподкупным, одевался бедно и жил весьма аскетически. Более того, именно Торквемада инициировал в октябре 1484 года съезд всех членов испанских инквизиционных трибуналов в Севилье, на котором был принят специальный кодекс инквизиции.

Этот кодекс включал в себя 28 статей, и он привел все трибуналы инквизиции к единому виду, организовал их совместную работу, дал единообразное оформление всем этапам инквизиционного процесса и выстроил четкую иерархическую структуру.

В результате машина новой инквизиции заработала с удивительной эффективностью. А разгадка этой успешности была проста: Торквемада сам никогда не брал взяток и другим не позволял. И склонности к чиновничеству он был лишен начисто. Титул, статус, должность преступника для него не имели ни малейшего значения. Перед лицом закона для него все были равны.

Конечно же, деятельность инквизиции не могла не вызвать недовольства. Возник заговор, и заговорщиками был составлен перечень тех, кого следовало устранить в первую очередь. Этот «черный список» возглавили инквизиторы Педро де Арбуэс и Гаспар Хуглар.

В результате на Педро де Арбуэса было совершено нападение. Покушение произошло, когда тот находился в церкви, и 17 сентября 1485 года он скончался в страшных мучениях.

Естественно, заговор был подавлен, и Торквемада принял живейшее участие в жестокостях, которые стали ответом на убийство инквизитора.

Прошло несколько лет, и Изабелла с Фердинандом задались целью покорить Гранаду, последний оплот мусульман на Пиренейском полуострове.

Решающий удар был нанесен в 1491 году. Была собрана армия в 60 000 человек, и 25 ноября 1491 года Гранада пала, что положило конец

военным действиям, которые шли в течение очень длительного времени.

Эмир Боабдил сдает Гранаду Изабелле и Фердинанду (фрагмент). Худ. Франсиско Прадилья-и-Ортис (1882)

Королеву Изабеллу и Торквемаду принято называть религиозными фанатиками. Но это явно несправедливо. Настоящие религиозные фанатики на их месте потопили бы Гранаду в крови неверных, которые и сами никогда не отличались особым милосердием по отношению к христианам.

И как же поступили с побежденными мусульманами генеральный инквизитор, который, как принято считать, был «жесток, как повелитель ада»? Как же поступила его духовная ученица?

Их решение стало поистине открывающим «новый период слепого фанатизма, насилия и террора». Ирония тут вполне уместна, ибо сам эмир Гранады Боабдил, а также члены его совета обязаны были всего лишь принести присягу Кастильской короне. Прочие же жители Гранады могли по выбору или свободно выехать в Магриб или остаться на месте при условии, что они будут исправно платить налоги и добровольно обратятся в христианство.

После капитуляции Гранады, когда было покончено со сторонниками ислама, Торквемада сразу же повел речь о том, что в Кастилии и по всей

Испании множество лжеобращенных иудеев глумится над доверчивыми христианами.

Завершилось это тем, что 31 марта 1492 года во дворце Альхамбра Изабеллой и Фердинандом был подписан печально знаменитый декрет об изгнании евреев с территории их королевства. Последствия этого указа таковы: от 50 000 до 150 000 евреев предпочли «конверсию», а от 150 000 до 200 000 – изгнание.

Под конец жизни Торквемада удалился в монастырь Святого Томаса в Авиле, который он сам и построил. Там он снова начал вести жизнь простого монаха, продолжая по мере сил исполнять обязанности генерального инквизитора.

Торквемаде было уже 78 лет, и 16 сентября 1498 года он умер.

В XIX и XX веках очень многие стали называть Торквемаду преступником, ставя его в один ряд с Адольфом Гитлером и ему подобными.

Одни историки утверждают, что Торквемада лично виновен в том, что было сожжено на костре 10 220 человек. Плюс еще 6860 человек, спасшихся от казни посредством бегства или естественной смерти, было сожжено «фигурально» (то есть были сожжены их чучела или портреты). И еще 97 321 человек был подвергнут конфискации имущества, тюремному заключению, изгнанию со службы и прочим наказаниям. Другие называют еще большие цифры. Но при этом, как правило, ошибочно захватываются периоды времени, в которые Торквемада ничего не решал (еще не решал или уже не решал). Плюс включаются в расчет территории, на которые власть Торквемады не распространялась.

Так неужели же лично Торквемада должен быть ответственен вообще за все жертвы инквизиции на всех территориях, где она существовала?

С другой стороны, благодаря деятельности Торквемады как политика стало возможным объединение Кастилии и Арагона в единое королевство. Впоследствии Испания превратилась в одно из самых могущественных государств Европы, положила начало колонизации Нового Света и стала «культурной матрицей» всей Латинской Америки.

Конечно же, решение столь масштабных задач невозможно без применения насильственных методов. Совершенно очевидно, что деятельность Торквемады должна рассматриваться в контексте опасностей, которые грозили государству, в котором он жил и которое он очень любил. Даже изгнание евреев – каким бы шокирующим оно ни виделось нам – не происходило из расистской логики: это был акт, который имел целью завершение религиозного объединения Испании.

Более того, с приходом Торквемады инквизиция стала хотя бы предоставлять слово обвиняемому, а от обвинителя начали требовать ясных доказательств. В итоге ни один другой суд не выносил так много оправдательных приговоров. Для справки: Генри Кеймен в своей книге

«Испанская инквизиция», изданной в 1997 году, отмечает, что архивы инквизиции содержат 49 092 досье, но только 1,9 % из них определяют вину обвиняемого и передают дело светским властям для исполнения смертного приговора. Остальные 98,1 % были либо оправданы, либо получили легкое наказание (штраф, покаяние, паломничество).

Так что число жертв, приписываемых Торквемаде, явно раздуто.

Черное и белое, без середины – такова была действительность для средневековых людей.

ЖАК ЛЕ ГОФФ

французский историк

Можно долго спорить по поводу соотношения понятий «цель» и «средства» и о том, может ли великая цель оправдывать жестокие средства ее достижения. Жизнь и деятельность Торквемады, как и инквизицию, следует рассматривать без полемического задора. Он содействовал освобождению страны от многовекового мусульманского ига, сыграл важнейшую роль в объединении двух крупнейших королевств Пиренейского полуострова и в превращении Испании в одно из самых могущественных государств Европы. А его преемники завершили дело территориально-религиозного объединения Испании.

* * *

Два самых крупных королевства Пиренейского полуострова объединились благодаря браку Изабеллы и Фердинанда. Уния Кастилии и Арагона не означала окончательного образования единого государства, но стала важнейшим шагом на пути создания единого Испанского королевства.

Изабелла и Фердинанд добились немалых успехов в деле централизации: были созданы аппарат управления и сильная постоянная армия. При этом они были фанатичными католиками и даже получили от римского папы титул «Католические короли». Главным делом их жизни считается завершение Реконкисты (Reconquista – отвоевывание), то есть длительный процесс отвоевывания христианами на Пиренейском полуострове земель, занятых маврскими эмиратами.

Что же касается внука Изабеллы и Фердинанда по материнской линии, то Карл (Карлос) унаследовал величайшую империю в истории Европы. В 1519 году его также выбрали императором Священной Римской империи.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Священная Римская империя (Священная Римская империя германской нации) – это средневековая империя, включавшая Германию (занимала в империи господствующее положение) и другие королевства, герцогства и земли (часть Италии, Чехию, Бургундское королевство, Нидерланды, швейцарские земли и др.), которые в разное время и в разной степени действительно или номинально подчинялись императорам. Была основана в 962 году германским королем Оттоном I, завоевавшим Северную и Среднюю Италию. С 1438 года императорская корона фактически закрепилась за домом Габсбургов. К концу Средневековья Священная Римская империя представляла собой архаическое государственное образование, а после Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. власть императора окончательно стала номинальной. Формально просуществовала до 1806 года, когда последний император, Франц II, отрекся от престола в ходе наполеоновских войн.

Карл V Габсбург. Худ. Хуан Пантойя де ла Круз – копия с картины Тициана (1605)

Карл V был богатейшим и самым могучим правителем своего времени: территориями, которыми он номинально или фактически управлял, были Испания, Германия, Голландия, Бельгия, Австрия, Швейцария, большая часть Италии, части Франции, Чехии, Польши и Венгрии плюс еще огромная часть земель Западного полушария.

Карл V Габсбург и его сын Филипп тоже были страстными католиками, которые во время своих долгих правлений использовали богатства Нового Света, чтобы финансировать войны против протестантских государств на севере Европы. Таким образом, породнение династий, организованное Фердинандом и Изабеллой, влияло на историю Европы почти в течение века после смерти этих монархов.

Государственное образование, именовавшееся Священной Римской империей, не было ни священной, ни римской, ни империей.

ВОЛЬТЕР

французский просветитель

Часть четвертая

Новое время

Новое время (или новая история) – это важнейший период в истории человечества, находящийся между Средневековьем и Новейшим временем. Понятие «Новое время» хоть и утвердилось в научном обиходе, но смысл его во многом остается условным.

Отметим, что понятие «новая история» появилось еще в эпоху Возрождения, когда гуманисты, осмысливая пути развития человечества, предложили трехчленное деление истории: древняя, средневековая и новая.

Историки различных школ, как уже говорилось, по-разному интерпретируют вопрос о периодизации новой истории. Многие ее начало связывают с Английской революцией, начавшейся в 1640 году и известной также как Английская гражданская война (English Civil War), ставшей ярким признаком кризиса феодальных отношений.

Оливер Кромвель и Английская революция

Фактически спровоцировал Английскую революцию абсолютизм короля Карла I из династии Стюартов. Он родился в 1600 году и был человеком робким и замкнутым. Став наследником трона, он некомфортно чувствовал себя среди придворных, и те считали его заносчивым и

неприступным.

Король Карл I

Народ встретил его царствование с радостью и надеждами. Но скоро оказалось, что дальновидностью Карл не превосходит своего отца Якова I. Он подчинился влиянию своего любимца Джорджа Вильерса, 1-го герцога Бекингема, который грабил казну и окружал себя чрезвычайной пышностью.

Кстати, это именно герцог Бекингем организовал неудачную помощь французским протестантам, запершимся в крепости Ла-Рошель, а потом пал от кинжала убийцы, но положение дел от этого не улучшилось. Карл затеял внешние войны (с Испанией и Францией) и, нуждаясь в деньгах, несколько раз созывал парламент, чтобы тот по обычаю утвердил налоги на все время его правления. Но парламент не хотел их утвердить, пока

король не отменит некоторые злоупотребления. Карл распускал парламент (первый был распущен в 1625 году, второй – на следующий год), производил принудительные займы, без суда бросил в тюрьму многих граждан. Гонения на всех несогласных продолжались, и таким образом все более и более усиливался раздор между правительством и народом.

Потом наступил одиннадцатилетний период, в течение которого Карл управлял страной вообще без парламента. Главными советниками короля в это время были: даровитый энергичный граф Страффорд, который старался завести в Англии сильное постоянное войско для укрепления королевской власти, и Уильям Лоуд, архиепископ Кентерберийский, нелюбимый народом за свою религиозную нетерпимость.

Все это вызывало сильное народное брожение. Еще со времен короля Якова многие шотландцы и англичане, гонимые за политические и религиозные убеждения, начали покидать отечество и переселяться в Северную Америку. Правительство Карла I обратило наконец внимание на эти переселения и запретило их специальным указом.

На Темзе в то время стояло несколько кораблей, уже готовых к отплытию в Америку, и в числе переселенцев находился ревностный протестант и пуританин Оливер Кромвель. Вследствие запрета он остался в Англии и вскоре принял самое деятельное участие в падении короля.

Восстание первыми подняли шотландцы, у которых Карл попытался ввести епископальное богослужение. Для защиты своих прав и своей религиозной свободы шотландцы заключили между собой союз. Они даже перешли пограничную реку Туид, разбили высланный против них отряд королевских войск и завладели Ньюкаслем. Затем вспыхнуло возмущение католиков в Ирландии.

Чтобы получить денежные средства на содержание армии, Карл вынужден был в 1640 году опять созвать парламент. Но этот парламент начал действовать решительно. Во-первых, он призвал к своему суду графа Страффорда, обвинив его в государственной измене и приговорив к смертной казни. В надежде примириться с парламентом, король пожертвовал своим самым преданным слугой и подписал приговор. Та же участь постигла потом и архиепископа Лоуда.

Опираясь на лондонских граждан, парламент захватил в свои руки верховную власть и решил не расходиться, вопреки приказанию короля. Когда король велел арестовать пятерых членов нижней палаты, парламент отказался их выдать. Карл сам явился за ними в зал заседаний, но они успели скрыться, а через несколько дней эти пять членов вернулись в палату под прикрытием городской милиции и многочисленной толпы народа. Тогда Карл, не считая себя более в безопасности в Лондоне и не имея в своем распоряжении постоянной армии, удалился в Йорк. К нему примкнула большая часть знатного

дворянства, которое с неудовольствием смотрело на притязания горожан и опасалось за свои привилегии. Королевская партия (роялисты) получили прозвище «кавалеры», а парламентская партия была названа «круглоголовыми» (по причине коротко обстриженных волос).

В начале междоусобной войны перевес был на стороне «кавалеров», как более привычных к оружию, но Карл не сумел воспользоваться первыми успехами. Между тем парламентские войска, состоявшие преимущественно из горожан и мелкого дворянства, постепенно усиливались и приобретали опытность в военном деле.

Предводителями 25-тысячной парламентской армии были назначены граф Эссекс и Томас Ферфакс, а между королевскими полководцами наиболее отличались племянник короля принц Рупрехт Пфальцский, герцог Камберлендский и маркиз Монтроз. Победа окончательно склонилась на сторону Парламента, когда во главе его армии стал Оливер Кромвель.

Оливер Кромвель

Этот человек, родившийся в 1599 году, происходил из мелкой дворянской семьи, и молодость свою он провел бурно, предаваясь разного рода излишествами. Когда же он промотал все отцовское наследство, в нем произошла совершенная перемена. Он стал вести самую строгую жизнь, принялся изучать богословские науки, сделался добрым отцом семейства и вступил в секту пуритан. Деятельность его отличалась фанатичной восторженностью. Голос его был хриплый и монотонный, речь растянутая и запутанная, черты лица грубые, а одевался он весьма небрежно. Но под этой непривлекательной наружностью скрывались удивительные таланты и железная сила воли. Не имея желаний сносить преследования, направленные в то время на пуритан и других сектантов, Кромвель собрался в Америку и уже хотел было сесть на корабль, но вдруг вышло запрещение переселяться, и он вынужден был остаться в Англии.

Избранный депутатом нижней палаты парламента, Кромвель примкнул к партии индепендентов, но, не отличаясь ораторскими талантами, вскоре избрал военную карьеру. Он набрал особый конный полк и быстро понял, что храбрости «кавалеров» и их чувству чести надо противопоставить религиозное воодушевление. Соответственно, в свой отряд он брал людей, преимущественно набожных и твердых характером, и он ввел у себя в отряде строжайшую дисциплину. Воины его проводили время в лагере за чтением Библии и пением псалмов; а в битвах отличались удивительным мужеством. Благодаря Кромвелю и его отряду, парламентское войско одержало решительную победу при Мерстонмуре; с тех пор он обратил на себя общее внимание.

Королевство было в печальном положении. Во всей Англии господствовало смятение <...> Королю все изменяли; впрочем, по своему характеру он и не стоил истинной преданности.

ФРИДРИХ ШЛОССЕР

немецкий историк

Говоря о парламентской армии, следует отметить, что она была набрана из простонародья, но мало-помалу она обучилась и стала отважнее. Напротив, королевские войска, состоявшие большей частью из волонтеров и людей зажиточных, нелегко примирились с дисциплиной.

Оливер Кромвель играл в парламентской армии очень важную роль. Он был душой всех военных распоряжений и действий. Рожденный полководцем, Кромвель «превосходно знал своих благочестивых воинов и одушевлял их молитвой и проповедями. Кроме того, он отлично понимал военную организацию и имел неограниченное влияние на своего начальника, искренно благочестивого и чуждого честолюбия Ферфакса».

Кромвель и Ферфакс в январе 1644 года одержали победу над роялистами при Нантвиче. Потом, 14 июня 1645 года, Карл I был

наголову разбит при Нэсби. Впрочем, сам король вел себя в тот день молодцом. После битвы он хотел собрать свою кавалерию, пребывавшую в беспорядке, и возобновить сражение, чтобы выручить пехоту, которая, окруженная неприятелем, мужественно держалась несколько часов, но кавалерия не послушалась его приказа. Карл потерял в этом сражении 5000 человек, весь обоз и всю артиллерию. Весь тайный архив его также попал в руки противника. После этого парламент поручил человеку ловкому в подобного рода делах выбрать письма и отрывки из актов, которые могли повредить королю в глазах народа, они были напечатаны и распространены в огромном числе экземпляров.

В сентябре 1646 года умер член палаты лордов и член Королевского совета граф Эссекс, и Оливер Кромвель стал важнейшим лицом не только в армии, но и в парламенте, где Томас Ферфакс не имел голоса. После этого военный совет, учрежденный Кромвелем, высказал прямо, что «армия представляет собой народ в отношении к незаконно присвоенной власти парламента, который давно бы пора распустить и выбрать новый».

Таким образом Кромвель незаметно приготовил себе военную диктатуру. Одновременно с этим он провел в парламенте ловкое предложение, имевшее в виду уничтожение королевской власти. В результате, парламент постановил, что не будет принимать никаких обращений о примирении с королем, который бежал, переодетый в крестьянское платье, к шотландцам. А всякого, кто обратится к королю, парламент постановил считать государственным преступником. А тем временем шотландцы выдали Карла англичанам за 400 000 фунтов. Затем король был предан суду, приговорен к смерти как «враг всех добрых людей нации» и обезглавлен 30 января 1649 года в Уайтхолле. В последние минуты своей жизни король показал настоящее мужество: он взошел на эшафот с достоинством, и его смерть произвела глубокое впечатление на народ.

После казни Карла I власть перешла к армии. А потом монархия вообще была объявлена излишней, обременительной и опасной для свободы, безопасности и общественных интересов народа. Короче говоря, она была упразднена. Палата лордов, признанная только бесполезной и опасной, тоже была упразднена. 19 мая 1649 года Англия была объявлена республикой, но, по сути, она не переставала быть монархией, потому что Оливер Кромвель, взяв власть в свои руки и получив новый титул лорда-протектора, управлял ею почти неограниченно.

Но парламент не хотел полностью подчиниться протектору, и однажды Кромвель явился с отрядом из трехсот солдат, разогнал собрание и велел запереть здание. Потом он созвал новый парламент – из людей ему преданных, которые значительную часть заседаний проводили в молитвах и в речи свои беспрерывно вставляли тексты из Ветхого

Завета.

Короля Карла I ведут на казнь. Худ. Эрнест Крофтс

Внешние предприятия Кромвеля сопровождались постоянной удачей. Он усмирил восстания ирландцев и шотландцев. Потом он вступил в войну с Голландской республикой. Поводом к ней послужил изданный Парламентом «Навигационный акт» (Navigation Act), который позволял иностранцам привозить в Англию на собственных кораблях только товары их страны, а все другие должны были быть привозимы на английских судах. Более того, иностранные суда при торговле с Англией должны были идти прямо в Англию, без захода в какие-либо промежуточные порты. А командиры и, по крайней мере, три четверти команды должны были быть англичанами. Суда же, не соблюдающие этого акта, подлежали конфискации.

Этот акт сильно подрывал голландскую торговлю и благоприятствовал развитию английского торгового флота. В происшедшей отсюда войне со стороны голландцев отличились особенно адмиралы Мартен Тромп и Микель де Рюйтер; а со стороны англичан – Роберт Блейк и Джордж Монк. Наконец, голландцы были побеждены и вынуждены были в 1654 году признать «Навигационный акт». Таким образом Англия вернула себе славу первой морской державы, которую она приобрела при Елизавете I Тюдор и утратила при Стюартах.

Внутреннее управление Кромвеля отличалось активностью и строгим порядком. По внушению здравого смысла, он «умел ждать. Во всяком

обстоятельстве он верно определял, чего нельзя и что можно, и на этом останавливался, хотя бы желания и тайные виды его простирались гораздо далее».

При этом Кромвель не отличался твердыми принципами, но зато он был «одарен тонким инстинктом, угадывавшим чувства и желания народа: не слишком заботясь о том, в какой степени они возможны или удобоисполнимы, он смело становился их защитником, чтобы приобрести себе союзников».

Кромвель в своем войске выдвигал людей не по рождению, а по заслугам.

Я предпочитаю простого капитана в одежде из домотканого сукна, который знает, за что он сражается, и любит то, что знает, чем такого, которого называют «джентльменом» и который больше ничего собой не представляет.

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ

Кромвель защищал свободу собраний и выступлений на них. Однако многие из командиров не желали полного разгрома короля. «Если мы девяносто девять раз разобьем короля, он все же останется королем», – заявил один из генералов Кромвеля граф Манчестер. «Милорд, – ответил Кромвель, – если так, то зачем мы с самого начала взялись за оружие?»

Все боялись Кромвеля, но не слишком его любили. Наиболее решительные республиканцы открыто роптали на его деспотизм, а когда пошли слухи о желании Кромвеля присвоить себе королевский титул, произошло несколько покушений на его жизнь.

Хотя эти покушения были неудачны, однако они послужили главной причиной его смерти. Кромвель сделался очень нервным, всегда опасался тайных убийц и принимал все возможные меры предосторожности: он окружал себя стражей, носил под одеждой доспехи, редко спал в одной и той же комнате, ездил с чрезвычайной быстротой и никогда не возвращался той же дорогой. Такое постоянное беспокойство вызвало у него изнурительную лихорадку, от которой он и скончался в сентябре 1658 года (считается, что это было смертоносное сочетание малярии и брюшного тифа).

Похороны Оливера Кромвеля прошли с королевским размахом. Сначала его тело было перенесено в Сомертсет Хаус, чтобы там с ним могли попрощаться все желающие. Тело забальзамировали и положили в свинцовый саркофаг, который затем поместили в роскошный деревянный гроб. А потом огромная процессия прошла через Лондон к Вестминстерскому аббатству, где Кромвель и был предан земле.

* * *

После смерти Оливера Кромвеля лорд-протектором Англии, Шотландии и Ирландии стал его старший сын Ричард, родившийся в 1626 году, однако именно тогда в стране начались настоящий хаос и произвол. В мае 1659 года Ричард Кромвель вынужден был подать в отставку, а после реставрации монархии в июле 1660 года он эмигрировал во Францию.

В результате реставрации Стюартов новым королем стал Карл II, сын казненного Карла I. А в 1702 году трон королевы Англии, Шотландии и Ирландии заняла Анна Стюарт, родившаяся в 1665 году.

Создание Великобритании

Анна родилась в правление своего дяди Карла II, не имевшего законных детей. Ее отец Яков (младший брат Карла) был первым в линии престолонаследия, однако не пользовался популярностью в Англии, так как был католиком. Анна и ее старшая сестра Мария, являясь следующими в линии наследования, по приказу Карла II были воспитаны в протестантизме. После кончины Карла II ее отец стал королем, однако уже через три года после воцарения он был свергнут.

Младший брат Анны и Марии, сын Якова II от второго брака, из линии наследования был исключен, что в будущем посеяло семена нескольких «якобитских» восстаний. На престол взошла старшая дочь Якова (королева Мария II) и ее супруг (протестант Вильгельм Оранский), которые стали править совместно. После смерти Марии в 1694 году Вильгельм продолжил править самостоятельно, а Анна унаследовала трон после его кончины.

Королева Анна Стюарт

В начале своего правления Анна, родившаяся в Лондоне, была популярна в народе. В своей первой речи, адресованной парламенту, она противопоставила себя своему покойному голландскому родственнику, сказав: «Как я знаю, мое сердце – целиком английское, я могу искренне заверить вас, что нет ничего, что вы могли бы ожидать или желать от меня, что я не буду готова сделать для счастья и процветания Англии».

Вскоре после восшествия на престол Анна назначила своего мужа лордом-адмиралом, дав ему номинальный контроль над военно-морским флотом (в отличие от Вильгельма, мужа ее старшей сестры, он не был сделан соправителем, оставаясь просто консортом). Контроль над армией она отдала герцогу Мальборо, которого назначила генерал-капитаном.

С вступлением на престол Анны началась Война за испанское наследство, продолжавшаяся одиннадцать лет. Дело в том, что в 1700 году умер король Испании Карл II, не оставивший после себя потомства,

и престарелый Людовик XIV захотел посадить на испанский престол своего внука Филиппа Анжуйского, объединив в одно огромное государство Францию, Испанию, значительную часть Фландрии и Италии. То есть он хотел собрать воедино практически всю католическую Европу. В этой войне Англия, Австрия и Голландия сражались против Франции и Испании. Ее героем стал герцог Мальборо, находивший себе сильную поддержку у вигов и в привязанности королевы к его жене. Но война утомила нацию, и виновником затягивания войны посчитали герцога Мальборо. В результате против него составила придворная интрига, и он был свергнут.

Опала распространилась и на министерство вигов, не пользовавшихся расположением королевы, и так как на новых выборах в парламент большинство высказалось в пользу тори, то министерство было распущено. Его место заняли тори с графом Оксфордом и Генри Болингброком во главе.

Новые министры немедленно открыли переговоры о мире с Францией. Результатом переговоров стал Утрехтский мир 1713 года, по которому Англия получила от Франции часть ее владений в Северной Америке (Гудзонов залив, всю Новую Шотландию и Ньюфаундленд), а от Испании – Гибралтар и Минорку.

Надо сказать, что в то время Ирландия подчинялась Англии, Уэльс входил в ее состав, однако Шотландия оставалась независимым суверенным государством. Слишком независимым – с собственным парламентом и своими законами. И вот королева Анна объявила, что «чрезвычайно необходимо» официально объединить Англию и Шотландию. В октябре 1702 года для обсуждения условий этого собралась специальная англо-шотландская комиссия. Переговоры завершились в начале февраля 1703 года, однако достичь соглашения не удалось.

Яростные дебаты велись и в Лондоне, и в Эдинбурге, причем большинство шотландцев были категорически против унии. Даниель Дефо, который был не только автором знаменитого «Робинзона Крузо», но и одним из руководителей разведслужбы Англии, тогда писал: «На каждого шотландца, который выступает за объединение, приходится девяносто девять тех, кто против».

Но работа в этом направлении продолжилась, и статьи об объединении, одобренные членами комиссии, были представлены Анне 23 июля 1706 года. Они были ратифицированы английским и шотландским парламентами 16 января и 6 марта 1707 года соответственно. Таким образом, 1 мая 1707 года Англия и Шотландия были объединены в одно королевство, названное Великобританией (Kingdom of Great Britain)^[6].

Но почему «Великая» Британия? Потому что примерно пятнадцать столетий назад некоторые из жителей острова, спасаясь от варваров-завоевателей, переплыли пролив, отделяющий остров от Европы. Они

поселились на северо-западе той страны, которую мы теперь называем Францией, и их новое пристанище стало чем-то вроде маленькой Британии. Это нашло отражение в современном названии этого региона: он именуется Бретань. Его латинское название переводится как «Малая Британия». После этого остров, с которого прибыли поселенцы, стали называть Большой или Великой Британией, чтобы отличить его от континентальной Малой Британии.

АЙЗЕК АЗИМОВ

американский писатель

Согласно Акту об унии (Acts of Union), Шотландия получила 45 мест в парламенте Королевства Великобритания.

Муж королевы Анны умер в октябре 1708 года, и это событие опустошило ее. Она начала сильно хромать и быстро набирать вес. Вскоре она уже вообще не могла ходить. Ее постоянно била лихорадка, и она проводила по несколько часов в бессознательном состоянии.

24 июля 1714 года прямо в спальне больной королевы в Кенсингтоне разразилась бурная ссора между ее главными министрами – графом Оксфордом и Генри Болингброком. Королева встала на сторону Болингброка и потребовала, чтобы Оксфорд подал в отставку. «То, что произошло потом, не поддается объяснению. Болингброк, который состоял в постоянной переписке с Яковом, жившим в Париже, покинул дворец. Он собирался сформировать в парламенте фракцию, которая поддержала бы идею выдвижения Якова в качестве наследника престола. Однако на следующий день члены Тайного совета убедили умирающую королеву назначить главой правительства старого герцога Шрусбери <...> Проживи королева еще неделю, Болингброк мог бы успеть собрать группу парламентской поддержки и предложить корону Якову, хотя такое решение нарушало бы закон о престолонаследии».

Подобное развитие событий, безусловно, привело бы к гражданской войне. Но, как написал роялист Джонатан Свифт, «идея сгнила, не успев созреть».

Королева умерла рано утром 1 августа 1714 года. Джон Арбетнот, один из ее докторов, написал тогда Свифту: «Я верю, что сон никогда не был так желанен для усталого путника, чем смерть стала для нее».

Царствование королевы Анны <...> действительно оказалось переходной эпохой. Это мост между временами, когда аристократы были еще достаточно слабы и призывали сильного человека, чтобы тот им помог, и временами, когда они были уже вполне сильны, чтобы призывать слабого человека, не мешающего им справляться со своими делами самостоятельно.

ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН

английский писатель

Анна была похоронена рядом с мужем в капелле Генриха VII Вестминстерского аббатства. София Ганноверская, ее преемница, умерла на два месяца раньше Анны, и трон Великобритании занял ее сын Георг. Претенденты-католики, включая сводного брата Анны Джеймса Фрэнсиса Эдуарда Стюарта, были обойдены.

Получается, что королева Анна, несмотря на брак с Георгом Датским и семнадцать беременностей, умерла, не оставив наследников, и она стала последним представителем династии Стюартов на английском престоле. А вот Георг I уже был из Ганноверской династии (он был потомком Стюартов через бабушку по материнской линии – Елизавету, дочь Якова I). Удивительно, но на тот момент имелось более 50 представителей династии Стюартов, которые имели больше прав на престол, чем Георг Ганноверский, однако именно его признали королем Великобритании. С его восхождением на трон монархия утратила свое решающее значение в истории этой страны. Короли отошли в тень, уступив место на авансцене политикам и политическим партиям.

* * *

С другой стороны, Великобритания превратилась в своего рода эталон, на который равнялись все остальные страны.

Началось новое время (или новая история), и это была эпоха «великого прорыва». Именно в этот период были заложены основы капиталистического производства, значительно повысился уровень производительных сил, изменились формы организации производства.

Плюс до этого так называемый Запад был относительно замкнутым регионом, но имевшие место в XV–XVII веках Великие географические открытия раздвинули границы Западного мира и существенно расширили кругозор европейцев.

При этом господствующей формой правления в европейских континентальных государствах в XVII и даже в XVIII веках был абсолютизм, чему способствовали служители церкви, приписывавшие верховной власти божественное происхождение.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Абсолютизм – это такая форма государственного правления, на которой базируются установившиеся в ряде западноевропейских стран в Новое время режимы абсолютных монархий, при которых верховная власть (как правило, королевская) не была ограничена ничем.

Своего апогея абсолютизм достиг при французском короле Людовике XIV, который любил говорить так: «Государство – это я».

Но до него был король Людовик XIII, а при нем в буквальном смысле «взошла звезда» кардинала де Ришелье, хорошо всем известного, благодаря множеству исторических романов и фильмов.

Об этом человеке хотелось бы рассказать поподробнее, ибо его литературный и кинематографический образ совершенно не соответствуют тому, что было на самом деле.

Кардинал де Ришелье на службе Франции

Арману-Жану дю Плесси, более известному под именем Ришелье, было 22 года, когда Генрих IV дал ему скромное Люсонское епископство. Когда же в 1610 году, после смерти этого короля, начался период бурного регентства, Ришелье явился ко двору и принял сторону Марии Медичи – королевы-матери. Чтобы сделаться известным, он тогда произносил проповеди. Став депутатом от духовенства в Генеральных Штатах 1614 года, он был оратором своего сословия и от имени его обращался к королю с речью. Получив место при Марии Медичи, он через два года был назначен государственным секретарем по военным и иностранным делам.

Эти пять месяцев его министерства почти забыты историей. Ришелье был тогда деловым человеком, а не правителем Франции. Маршал д'Анкр (Кончино Кончини) пользовался всей полнотой власти и был фаворитом регентши, но 24 апреля 1617 года его убили, и Ришелье последовал за Марией Медичи в изгнание. Королева-мать пригласила его к себе тогда, как посредника между собой и сыном.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Людовик XIII родился в 1601 году. Он вступил на престол в возрасте восьми лет после того, как был убит его отец – Генрих IV Бурбон. Во время малолетства Людовика его мать, Мария Медичи, управляла страной в качестве регента. А потом молодой Людовик решил управлять страной сам, а посему он удалил мать, куда подальше. Чтобы не лезла в его дела. А она все лезла и лезла. Короче, это были отношения из серии «никто не может понять ребенка так неправильно, как его мать».

Этим он опять приобрел милость двора, а в 1621 году смерть герцога де Люиня (фаворита молодого Людовика XIII) открыла обширное поле

деятельности для его честолюбия. Два года он хлопотал о получении сана кардинала, и когда в 1624 году опять вошел в Совет, то, благодаря кардинальству, уже председательствовал там. Это мало-помалу дало ему перевес в решении многих важных дел.

Но прежде чем Ришелье достиг власти, было весьма любопытно видеть, как действовал он еще в незначительном положении, когда ни Европа, ни Франция не знали его имени, когда даже современные историографы говорят о нем как бы мимоходом, как о каком-то второстепенном персонаже. Публичная и частная переписка Ришелье в эти 16 лет чрезвычайно любопытна. И совершенно не нужно искать в этих письмах тайну души, предназначенной Судьбой к управлению о громным государством.

Молодость Ришелье – эти слова кажутся таинственными и привлекательными, хотя в этом периоде есть лишь несколько любопытных подробностей, а чего-то поистине замечательного мало.

Французы гордятся своею историей, но беспристрастный наблюдатель фактов при чтении этой истории находит печальные результаты. Франция считает себя одной из первостепенных держав по мощи и просвещению. Народ ее даже гордо называет себя великой нацией. Но история всякой великой нации должна представлять постепенное усовершенствование и стремление к определенной цели, и история представляет нам примеры подобных целей. Мудрое управление, преобладание посредством политики, преобладание посредством завоевания, успехи наук и искусства – все эти идеи могут осуществиться постепенно, поочередно или все вместе в обширном и образованном государстве. Но не иметь ни одной из этих идей нельзя. Однако истинное величие каждой государственной истории только тогда достигает своего апогея, когда государство доходит до осуществления нескольких из этих идей.

Какое же было историческое предназначение Франции? Какой цели следовала она? Какой достигла так, чтобы могла служить образцом для подражания для других народов? Можем сказать смело – ни одной! События ли, или сама нация в этом виноваты – не будем разбирать, но только сам этот факт неоспорим. Как историки ни стараются придать Франции роль, свыше предначертанную, сложно сказать, какая же именно была эта роль? Много говорят о величии монархии Людовика XIV, но она начала угасать еще до его кончины. Или, например, принято гордиться блистательными победами Франции во времена Наполеона Бонапарта, когда французские знамена развевались по всей Европе. И что же осталось Франции от этих побед? Она вышла из них меньше по территории, слабее и беднее, нежели была при королях.

А что же кардинал де Ришелье?

До него трудно составить политическую историю Франции. Карл V Мудрый из династии Валуа представлял собой первое отрадное явление, и он служил образцом тогдашнего французского общества. Он не был воином, но у него был славный коннетабль Бертран Дюгесклен. Король подвергся многим бедствиям и испытаниям как во внешней, так и в междоусобной войне, но из них вышел сильнее прежнего. Его мудрость удерживала честолюбие сильных вассалов и даровала Франции нечто похожее на общественное благосостояние.

К несчастью, преемник его Карл VI был известен в истории только своим сумасшествием, и Франция была завоевана англичанами. Соперники-честолюбцы раздирали ее изменами. Все разделились на партии, у которых не было ни законов, ни отечества, но чужестранное иго выдвинуло мстителей из народной среды, и явилось почти мистическое существо – Жанна д'Арк. Она спасла Францию, но была ею же малодушно отдана в жертву врагам, которых ее казнь покрыла вечным позором.

Только с этой эпохи начало развиваться чувство национального самосознания французов.

Карл VII подготовил царствование Людовика XI. Последний был более любим народом, нежели вассалами. Он хотел везде навести порядок и этим упрочить свою власть.

При его преемниках пробудились первые искры духа завоеваний. Явилось рыцарство, более блистательное, нежели серьезное, родилась жажда славы, не руководимая рассудком, и храбрость, не имевшая настоящей цели.

Великодушный характер Людовика XII окупает сделанные им ошибки, но до Генриха III продолжалась самая печальная эпоха царствования династии Валуа. После неудачных внешних войн начались войны междоусобные. Все законы порядка и власти были попорчены партиями, враждовавшими между собой. XVI век был печальной эпохой страданий и преступлений. Явились, правда, новые искры просвещения, но они служили только тому, чтобы еще яснее открывать бедствия.

Наконец, явился Генрих IV Бурбон, и при нем все было забыто: чужеземные вторжения, междоусобица, анархия, злодейства, грабежи... Он был воинственнее всех рыцарских королей, глубокомысленнее в политике всех хитрецов и вместе с тем – честнейший и благороднейший из политиков. Верховная власть была в руках этого короля символом порядка, закона и спокойствия. Он даровал религиозную свободу Нантским эдиктом 1598 года, сосредоточил в своих руках административную власть и создал политику Франции. Но он короновал свою жену Марию Медичи 13 мая 1610 года, а на следующий день его убил католический фанатик Франсуа Равайяк. И судьба Франции оказалась в руках малолетнего Людовика XIII. И духовенство стало заботиться только об ограничении прав протестантов. Дворянство

разделилось на два класса: на феодальное и мелкопоместное. Первые владели замками, содержали гарнизоны в крепостях и вообще были очень сильны, ибо верховная власть стала слаба. Все эти неверы, монморанси, ледигьеры и эперноны хотели быть во всем равными с правительственной властью. Гастон Орлеанский, принц де Конде и некоторые другие были преданы королевской власти по причине родства. Подобная аристократия могла составить только оппозицию, но не опору государства.

В 1614 году были созваны Генеральные Штаты, и вот тут-то Ришелье и начал свою политическую деятельность.

Кардинал де Ришелье. Худ. Филипп де Шампень (1640)

Первые годы регентства Марии Медичи составили темную эпоху во французской истории. За какие такие выгоды сражались королева-мать, принц де Конде, де Люинь и Кончино Кончини? Логическая история этого времени невозможна. Все делалось спонтанно, согласно характерам и личным страстям действующих лиц. Это зрелище могло бы служить лишь опорой для политического скептицизма и заставляло думать, что вся история состоит из каких-то бессвязных эпизодов...

Вы называете это коварством? Я бы скорее именовал это кратчайшим путем.

РИШЕЛЬЕ

Ришелье был в это время простым дворянином, но не зависел ни от кого из феодальной знати. Семейство его служило при дворе покойного короля, сделавшего Ришелье епископом. Но это скромное епископство не удовлетворяло деятельного честолюбца. Ему хотелось управлять большими государственными делами. Впрочем, ничто не доказывает, что он к этому готовился. Сначала честолюбие его не простиралось, по-видимому, выше звания члена Государственного совета, но после своего ораторства и при благожелательности регентши он уже начал расширять свои чаяния. Он тотчас же понял, в чем состоит польза государства, и принялся действовать.

А ситуация была не из простых. Внутренние смуты в государстве, произведенные честолюбием Марии Медичи и ее ссорой с царственным сыном, тяготили Францию и обременяли народ. Все желали мира, и Ришелье чрезвычайно хитро сумел воспользоваться этими обстоятельствами, став посредником и примирителем между королем и его матерью, за что приобрел полное ее расположение.

С другой стороны, для того чтобы привести в исполнение свою идею о государе и государстве, Ришелье нужно было овладеть и Людовиком XIII. А он был человеком без душевной силы, без постоянных привязанностей, и он очень тяготился своим талантливым министром. Что же привязало его к нему? Во-первых, ленивая природа молодого короля, который приходил в ужас при одной мысли о том, что надо взвалить на себя всю тяжесть государственных дел, которые так удачно шли в руках Ришелье. Плюс короля тесно привязывала к министру врожденная недоверчивость, усиленная обстоятельствами и самым кардиналом. Людовик видел врага в матери. Он боялся своей жены Анны, дочери испанского короля, как принцессы из враждебного Габсбургского дома. Он боялся своего брата Гастона, который спал и видел, как бы завладеть престолом при бездетном короле... А Ришелье взялся спасти его от необходимости думать и от врагов, прикрыв его собою, и Людовик потянулся к нему, хотя и не любил его.

Что же касается Ришелье, то его связывало с Людовиком XIII единство врагов. Он шел вперед, не рассуждая, стремился к высшей власти, как магнитная стрелка к полюсу. Но в своем первом министерском звании он

был лишь просто деятельным чиновником, хорошо исполняющим порученное ему дело, но без излишнего усердия. Его узнали, и он сам узнал себя, только сделавшись первым министром.

Народ должно сравнивать с мулами, которые, привыкши к вьюкам, портятся от долговременного покоя больше, нежели от самой работы. Но подобно тому, как работа мула должна быть умеренна, а тяжесть животного соразмеряется с его силой, то же самое должно быть соблюдаемо и относительно повинностей народа: будучи чрезмерными, они не перестали бы быть несправедливыми даже и в том случае, если бы они были полезны для общества.

РИШЕЛЬЕ

В управлении Ришелье политическая составляющая стоит выше составляющей внутренней администрации. Уже в течение почти столетия могущество Австрии было опасным для Франции и для Европы. В Испании, Германии, Бельгии ее политика угрожала независимости держав. Общий план к сопротивлению этому был начертан Генрихом IV, который уже готов был идти на Рейн, когда смерть настигла этого великого человека. Советник короля Пьер Жаннен знал этот план и сообщил его Ришелье, и тот изложил его на первых страницах своих записок. Можно было следовать этому плану. Ришелье писал, что уже два с половиной века нужно было так действовать с условием сохранения союза или нейтралитета Англии, уважения независимости партий в Нидерландах и отказа от всякого увеличения владений в Италии. Следуя этой формуле, Франция могла бы увеличить свое влияние на соседние державы, не восстанавливая против себя всей Европы. В этом виде политика Ришелье была выше политики эпохи Людовика XIV, а посему заслуживает внимания.

Он имел гибкость ума и характера, необходимую для того, чтобы пробиться в люди и взять власть. Он имел силу и твердость воли, необходимые для того, чтобы удержать власть. Препятствий Ришелье не знал: одни он обходил, другие ломал. Его терпеть не могли, но ему повиновались все, начиная с короля. Всем жертвовать ради интересов государства – таким было его правило.

Дайте мне шесть строчек, написанных рукой самого честного человека, и я найду в них что-нибудь, за что его можно повесить.

РИШЕЛЬЕ

Впрочем, и он то брался за слишком много дел одновременно, то вдруг опасался вдаваться в предприятия слишком смело, не соразмеряя средств с целью, иногда даже не следовал до конца своим же намерениям. Например, он удивил тогда Европу, собрав 150 000 солдат, но составил из них слишком много отдельных армий, а потому везде был не слишком силен. Он не умел жертвовать второстепенными вопросами в пользу главных. Он долго был несчастлив в выборе своих генералов, а

потом – слишком упорен в своей доверчивости к тем, кто обнаруживал к нему преданность.

Кардинал де Ришелье

Со своей стороны он делал все возможное. Как представитель Франции, Ришелье на поле битвы и в кабинете заслужил бесконечную благодарность своего отечества.

Но нельзя слишком увлекаться похвалами тому, что он сокрушил остатки феодализма. Идея его, конечно, была верна. Ослабление феодальных вассалов было необходимым условием силы короны и государства, но его силовые действия требовали большего правосудия. Стараясь устранить неудобства, он истреблял их, а не заменял. В частности, первым встретившимся ему сопротивлением было протестантство. Оно имело свое отдельное управление, своих генералов и свои крепости. Это было опасное соперничество, и Ришелье долго колебался: напасть на него или нет. И он напал на гугенотов. И он отнял у них вредную для государственного единства самостоятельность. Находившийся в их власти приморский город Ла-Рошель имел вид независимой республики, которая сотрудничала с Англией, получала оттуда помощь и поднимала оружие против своего правительства. В 1627 году англичане пристали к французским берегам для оказания помощи протестантам, и тогда

Ришелье взял с собой короля и осадил Ла-Рошель. И в октябре 1628 года Ла-Рошель сдалась. А вскоре протестанты перестали существовать во Франции, не стало больше этого государства в государстве.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Протестантизм происходит вовсе не от слова «протест». Тут просто имеет место совпадение в русском языке. В ряду мировых религий протестантизм или протестантство (от лат. protestantis – публично доказывающий) можно кратко охарактеризовать как одно из трех, наряду с католицизмом и православием, главных направлений христианства. Короче говоря, протестанты – это христиане, принадлежащие к религиозным христианским течениям, которые в результате Реформации откололись от католической церкви. В чем разница? Если в двух словах, то католики признают организационное единство церкви, скрепленное безусловным авторитетом римского папы, а у протестантов безусловный и единственный авторитет – Иисус Христос. А гугеноты – это просто название французских протестантов.

Впрочем, Ришелье не удалось до конца истребить феодализм. Едва он сошел в могилу, как феодальное дворянство восстало и прибегло к прежним средствам сопротивления. Регентство Анны Австрийской встретило те же преграды, что и регентство Марии Медичи. И только гибкость и терпение Мазарини, который был равен Ришелье в международной политике, спасло страну, и он оставил после себя Францию более спокойной, нежели его неумолимый предшественник. Но итальянец Мазарини не увлекает воображения, он не властвует на исторической сцене. Недостаток личной важности и природная фамильярность оставили его на втором плане, тогда как по справедливости он должен был бы стоять в одном ряду с Ришелье.

Все эти размышления вовсе не уменьшают уважения к качествам, характеру, уму и заслугам Ришелье. Он был, конечно, основателем национального единства Франции.

Со дня рождения кардинала прошло 433 года, и его имя не забыто.

Именем Ришелье названы города, улицы, площади и станции метро. Повсюду стоят его статуи, существуют десятки портретов великого кардинала, его изображение присутствовало на 1000-франковых и 10-франковых банкнотах. О Ришелье сняты десятки фильмов. В литературе имя Ришелье увековечено в произведениях Вольтера, Александра Дюма,

Альфреда де Виньи, Виктора Гюго, Оноре де Бальзака и многих других. Ему посвящены сотни исторических книг и научных статей.

Понятно, что Дюма, Гюго и Бальзак – это писатели, и нельзя изучать историю по художественным произведениям. К сожалению, это очень часто делается, ибо на чтение серьезных книг по истории ни у кого теперь нет времени. Поэтому, чтобы закончить с этой темой, приведем слова испанца Артуро Перес-Реверте из его романа «Клуб Дюма, или Тень Ришелье». Они адресованы к Александру Дюма, но справедливы и для всех прочих «великих рассказчиков»:

«Как и все великие рассказчики, Дюма был вралем <...> Стоило ему услышать какую-нибудь явно выдуманную историю, как он начинал выдавать небылицу за истинный факт... Возьмем кардинала Ришелье – он был величайшим человеком своего времени, но его облик, пройдя через ловкие руки Дюма, исказился до неузнаваемости, и нам предстала порочная личность с довольно гнусной и подлой физиономией <...>

Насилуя Историю, Александр Дюма давал жизнь действительно очаровательным детишкам... Никому не известного гасконца из плоти и крови, чье имя История позабыла, гениальный писатель сумел превратить в героя великой легенды <...>

Для Дюма, во всяком случае, в первой части цикла романов о мушкетерах, Ришелье становится тем героем, без которого не обходится ни одно романтическое или приключенческое сочинение: это пребывающий в тени могущественный враг, воплощение Зла. Для истории Франции Ришелье – великий человек, а вот в романах о мушкетерах автор реабилитировал его лишь двадцать лет спустя. Таким образом, хитрец Дюма будто бы покаялся и пошел на мировую с реальностью, хотя роман от этого не сделался менее интересным. Дюма же отыскал другого негодяя – Мазарини. Справедливость восстановлена, в уста д'Артаньяна и его товарищей вложены хвалы в адрес покойного, слова о величии бывшего врага. Но Дюма руководствовался отнюдь не нормами морали. Он всего лишь придумал подходящую форму раскаяния... А вспомните первую книгу цикла, где кардинал замышляет избавиться от герцога Бекингема, погубить Анну Австрийскую или дает карт-бланш миледи... Там Ришелье – воплощенное злодейство».

На самом деле кардинал Ришелье был выдающимся государственным деятелем. И его часто сравнивают с императором Наполеоном I.

В этом смысле весьма интересными могут быть рассуждения британского историка Генри-Томаса Бокля. Он, в частности, пишет:

«С одной весьма важной точки зрения Ришелье стоял гораздо выше Наполеона. Жизнь Наполеона представляет собой непрерывное усилие подавить свободу человечества; его беспримерные способности истощались на борьбу с тенденциями его великого времени. Ришелье также был деспот, но деспотизм его принял более благородное направление. Он доказал, чего никогда не было у Наполеона,

способность к верной оценке духа своего времени. Впрочем, и он в одном весьма важном предмете ошибся. Усилия его подавить могущество французской аристократии оказались совершенно тщетными, ибо, благодаря долгому ряду событий, авторитет этого надменного сословия был так глубоко укоренен в понятиях народа, что потребовались усилия еще одного столетия на то, чтобы уничтожить это старинное влияние. Но хотя Ришелье не мог уменьшить социальной и нравственной силы французских аристократов, он обрезал, однако, их политические привилегии и наказывал преступления их с такой строгостью, которая должна была, хотя на время, смирить прежнее их своеволие. Впрочем, так бесполезны усилия даже самого даровитого государственного мужа, когда ему не содействует общее настроение того времени, в котором он живет <...>

Хотя в этом отношении Ришелье не достиг своей цели, но в других делах он имел значительный успех. Это произошло потому, что <...> этот замечательный человек, хотя и был епископом и кардиналом, никогда не позволял интересам своего сословия заслонить высшие интересы отечества. Он знал – а это слишком часто забывается, – что правитель народа должен смотреть на дела исключительно с политической точки зрения и не должен обращать внимания ни на притязания какой-либо секты, ни на распространение каких-нибудь мнений, иначе как в отношении к настоящему, практическому благосостоянию нации. Вследствие этого, управление его представляло беспримерное зрелище – сосредоточение всей государственной власти в руках духовного лица, нисколько не старающегося об усилении духовного сословия. Далеко от этого, он даже нередко проявлял в отношении к духовным такую строгость, которая тогда казалась беспримерной <...>

Все доказывает нам, что Ришелье имел сознание великой борьбы, происходившей между прежней духовной и новой светской системами управления, и что в нем была решимость ниспровергнуть старую систему и поддерживать новую. Не только в его внутренней администрации, но и во внешней политике его мы видим то же, беспримерное до того, пренебрежение к теологическим интересам <...> Ришелье сделал великий шаг к приданию светского характера всей системе европейской политики <...>

Уже по одним этим делам следовало бы признать правление Ришелье великой эпохой в истории человеческой цивилизации».

Трудно любить Ришелье, так как он не был добрым и часто лицемерил; но невозможно не восхищаться им, ибо он желал величия Франции и даровал ей это величие.

ЭРНЕСТ ЛАВИСС

французский историк

Процесс разрушения традиционного общества в европейских странах происходил неравномерно. При этом в Новом Свете зарождалась модификация европейской цивилизации. Первые британские поселения на территории современных США появились в начале XVII века. Там в колониях власть принадлежала губернатору, назначавшемуся английским королем.

Наиболее развитыми в социально-экономическом плане были колонии в Новой Англии. В южных колониях широко использовался рабский труд, а вот в Нью-Йорке и Филадельфии аккумулировались финансовые ресурсы колоний.

Общим для большинства поселенцев был английский язык. Со своей стороны, Великобритания старалась жестко привязать колонии к себе. И до середины XVIII века двум сторонам как-то удавалось избегать острых конфликтных ситуаций. Однако положение изменилось после Семилетней войны, которую многие историки рассматривают как исходный пункт противоборства, которое привело к образованию Соединенных Штатов Америки.

Война за независимость США

К 1775 году в британских колониях проживало уже около 2,5 млн человек, но это все равно было меньше 7 миллионов, проживавших в Англии, но по такому показателю, как прирост населения, американские колонии значительно обогнали метрополию (на протяжении каждого поколения число американцев практически удваивалось).

Среди колоний, находившихся в основном на Атлантическом побережье, преобладали поселения сельского типа, а вот городов было совсем немного.

По мере развития колониальных городов в них все острее ощущалась разница в доходах между бедными и богатыми, но это не привело к формированию жесткой системы титулованных классов, традиционной для метрополии. Здесь тоже существовали очень богатые и очень бедные люди, но все же не до такой степени, как в Англии. Большинство американцев занимали место где-то посередине между этими двумя полюсами. Три четверти всех колонистов принадлежали к так называемому среднему классу – против одной трети среди англичан.

ДЭНИЕЛ МАКИНЕРНИ

американский историк

На протяжении большей части XVIII столетия колонисты проявляли себя вполне лояльными подданными британской короны, хотя и не могли похвастаться внимательным отношением к себе со стороны Лондона. Да,

в Англии внимательно наблюдали за развитием колоний, и там понимали огромное значение заморских поселений – в том плане, что колонии можно прекрасно эксплуатировать. И в марте 1764 года парламентским актом колониям было вменено в обязанность принимать участие в уплате британского национального долга. И для этого в Лондоне, испытывавшем острую нехватку в денежных средствах (долг страны достиг 130 млн фунтов стерлингов), решили обложить колонии налогами.

И тогда в Бостоне прозвучали роковые слова: «Обложение податями без народного представительства есть тирания» (Taxation without representation is tyranny). И это дало толчок, произведший вскоре всемирно-исторический поворот в судьбе североамериканских колоний.

Непосредственно война началась только тогда, когда метрополия сковала свои колонии до крайности. Северо-восточные колонии с самого начала имели все задатки к крупному промышленному производству. В то время как на юге рабский труд производил огромные массы сырья, на севере шло свободное умственное развитие, уничтожающее рабский труд индустриальным производством.

Англия, обложив свои колонии налогом, могла достичь только того, что она удерживала бы их промышленное производство на низком уровне, и американское сырье отправлялось бы к британским фабрикантам, которые придавали бы ему более высокую ценность.

С 1688 года и до самого объявления независимости колоний британское правительство издало ряд парламентских постановлений, которые явным образом способствовали стеснению торговли колоний.

Колонистам запрещалось торговать, а вместо них право это предоставлялось английским купцам. Неангличанам решительно запрещалась любая торговля с колониями, и сами колонисты даже в своих взаимоотношениях должны были обращаться к английским посредникам. Сырье (табак, зерно, рыбу, пушнину и пр.) можно было привозить на продажу только в английские порты. Собственно промышленность (например, производство хлопчатобумажных тканей, железных и стальных изделий и пр.) была разрешена только в ремесленных масштабах.

Жители Массачусетса, Коннектикута, Род-Айленда, Нью-Джерси, Пенсильвании, Мэриленда и Южной Каролины после обнародования так называемого Генерального акта 1764 года, которым облагались ввозными пошлинами разные товары, доставляемые в гавани Америки, раздраженные также Гербовым актом 1765 года^[7], собрались на конгресс и объявили оба эти постановления противозаконными. В результате Гербовый акт был отменен, но вместо него появился указ лорда Фредерика Норта, возглавлявшего британское правительство, брать пошлины с чая, привозимого в колониальные порты.

По сути, ко второй половине XVIII века население североамериканских колоний все явственнее стало выглядеть как общность людей,

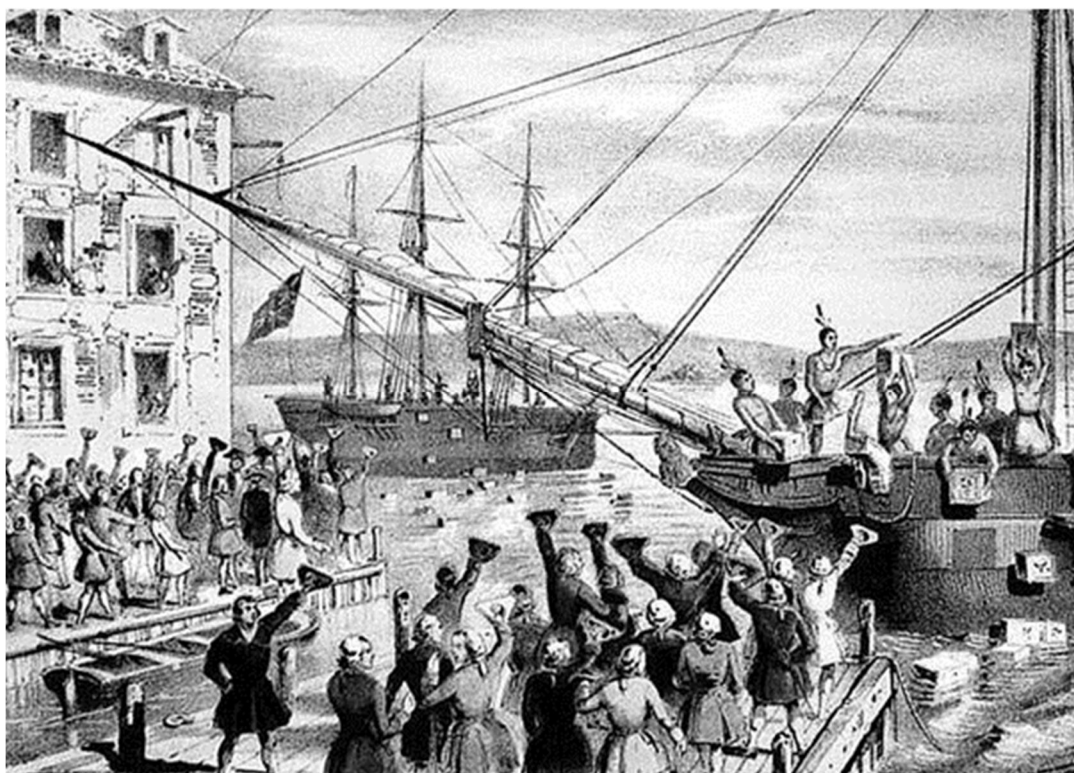
находившихся в конфронтации с метрополией. А присутствие британских войск на территории колоний вызывало все большее и большее недовольство колонистов. В результате все чаще стали звучать требования о предоставлении независимости.

В 1754 году по инициативе Бенджамина Франклина из Пенсильвании был выдвинут проект по созданию союза североамериканских колоний с собственным правительством, но во главе с президентом, назначаемым королем Англии. Хотя проект и не подразумевал полную независимость колоний, в Лондоне он вызвал крайне негативную реакцию.

Искрой, из которой возгорелось пламя американской революции, стало так называемое Бостонское чаепитие (Boston Tea Party) 16 декабря 1773 года.

Дело в том, что лорд Фредерик Норт, как уже говорилось, ввел для колоний ввозную пошлину на чай – по три пенса с фунта. Эта мера вызвала в колониях резкое раздражение.

В ожидании решения спорного вопроса, корабли с чаем Ост-Индской компании перестали допускать в американские гавани, но в Бостонскую гавань чай пришел под защитой английских военных кораблей. В результате 18 человек, переодетых индейцами, забрались на чайный корабль «Дартмут», взломали ящики и торжественно покидали чай в море. Потом группа из 30–130 человек проникла еще на три судна, и в результате за три часа всего было сброшено в воду 342 ящика чая на сумму около 90 000 фунтов стерлингов. Эта акция была названа «чаепитием», и британские солдаты, бывшие в карауле на борту судов с грузом чая, конечно же, прекрасно поняли, что имеют дело не с индейцами, а с колонистами. Да и сами нападавшие не сомневались в том, что их никто не примет за настоящих индейцев.

Уничтожение чая в Бостонской гавани. Литография 1846 года

Массачусетский губернатор Хатчинсон описал этот случай двору в самых черных красках.

Бостон, как и вся Массачусетская колония, уже давно считались в Англии «возмутителями спокойствия». Поэтому британское правительство пошло на самые решительные шаги для усмирения мятежников. Порт был блокирован вплоть до уплаты городскими властями компенсации за уничтоженный груз.

Однако карательная акция против Бостона не только не утихомирила мятежников, но и послужила всем американским колониям призывом сплотиться воедино для борьбы за независимость.

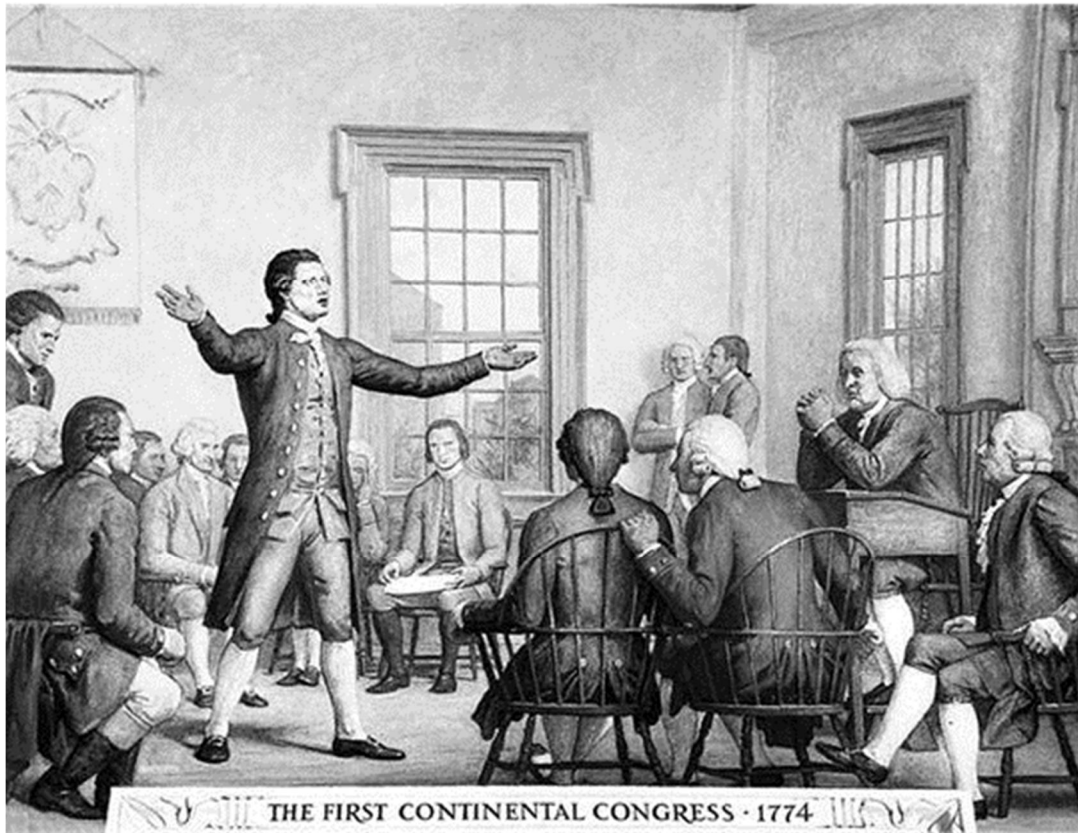
Американская независимость на самом деле началась не с Бостонского чаепития, а с губительной, и совсем не характерной для британцев, ошибки: довольно удачно отстрелявшись в Семилетней десантно-диверсионной войне, бритты размякли. И американцы быстро показали им, что мягкость – это удел хлюпиков и неудачников.

СТЕФАН КЛАРК

британский писатель

Будущий президент США и один из отцов-основателей этого государства Томас Джефферсон назвал Бостонское чаепитие акцией «отчаявшихся людей», защищающих свои законные права. А 5 сентября 1774 года в Филадельфии начал свою работу Первый Континентальный конгресс с

участием 56 представителей всех колоний, за исключением Джорджии, Канады, Бермудских, Багамских островов и островов Карибского моря (в числе семи депутатов от Виргинии находился Джордж Вашингтон).

Первый Континентальный конгресс 1774 года

В ходе конгресса, работа которого продолжалась до 26 октября, были сформулированы требования к метрополии. В частности, было заявлено, что новые налоги и пошлины, установленные британским правительством без согласия американцев, не будут ими одобрены.

По сути, было принято решение об объявлении торгового бойкота метрополии. То есть начиная с 1 декабря 1774 года была запрещена как покупка английских товаров, так и продажа американских товаров англичанам. Это решение было ответом на блокаду Бостона британским флотом.

Выработанная конгрессом «Декларация прав» содержала заявление о правах американских колоний на «жизнь, свободу и собственность». В декларации также высказывалось намерение о созыве нового Континентального конгресса 10 мая 1775 года в случае, если Лондон останется непоколебимым в своей неуступчивости.

Ответные шаги метрополии не заставили себя ждать – король Георг III выдвинул требование полного подчинения колоний власти британской короны, а британский флот приступил к блокаде северо-восточного побережья американского континента.

Англия сползала к авторитарным формам монархии, и упрямство Георга III (1760–1820) во многом способствовало противостоянию колоний и метрополии.

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

английский писатель

Декларация независимости. Комитет из пяти человек представляет проект Декларации независимости США Второму Континентальному конгрессу. Худ. Джон Трумбулл (1819)

Генерал Томас Гейдж получил приказ подавить «открытый бунт» и обеспечить выполнение колониями законов, прибегнув в случае необходимости к применению силы.

В колонии был направлен 10-тысячный отряд британских войск.

Со своей стороны, американцы, решившись поддерживать свои права силой оружия, начали собирать ополчение и устраивать склады боеприпасов.

Вскоре восстание сделалось повсеместным. Число вооруженных жителей каждый день возрастало, но в этом ополчении пока не было ни порядка, ни дисциплины.

На Втором Континентальном конгрессе, созванном в Филадельфии 10 мая 1775 года (в нем принимали участие 65 депутатов от всех американских колоний, хотя представители от Джорджии присоединились к Конгрессу только 20 июля), была подписана Декларация независимости (4 июля 1776 года), которая стала первым документом, в котором колонии именовались как «Соединенные Штаты Америки».

Рукописная копия финальной версии Декларации независимости (1823)

Фактически Второй Континентальный конгресс взял на себя роль национального правительства в ходе начавшейся вскоре Войны за независимость США.

Забегаая вперед, отметим, что 15 ноября 1777 года были изданы «Статьи Конфедерации», которые стали первым конституционным документом Соединенных Штатов. 13 штатов ратифицировали «Статьи Конфедерации» на заседании Конгресса, после чего они вступили в законную силу, и Второй Континентальный конгресс продолжил работу уже как Конгресс конфедерации.

Также на Втором Континентальном конгрессе было положено назначить одного начальника над всеми вооруженными силами восставших северо-американских областей. Этим начальником стал Джордж Вашингтон.

По сути, все шло к войне, и британский парламент уполномочил короля на открытие военных действий. Массачусетс был объявлен мятежной областью. Два других билля окончательно прекратили торговые отношения Англии с колониями.

«Жребий брошен, – объявил король Георг лорду Норту. – Колонисты либо победят, либо покорятся». Но они не покорились.

РОБЕРТ РИМИНИ

американский историк

Вскоре произошло первое столкновение войск генерала Гейджа с массачусетской милицией. И тогда все колонии поспешили послать к Бостону войска и милицию, и вскоре город был осажден 20-тысячной армией. В то же время полковник Арнольд был послан с небольшим отрядом на канадскую границу, и там он овладел укреплениями Тикондерога и Кроншуан и захватил британское судно. Таким образом, ключ к Канаде оказался в руках американцев.

К Союзу англо-американцев вынудили своекорыстие и глупость лондонского правительства. Их облагали налогами, но при этом не давали права голоса в распределении денег и ограничивали их торговлю в интересах Англии.

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

английский писатель

Следует отметить, что Англия еще в 1713 году гарантировала себе право привозить на Антильские острова, а также и вообще в испанскую Америку африканских невольников. Но Лондонская и другие компании, торговавшие неграми, кроме испанских областей, наполнили ими и английские колонии. Барбадос считался главным невольничьим рынком для всей Америки, и британские торговцы редко когда-нибудь получали бóльшие барыши, чем в те 30 лет, когда их монополия на торговлю неграми стояла на высшей степени своего процветания.

С удивительным постоянством они продавали в американские колонии тысячи негров – почти за бесценок. Северные колонии неоднократно протестовали против этой системы, поощряемой британской короной, из-

за которой сырье южных колоний брало опасный перевес над скудными промышленными продуктами Севера. Да и сами южные колонии старались остановить этот наплыв негров, так как они понимали, что этот «рабский элемент», рано или поздно, поставит их внутреннее развитие на совершенно другие основания, чем в северных колониях.

Таким образом первый толчок тому острому клину, которым предполагалось расколоть на две части Север и Юг Соединенных Штатов, был дан Великобританией. Южные штаты именно по причине своего «рабского элемента» естественно стали бы в ряды британской армии, ибо невольническое население влияло на весь общественный строй Юга и притом в пользу пробританских интересов. Роялистская партия насчитывала в южных колониях самое большое количество приверженцев, ибо на рабов там смотрели как на самую важную опору монархизма.

С другой стороны, многие колонисты поняли ту грозу, которая собиралась над их головами, и ввоз «черных союзников» Его Величества короля Англии был запрещен. На самом деле, Томас Джефферсон несколько не преувеличивал, когда в объявлении о независимости колоний в следующих словах обрисовал вероломную британскую политику и ее отношение к рабству: «Король Великобритании ведет жестокую войну против самой человеческой природы, потому что он приказывает хватать подданных далеко живущего народа, который не причинил ему ни малейшего зла, и влечет их в другую часть света на рабство или же на ужасную смерть во время самого переезда. Это настоящий морской разбой, составляющий позор даже для неверных держав, между тем им занимается христианский король Великобритании! И чтобы достойно завершить эти мерзости, отчего дело становится еще очевиднее, тот же монарх подстрекает этих людей (негров), поселенных среди нас, взяться за оружие и возратить свою свободу, которую он сам же отнял у них».

Понятно, что представители Северной и Южной Каролин и Джорджии, где рабство находилось в самом цветущем состоянии, настоятельно требовали вычеркнуть из Декларации независимости эти соображения Джефферсона. Более того, они заявили о своей готовности, не колеблясь, искать спасения в более тесном сближении с метрополией.

Как видим, все элементы, необходимые для отделения рабовладельческих штатов от свободных, отчетливо обозначились еще при первоначальном зарождении Союза.

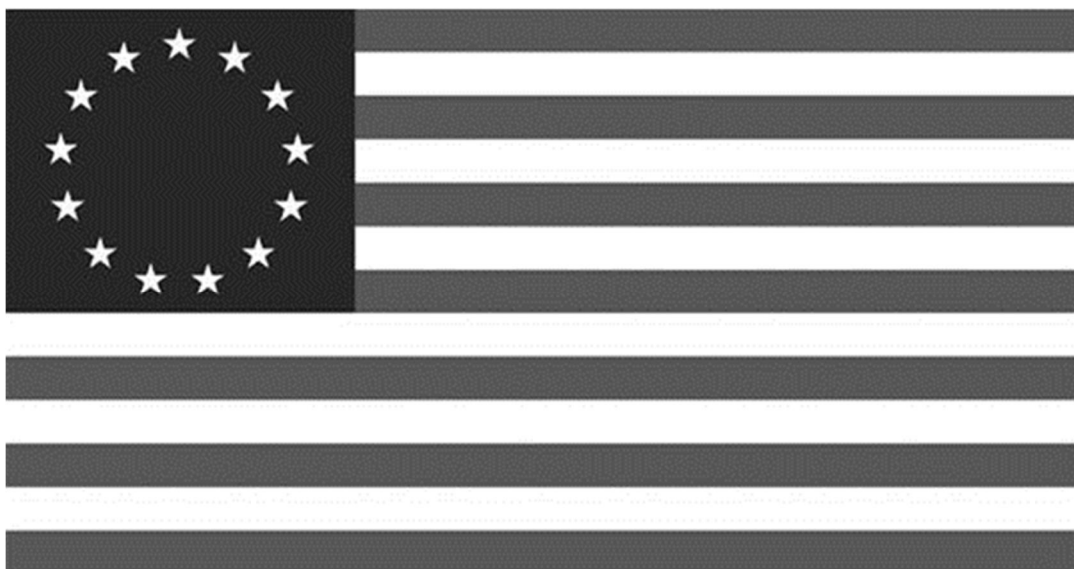
Не менее ловко была рассчитана британская политика и по отношению к индейцам, с которыми метрополия еще задолго до начала борьбы со своими колониями, обращалась весьма предусмотрительно. Дело в том, что за исключением квакеров, гуманно относившихся к индейцам, все англосаксонские иммигранты быстро запятнали себя невыразимыми жестокостями по отношению к несчастным краснокожим. Шаг за шагом

индейцы были оттеснены на запад, и если они не хотели добровольно уступать свои земли, то винтовки колонистов указывали им дорогу. По сути, это была война на истребление, и индейцы, естественно, оказывали сопротивление. Если краснокожие захватывали своего «бледнолицего» врага, не могло быть и речи о какой-то пощаде, потому что они и сами не ожидали пощады. При этом британская корона считала для себя очень выгодным человеколюбиво обращаться с индейскими туземцами. Она требовала отчета у колонистов о жестокой борьбе против «краснокожих», и их поступки всегда осуждались британской короной. И не только! Считается, например, что Англия заискивала перед индейцами, и те даже получали из Лондона карабины, свинец и порох.

Естественно, когда наступил серьезный разрыв отношений между колонистами и Англией, встал вопрос об индейцах, по важности своей не уступавший вопросу о невольничестве. Дело в том, что индейцы обещали колонистам, если вспыхнет война между провинциями и метрополией, соблюдать строгий нейтралитет, однако в отношении к британцам «краснокожие» обнаружили явное расположение. Они охотно выслушивали обещания короля, который сулил им груды золота и огромное количество рома. Более того, они торжественно обязались скальпировать любого колониста, который попадется им в руки, а остальных – прогнать к Атлантическому океану.

Таким образом британцы, заключив наступательный и оборонительный союз с индейцами, поступили гораздо более практично, чем колонисты. Каждый способный к ведению войны индеец получал в подарок два походных шерстяных одеяла, кремневое ружье с пятнадцатью кремнями, топор, маленький медный котелок, нож для скальпирования, порох, свинец и одну гиней. Но особенно благоприятное впечатление произвело на индейцев обещание, что за каждого скальпированного колониста им будет выдаваться серебряная крона.

В результате индейцы приступили к активным действиям, и получилось так, что для отцов североамериканской свободы краснокожие стали страшными противниками, перед которыми едва не пали все колонии. Но не пали. Более того, когда война уже всю шла в различных провинциях, на конгрессе в Филадельфии 4 июля 1776 года сначала семь «штатов», а затем и остальные шесть объявили о своей независимости от Англии.

Первый флаг США с 13 звездами и 13 полосами, представляющими 13 колоний

Формальное образование союзного государства последовало 4 октября того же года. Был утвержден флаг из тринадцати красных и белых чередующихся полос и тринадцати белых звезд на синем фоне.

Следующие пятнадцать лет американцам пришлось вести долгую изнурительную войну на два фронта. Прежде всего, продолжал набирать обороты военный конфликт с Британией, но не менее важной была борьба за создание собственной политической системы. Обе задачи требовали от колонистов крайнего напряжения сил, тем более что решать их приходилось одновременно.

ДЭНИЕЛ МАКИНЕРНИ

американский историк

Короче говоря, к 1775 году обстановка сложилась весьма запутанная. Но при этом одно было совершенно ясно: Англия имела превосходство по всем статьям. Она более чем вчетверо превосходила свои североамериканские колонии по численности населения, ее экономика была более мощной, армия была значительно профессиональней, а флот вообще был сильнейшим в мире. Армия американцев состояла из безнадежно уступавших противнику полков и разношерстных отрядов народного ополчения. Плюс у колонистов не было авторитетного централизованного правительства, способного объединять вокруг себя людей, среди которых, ко всему прочему, имелось немало роялистов, преданных королю и метрополии.

Что же касается войны, то это была в основном обыкновенная партизанская война. Движения американцев или англичан почти никогда не были свободны в военном смысле слова. На поле битвы появлялись

только незначительные отряды регулярных войск, и если принять в расчет численность сил, то так называемые генеральные битвы – это, по большому счету, вообще были обыкновенными стычками со стрельбой. Однако по своим последствиям многие из этих стычек вполне могут сравниться с теми огромными сражениями, которые были даны во времена Наполеона Бонапарта.

Вся борьба за свободу со стороны американцев, по сути, велась гением одного человека – гением Джорджа Вашингтона, родившегося в 1732 году в Бриджес-Крике (Виргиния) в семье владельца табачной плантации. Когда все распоряжения противоречили одно другому, когда северные и южные штаты постоянно ссорились из-за того, какие из них прежде всего следует защищать от нападений британцев, когда не было в наличии ни денег, ни достаточного количества боеприпасов, а сражаться было надо, Джордж Вашингтон оказался той личностью, которая разрешала все эти противоречия. Он был «скалой среди бури». Или, как выразился Томас Джефферсон, он был выше всего народа, потому что никто не мог похвастаться тем, что имеет голову.

Джордж Вашингтон от природы имел рыжие волосы. Вопреки распространенному заблуждению, он не носил париков, но пудрил волосы. И он обладал всем величием англо-американского характера. Его по праву называли человеком дела и мысли.

И что характерно, в начальный период борьбы с Англией Джордж Вашингтон исповедовал вполне умеренные взгляды и не был сторонником независимости. В частности, в 1774 году в письме товарищу он писал: «Что касается независимости, то я вполне удовлетворен тем, что ни один разумный человек в Северной Америке не желает ничего подобного». Но уже к июню 1775 года конфликт между колониями и Англией обострился до такой степени, что Джордж Вашингтон принял на себя командование объединенными силами ополчения (Континентальной армией).

Вашингтон был велик как стратег, как воин и как солдат; храбр как Баярд <...> никакое несчастье не могло сломать его: при неутешительном положении своего отечества и своей вечно разрозненной армии он всегда находил в своем богатом уме новые средства к борьбе с неприятелем <...> Медленность совершенно была не в его духе. Если вследствие внутренних раздоров в Конгрессе ему приходилось медлить, все-таки он постоянно опять находил удобный случай нанести своими по большей части слабыми войсками жестокое поражение неприятелю.

МАКС ЛАНГЕ

немецкий юрист, публицист и шахматист

В ходе более чем восьмилетней ожесточенной войны Джордж Вашингтон не потребовал от колоний никаких жертв. За весь этот период борьбы он взял из общественной казны совершенно ничтожную сумму – 16 680

фунтов стерлингов. Для себя лично он никогда не просил никакого жалованья, а лишь ходатайствовал за нескольких бедных офицеров, отличившихся по службе.

Трудись, чтобы в твоей душе не умерли те крошечные искры небесного огня, что зовутся совестью.

ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН

Он возвышался над духом партий, не был доступен для лести. Склонный к энергичным мерам, он всегда однако же сохранял благородную умеренность и человеколюбие.

В этих замечательных чертах нам живо представляется сходство между Вашингтоном и президентом Авраамом Линкольном. Впрочем, в Вашингтоне больше был виден солдат и британский джентльмен, между тем как в Линкольне каждая черта ясно говорила, что он был истинным североамериканцем, по преимуществу человеком Запада. При этом ни один государственный деятель США не следовал так строго закону, как Вашингтон, и только Линкольн мог сравниться с ним в этом отношении.

Джордж Вашингтон был тем самым человеком, в котором так нуждались колонисты. Полный любви к отечеству, сама олицетворенная честность, не гордый и не заносчивый, он никогда не терял присутствия духа. Он не мог одолеть превосходящие силы противника смелым нападением, имея слабое и плохо организованное войско, и в подобных условиях только терпеливое выжидание и осторожность могли привести к цели. Поэтому Вашингтон ограничивался наблюдением за неприятелем и атаковал его только тогда, когда мог застать врасплох.

В 1775 году одной из крупнейших была битва при Квебеке, состоявшаяся 31 декабря между американской армией и британцами в ходе неудачного вторжения сил Тринадцати колоний в Канаду. Эта битва обернулась первым серьезным поражением колонистов в борьбе за независимость. Генерал Ричард Монтгомери, до этого взявший Монреаль, был убит, полковник Бенедикт Арнольд ранен, а полковник Даниэль Морган и еще более 400 американских солдат были взяты в плен.

В 1776 году дела шли совсем плохо. Продолжалась блокада Бостона. Вашингтон, не решаясь со своими неопытными войсками атаковать город, надеялся принудить его к сдаче голодом, но в феврале были получены известия о том, что британское правительство делает большие приготовления к войне, и что вскоре будет отправлен сильный отряд на помощь Бостонскому гарнизону. Это известие встревожило Конгресс, и Вашингтону был дан приказ овладеть Бостоном во что бы то ни стало.

При этом Конгресс дал Вашингтону диктаторские полномочия и увеличил время службы солдат на три года. После этого дела приняли лучший оборот.

Битва при Квебеке, 31 декабря 1775 года. Худ. Чарльз Уильям Джеффрис

Вашингтон построил на высотах укрепленные батареи, с которых удобно было обстреливать как сам Бостон, так гавань и рейд, занятые британскими кораблями. Действие американской артиллерии, произведшее сильное разрушение, побудило начальника гарнизона генерала Уильяма Хоу очистить Бостон (17 марта 1776 года) и отступить со всеми войсками в Галифакс.

Через некоторое время другой американский отряд одержал верх над англичанами при Чарльстоуне. Эти успехи подняли дух американцев, и, несмотря на известия о скором прибытии в Америку значительных британских подкреплений, Конгресс провозгласил 4 июля 1776 года независимость Северо-Американских Соединенных Штатов.

Между тем к генералу Хоу присоединился отряд, потерпевший неудачу при Чарльстоуне, некоторые из американцев, оставшиеся верными английскому правительству, и, наконец, корпус, ожидавший из Англии. Все эти силы составили тогда около 15 000 человек. Генерал Хоу перешел с ними к устью реки Гудзон и, расположившись неподалеку от Нью-Йорка, открыл переговоры, но получил в ответ, что американцы не сложат оружия, пока английским правительством не будет признана их независимость. И тогда Уильям Хоу решился приступить к активным военным действиям. 26 августа он напал на 3-тысячный американский отряд, располагавшийся под началом генерала Израэля Патнэма в лагере при Бруклине, и разбил его наголову.

Вашингтон, узнав о нападении, поспешил с 9-тысячным отрядом свежих войск на помощь, но прибыл уже слишком поздно и вынужден был отступить.

Поражение при Бруклине (Лонг-Айлендское сражение) имело весьма вредное влияние на дух американских войск, и большая часть милиции рассеялась и возвратилась по домам. Со своей стороны, Вашингтон не видел других средств держаться против превосходящих британских сил, как потребовав от Конгресса нового набора войск.

Битва за Лонг-Айленд, крупнейшее сражение Американской революции

Следует отметить, что борьба американцев за свою свободу возбудила сочувствие в Европе. Молодой пламенный маркиз Жильбер де Лафайетт прибыл из Франции на корабле, им самим купленном и вооруженном. Затем к нему присоединился поляк Тадеуш Костюшко. Бенджамин Франклин был послан во Францию, чтобы уговорить короля Людовика XVI оказать помощь колониям. Он был там принят с большим почетом и произвел сильное впечатление на парижан. Его простые, но исполненные достоинства манеры, свободная открытая речь и лишенная всяких украшений одежда резко выделяли его среди напудренных и чопорных придворных. Молодежь, пропитанная идеями энциклопедистов о свободе и равенстве, с восторгом смотрела на Франклина. Однако французское правительство все медлило, еще сомневаясь в успехе

восстания. Наконец, когда 17 октября 1777 года американский генерал Горацио Гейтс разбил британцев при Саратоге (в этом сражении генерал Бергойн и его 6000 солдат капитулировали, британцы потеряли около 600 человек убитыми и ранеными, а американцы – примерно 300 человек), Людовик XVI – в феврале 1778 года – в Версале заключил с колониями союз и объявил Англии войну.

Американская делегация во главе с Бенджаминном Франклином вела переговоры в Париже, настоятельно склоняя Францию к подписанию официального договора о сотрудничестве. В принципе французы не отказывались от этого предложения, но предпочитали выждать, пока колонисты не дадут им убедительных доказательств успешности своего дела. Победа под Саратогой как раз и стала таким доказательством.

ДЭНИЕЛ МАКИНЕРНИ

американский историк

Франция не могла противостоять искушению. Она увидела брешь в твердыне Британской империи и решила заделать ее французским порохом.

СТЕФАН КЛАРК

британский писатель

После этого, соглашаясь с желанием французского народа, Людовик XVI отправил в Америку корпус вспомогательных войск генерала Рошамбо, который должен был помогать Вашингтону. Испания и Нидерланды тоже вооружились против британцев.

Тем не менее Вашингтон, все еще не решаясь действовать наступательно, расположил свои войска так, чтобы успеть на помощь к любому пункту, на который направили бы свои усилия англичане. Генерал Хоу оставался со своим корпусом на море, стараясь держать противника в недоумении относительно своих дальнейших действий. Наконец, 25 августа он совершил высадку на берег близ Филадельфии. Американская армия, как уже говорилось, была размещена так, что Вашингтон тотчас успел собрать большую ее часть и расположился лагерем за рекой Брендивайн. Однако перевес неприятельских сил не позволил предпринять ничего решительного – и даже воспрепятствовать занятию британцами Филадельфии. Впрочем, нерешительность генерала Хоу стала причиной того, что эти успехи англичан не имели серьезных последствий – осень и зима прошли почти в бездействии.

Вашингтон снова употребил это время на комплектование и устройство своей армии. Когда в апреле 1778 года генерал Генри Клинтон принял начальство над всеми британскими войсками, американцы были уже достаточно сильны, чтобы начать войну наступательную.

Дисциплина – душа армии. Она превращает немногочисленное войско в могучую силу, приносит успех слабым и уважение всем.

ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН

Главным фокусом войны в 1777–1778 гг. была Филадельфия. В 1777 году британцы заняли город, а в 1778 году новость о возможном появлении французов заставила генерала Клинтона эвакуировать Филадельфию. Он избрал марш по суше. В ходе его Джордж Вашингтон следовал по пятам и 28 июня атаковал хвост британской колонны при Монмуте.

Тактически эта битва считается ничьей, но такой исход был, в конечном счете, выгоднее Вашингтону, чем британцам. У тех появились заботы совсем другого порядка: армия и флот нужны были для защиты Нью-Йорка от вступивших в войну французов.

С другой стороны, американцы, полагаясь на помощь французов, совсем перестали заботиться о собственных военных силах, и их армия стала приходить в беспорядок. И потребовалась вся твердость Вашингтона, чтобы остановить это расстройство. Однако он не мог предпринять ничего решительного и вынужден был довольствоваться отражением многократных покушений британцев на Вест-Пойнт и Коннектикут, а также удержанием сообщения между северными и южными областями.

Джордж Вашингтон в сражении при Монмуте. Худ. Эммануэль Лойце (1857)

Конец 1779 года и следующий 1780 год прошли в бездействии, и американские войска, часто терпевшие во всем нужду и недостаток,

начали обнаруживать явное непослушание. Однако в середине 1781 года к американским берегам наконец-то прибыл французский флот с войсками под начальством генерала Рошамбо.

На этом этапе будущее американской независимости выглядело далеко не радужным. В колониях было куда больше пробританских лоялистов, чем патриотов, сторонников Вашингтона. Большинство индейцев поддерживали Георга III, который обещал одарить их правом на землю, и около 100 000 рабов сбежали от своих хозяев, после того как им предложили свободу в обмен на участие в войне на стороне бриттов, — кстати, и Джордж Вашингтон по этой же причине лишился особо ценных дармовых работников. Да и в рядах его солдат началось брожение и дезертирство. Он, как в воздухе, нуждался в поддержке французов. И он ее получил.

СТЕФАН КЛАРК

британский писатель

Это подкрепление дало возможность Вашингтону приступить к решительным действиям против британской армии, которая под командованием генерала Чарльза Корнуоллиса занимала восточную часть Виргинии.

В подобной ситуации английское правительство, во главе которого стоял лорд Фредерик Норт, склонилось к тому, чтобы пойти на унижительные переговоры с колониями и признать их независимость, и только благодаря красноречию Уильяма Питта Старшего (бывшего премьера) оно было на время отклонено от этого постыдного поступка.

Следует отметить, что с 1778 года североамериканская война получила интерес общеевропейский и раздвинулась на все части света. Англии пришлось бороться с флотами всех европейских держав. В 1781 году Англия потеряла Минорку, но атака франко-испанского флота на Ямайку не удалась, точно так же, как и трехлетняя осада Гибралтара. Генерал-губернатор Джорж Август Эллиот храбро и искусно защищал эту важную крепость и спас ее разрушением плавучих батарей, посредством которых хотели взять Гибральтар приступом.

Капитуляция британских войск при Йорктауне, 19 октября 1781 года. Худ. Джон Трамбулл (1820)

Таким образом британцы все-таки удержали свое господство на морях, но им не удалось привести в подданство Северную Америку. Правда, еще и после победы при Саратогe положение Вашингтона было некоторое время довольно стеснительно. Бенедикт Арнольд, один из храбрейших американских генералов, вступил в изменнические отношения с англичанами и перешел на их сторону. Английский генерал Генри Клинтон в 1780 году покорил Северную Каролину и послал в северные провинции генерала Чарльза Корнуоллиса, который разорил эту местность и опустошил морские берега Нью-Йорка и Виргинии.

Вашингтон и Рошамбо перед осадой Йорктауна. Худ. Огюст Куде. Версальский дворец, Франция

В начале 1781 года обнаружилось восстание в войсках Вашингтона, терпевших во всем ужаснейшую нужду, и ему удалось подавить его только своей умеренностью и твердостью. Он выхлопотал у Франции заем в 16 млн ливров, этими деньгами уплатил жалованье и снабдил продовольствием свои войска, и с помощью французского флота обратился в Виргинию, запер Корнуоллиса в Йорктауне и принудил его сдаться со всем оружием и боеприпасами.

В октябре 1781 года объединенная армия из 8000 французов и 9000 американцев одержала победу, которая, по крайней мере, в народной памяти американцев, закрепила их независимость. Был окружен последний оплот британцев – шеститысячная армия в Йорктауне <...> Половина солдат получили ранения или заразились оспой и другими болезнями, и британский командующий, Чарльз Корнуоллис, держался только потому, что ему обещали прислать подкрепление с севера. Но, когда французский флот отрезал все подходы с моря, Корнуоллису пришлось сдать Йорктаун, и на этом британское сопротивление американской независимости закончилось. Церемония капитуляции была трогательным моментом франко-американского единения.

СТЕФАН КЛАРК

британский писатель

Когда лорд Норт получил известие о капитуляции британского войска под командованием Корнуоллиса и о сдаче оружия и знамен в руки Вашингтона и Рошамбо, он воскликнул: «Мне кажется, что пуля попала прямо в мое сердце. Великий Боже! Все потеряно!»

Британский премьер абсолютно верно оценил положение в колониях. И хотя нерегулярные военные действия еще продолжались на протяжении нескольких месяцев, по сути, разгром в Йорктауне означал полное поражение Британии и признание независимости Америки.

ДЭНИЕЛ МАКИНЕРНИ

американский историк

Эта победа действительно имела решающее значение. Англичане оказались до того ослаблены осторожным ведением войны со стороны Вашингтона, что 3 сентября 1783 года вынуждены были заключить Парижский (Версальский) мир, признав независимость Соединенных Штатов.

С американской стороны договор подписали Бенджамин Франклин, Джон Адамс и Джон Джей, а с британской стороны – Дэвид Гартли. Документ был ратифицирован Конгрессом Конфедерации 14 января 1784 года и королем Георгом III 9 апреля того же года.

Договор состоял из 10 статей:

1. Великобритания признавала Тринадцать колоний в качестве суверенных и независимых государств (штатов) и отказывалась от каких-либо претензий на управление ими, их территорию и собственность.
2. Устанавливалась граница между США и Британской Северной Америкой.
3. США предоставлялось право рыболовства на Большой Ньюфаундлендской банке и в заливе Святого Лаврентия.
4. Признавались обязательства по выплате законно возникших долгов кредиторам обеих сторон.
5. Конгресс Конфедерации должен был «убедительно рекомендовать» штатам принять решения о выплате компенсаций за конфискованную собственность лоялистов^[8].
6. США обязались предотвратить дальнейшую конфискацию собственности лоялистов.
7. Освобождались военнопленные обеих сторон, британская армия подлежала немедленному выводу с территории США, воздерживаясь от повреждения или вывоза американской собственности (включая негров-рабов). Документы, архивы, записи и т. п., принадлежавшие штатам или

их гражданам и оказавшиеся в распоряжении армии Великобритании, подлежали возврату владельцам.

8. Обе стороны получали вечный доступ к Миссисипи.

9. Территории, захваченные сторонами после подписания предварительного соглашения 30 ноября 1782 года, подлежали возврату без компенсации.

10. Ратификация договора должна была произойти в течение шести месяцев после подписания.

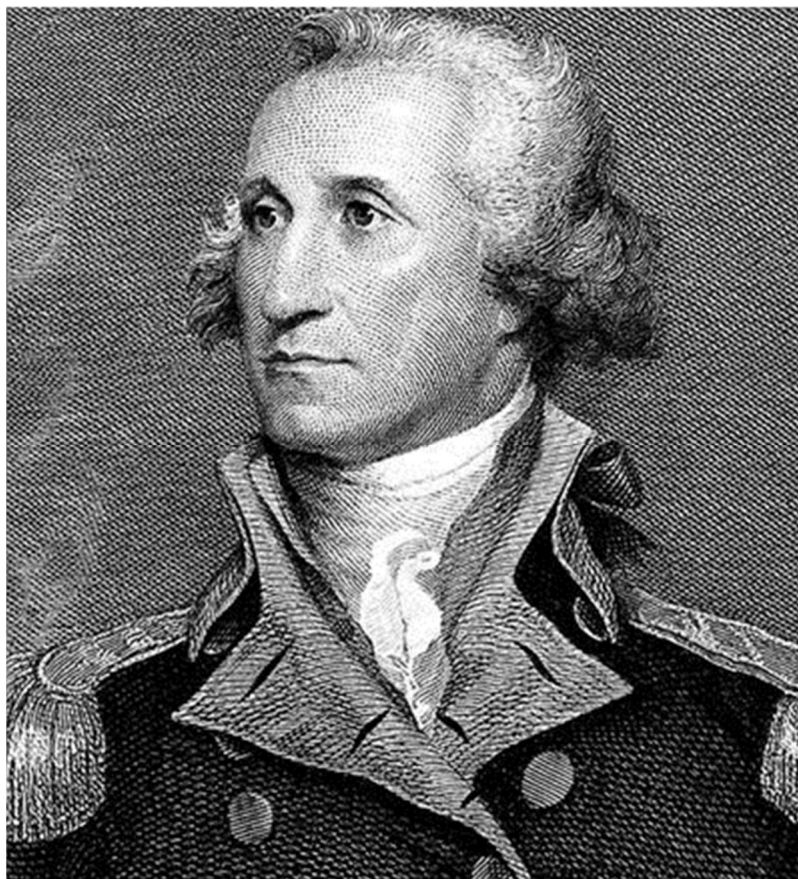
Конечно же, на практике ряд пунктов этого договора был нарушен. Так, например, решения о выплате компенсаций лоялистам приняты не были, а их собственность конфисковывалась. Плюс британские военные нередко вывозили с собой чернокожих рабов.

Все, что получила Франция от заокеанской эпопеи, это эмоциональный подъем на волне помощи угнетенным американцам в их борьбе против монархии – эту идею французам вскоре предстояло воплотить в жизнь в родной стране. Бедный Людовик XVI думал, что наносит коварный удар ножом в спину английского соседа. А на деле вышло так, что сунул собственную голову под нож гильотины.

СТЕФАН КЛАРК

британский писатель

А кончилось все тем, что британцы оставили Нью-Йорк, а Джордж Вашингтон сложил с себя полномочия главнокомандующего и, распустив войска, возвратился в свое поместье Маунт-Вернон в Виргинии, став простым плантатором.

Джордж Вашингтон

Обосновавшись после войны в Маунт-Верноне, Джордж Вашингтон, тем не менее, внимательно следил за политической ситуацией в стране. Когда в 1786 году фермеры Массачусетса восстали против Бостонского правительства, он призвал своих сторонников к действию. Как приверженец усиления центральной власти, неудовлетворенный упомянутыми выше «Статьями Конфедерации и вечного союза», он был единодушно избран председателем Конституционного конвента в Филадельфии, выработавшего в 1787 году Конституцию Соединенных Штатов Америки.

Поддержка конституции Вашингтоном во многом содействовала ее ратификации всеми 13 штатами. Популярность Вашингтона обусловила его единодушное избрание коллегией выборщиков на пост президента страны, который он занял 30 апреля 1789 года, приняв присягу в Нью-Йорке.

В 1792 году Джорджа Вашингтона единогласно переизбрали на новый срок, хотя сам он в предвыборной кампании не участвовал. Кстати, до сих пор он остается единственным президентом США, за которого проголосовали все члены коллегии выборщиков. Конгресс установил годовую заработную плату президента в 25 000 долларов. Будучи

обеспеченным человеком, Вашингтон первоначально отказывался от такого вознаграждения, но позже принял оплату.

По своему государственному устройству Соединенные Штаты были свободным (демократическим) союзным государством. При этом каждый штат имел известную свободу в учреждениях и управлении. А общее правительство Союза состояло из палаты представителей и сената, то есть из Национального конгресса. Исполнительная власть находилась в руках президента, избираемого нацией на четыре года посредством так называемых не прямых выборов. Второе и третье избрание допускались, но так как Джордж Вашингтон отклонил свое третье избрание в президенты (из чувства благоговения перед законом, а также чтобы не заслужить неизбежных в таких случаях нареканий), то и все следующие за ним президенты не решались допускать своего третьего избрания.

* * *

А в это время в Европе тоже происходили события исключительной важности. Речь идет о Великой французской революции, исходный импульс к которой дала Семилетняя война, продемонстрировавшая ослабление мощи королевской во Франции.

Страна находилась в глубоком кризисе, и король Людовик XVI решил обложить привилегированные сословия налогами. А для придания предполагаемым мерам легитимности он созвал Генеральные Штаты (высшее сословно-представительское собрание страны), не собиравшиеся с 1614 года.

Генеральные Штаты собрались 5 мая 1789 года в Версальском дворце, но там представители третьего сословия – так назывались все группы населения за исключением духовенства (первое сословие) и дворянства (второе сословие) – не захотели исполнять роль статистов и одобрять предложения короля. 17 июня депутаты третьего сословия объявили себя представителями всей нации – Национальным собранием, постановления которого не мог изменить даже сам король.

Возмущенный король велел закрыть зал заседаний, но депутаты третьего сословия решили не прекращать борьбу, пока не будет создана конституция.

В результате к Парижу стали стягиваться королевские войска.

А потом имели место события 14 июля 1789 года.

Как известно, 14 июля – главный государственный праздник Франции. Президент в этот день принимает парад, французы поют и танцуют на улицах и площадях. Пресса пестрит статьями о далеком 14 июля 1789 года.

Кто не знает, именно тогда первым символическим актом Великой французской революции стало взятие Бастилии и освобождение заключенных в ней людей. Ну, а Бастилия – это, конечно же, зловещий

оплот монархии, оплот старого порядка, который, собственно, и уничтожила революция, сделавшая Францию республикой.

Так, во всяком случае, написано во всех учебниках и в множестве книг. А как все обстояло на самом деле?

Что празднуют французы 14 июля?

Так называемый штурм Бастилии 14 июля 1789 года стал началом Великой французской революции. Почему так называемый? Да потому что никакого штурма, по сути, и не было.

Да и никакой «зловещей тюрьмы» в Бастилии тоже не было.

В действительности это было довольно роскошное заведение: во всех «камерах» имелись окна, мебель, печки или камины для обогрева. Немногочисленным заключенным разрешалось читать книги, играть на различных музыкальных инструментах, рисовать и даже ненадолго покидать «застенки». Питание было очень хорошим, и его всегда хватало...

Согласно официальной версии, Бастилия пала 14 июля 1789 года, а накануне, в одиннадцать часов утра, революционеры собрались в церкви Сент-Антуан. В тот же день вооруженной толпой были разграблены Арсенал, Дом инвалидов и городская Ратуша.

На следующий день революционный комитет послал своих представителей к Бастилии с предложением открыть ворота и сдаться.

Ироничный Франсуа-Рене де Шатобриан описывает события у Бастилии следующим образом: «Это наступление на крепость, обороняемую несколькими инвалидами да боязливым комендантом, происходило на моих глазах: если бы ворота не отперли, народ никогда не ворвался бы в нее».

Бастилия – это крепость, которую построили в 1382 году. Она должна была служить укреплением на подступах к Парижу (сейчас же это почти центр города).

Вскоре Бастилия стала выполнять функции тюрьмы, но, как ни странно, она представляла собой не мрачное место заточения, а довольно роскошные апартаменты (пусть и за высокой стеной) для всевозможного жужья из числа дворян, а также иного рода нарушителей закона с голубой кровью – вроде пресловутого маркиза де Сада. Они коротали в Бастилии время в окружении собственных слуг, а порой и имели право на время покидать тюрьму.

То есть если Бастилия и была тюрьмой, то это была тюрьма привилегированная, рассчитанная на 42 персоны. Однако вплоть до вступления на трон Людовика XIV в ней редко сидело больше одного-

двух узников одновременно: в основном это были мятежные принцы крови, герцоги или графы. Им выделяли просторные верхние комнаты (правда, с железными решетками на окнах), которые они могли обставлять мебелью по своему вкусу. В соседних помещениях (уже без решеток) жили их лакеи и прочая прислуга.

При Людовике XIV и Людовике XV Бастилия стала более «демократичной», но осталась тюрьмой для представителей благородного сословия. Простолюдины попадали туда крайне редко.

Заключенные получали довольствие в соответствии со своим званием и положением. В частности, на содержание принца выделялось 50 ливров (предков франка) в день, маршала – 36, советника парламента – 15, судьи и священника – 10, адвоката и прокурора – 5, буржуа – 4, лакея или ремесленника – 3 ливра. Чтобы было понятно, много это или мало, напомним, что д'Артаньян, например, продал свою клячу при въезде в Париж за 9 ливров. При этом более или менее нормальная лошадь стоила 800 ливров, а хорошая лошадь – 1000 ливров и выше.

Пища для заключенных делилась на два разряда: для высших сословий (из расчета от 10 ливров в день и более) и для низших сословий (менее 10 ливров). Например, обед первого разряда состоял в обычные дни из супа, вареной говядины или жаркого, десерта, а в постные – из супа, рыбы, десерта. К обеду ежедневно полагалось вполне приличное вино. Обеды второго разряда состояли из такого же количества блюд, но они были приготовлены из менее качественных продуктов. В праздничные дни предусматривалось дополнительное блюдо: цыпленок или жареный голубь.

С восхождением на престол Людовика XVI Бастилия потеряла статус государственной тюрьмы и превратилась в обычную, с той лишь разницей, что заключенных в ней содержали в сравнительно лучших условиях. В Бастилии окончательно отменили пытки и запретили сажать узников в карцер. 11 сентября 1775 года министр королевского двора Гийом де Мальзерб (будущий адвокат в суде над Людовиком XVI) писал коменданту крепости де Ружмону: «Никогда не следует отказывать заключенным в чтении и письме. Из-за строго содержания злоупотребление, которое они могли бы совершить при этих занятиях, не вызывает опасений, а лишение занятия в одиночестве может вскружить голову многим. Не следует также отказывать тем, кто пожелал бы заняться чем-то иным, надо лишь следить, чтобы в их руки не попадали такие инструменты, которые могут способствовать бегству. Если кто-либо пожелает написать семье и друзьям, то это надо разрешать, но письма прочитывать <...> Равным образом следует разрешать заключенным получать ответы и доставлять им таковые при предварительном прочтении. Во всем этом полагаюсь на ваши осмотрительность и гуманность».

Что касается «свирепой охраны», то ее практически не было. Гарнизон Бастилии состоял из 82 солдат-ветеранов (инвалидов), к которым 7 июля добавились 32 швейцарца из полка Салис-Самад при 13 пушках.

Удивительно, но такое достаточно человеческое отношение в этом «исправительном учреждении» почему-то не помешало французам люто ненавидеть Бастилию. А вот две другие тюрьмы, Бисетр и Шарантон, где умирали с голоду и тонули в грязи настоящие политзаключенные и уголовники, никто в 1789 году и пальцем не тронул.

Связано это с тем, что революционные агитаторы умышленно распаляли страсти, утверждая, что подвалы Бастилии полны громадных крыс и ядовитых змей, что там годами томятся закованные в цепи «политические», что там есть камеры для пыток и т. д., и т. п. Разумеется, все это было вымыслом.

Один из очевидцев потом вспоминал, что в ночь на 14 июля «целые полчища оборванцев, вооруженных ружьями, вилами и кольями, заставляли открывать им двери домов, давать им пить, есть, деньги и оружие». Все городские заставы были захвачены ими и сожжены.

Потом в течение двух суток Париж был весь разграблен, хотя несколько разбойничьих шаек удалось обезоружить и кое-кого даже повесили. Когда король Людовик XVI узнал о происходившем, он спросил у герцога де Ларошфуко:

– Это бунт?

– Нет, сир, – ответил ему герцог, – это революция.

Что касается рядовых парижан, то они повели себя весьма легкомысленно, и на призыв Камилла Демулена идти на Бастилию откликнулось всего примерно 800 человек.

Как уже говорилось, 49-летнему коменданту Бастилии Бернару-Рене Журдану, маркизу де Лонэ, предложили открыть ворота и сдаться.

После отрицательного ответа коменданта народ двинулся вперед. Мятежники легко проникли на первый наружный двор, а потом двое молодых людей, Даванн и Дассен, перебрались по крыше парфюмерной лавки на крепостную стену, примыкавшую к гауптвахте, и прыгнули во внутренний (комендантский) двор Бастилии. Обен Боннемер и Луи Турне, отставные солдаты, последовали за ними. Вчетвером они перерубили топорами цепи подъемного моста, и он рухнул вниз с такой силой, что подпрыгнул от земли чуть ли не на два метра. Так появились первые жертвы: один из горожан, толпившихся у ворот, был раздавлен, другой – покалечен. После этого народ с криками ринулся через комендантский двор ко второму подъемному мосту, непосредственно ведшему в крепость.

Маркиз де Лонэ, отлично понимая, что ему нечего рассчитывать на помощь из Версаля, решил взорвать крепость. Но в то самое время, когда он с зажженным фитилем в руках хотел спуститься в пороховой

погреб, два унтер-офицера, Бекар и Ферран, бросились на него и, отняв фитиль, заставили созвать военный совет. Дело в том, что гарнизону с высоты стен показалось, что на них идет весь миллионный Париж. И инвалиды, с самого начала выражавшие недовольство комендантом, заставили маркиза де Лонэ согласиться на капитуляцию. Затем был поднят белый флаг, и, несколько минут спустя, по опущенному подъемному мосту толпа восставших проникла во внутренний двор крепости, грабя по пути конюшни, каретные сараи и кухни, относившиеся к крепостному хозяйству. Чтобы остановить этот грабеж, солдаты дали по мародерам один (и единственный) выстрел из пушки.

Но, по сути, Бастилия сдалась без боя. Это – исторический факт, не подлежащий сомнению.

«Бастилия была взята не приступом, – свидетельствует пехотный офицер Жакоб Эли, – она сдалась еще до атаки. Она сдалась, заручившись моим обещанием от имени народа, что никому из сдавшихся не будет причинено никакого зла».

Он же потом отмечал, что осаждавших было всего 800 человек, но площадь перед Бастилией и все прилегающие улицы были заполнены любопытными, которые сбежались смотреть на интересное зрелище.

Канцлер Этьенн-Дени Пакье, бывший в 1789 году советником парламента, потом написал в своих «Мемуарах»: «То, что называют «боем», не было серьезным: сопротивления практически не было никакого <...> На самом деле, это «сражение» ни на миг не испугало многочисленных зрителей, собравшихся, чтобы посмотреть на результат <...> Среди них находилось много очень элегантных дам, и они, чтобы было удобнее смотреть, оставили свои кареты на большом расстоянии. Я был с мадемуазель Конта из «Комеди-Франсэз», и мы оставались до самой развязки, а потом я проводил ее до экипажа...»

Развязка наступила в пять часов вечера. До этого времени число жертв составило около десятка человек, что выглядело вполне «нормально» по меркам тогдашнего беспокойного времени. Командир гвардейской роты, первой вошедшей на территорию Бастилии, собрался принять капитуляцию, но был смят толпой, которая рвалась разграбить все, что попадалось под руку, и казнить всех, кто встречался на пути. Солдатам не удалось сдержать напор мародеров, и многие «защитники» Бастилии были убиты.

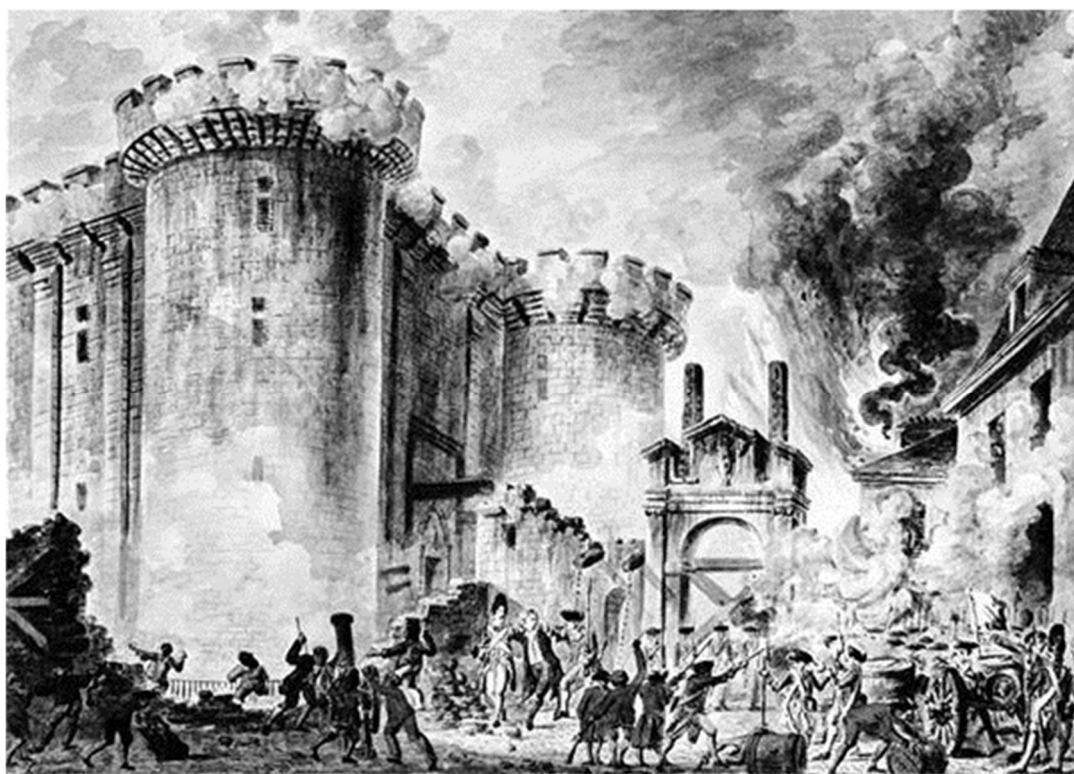
Над комендантом Бастилии восставшие учинили зверскую расправу. Аббат Лефевр, очевидец этой расправы, потом свидетельствовал, что маркиз де Лонэ «защищался, как лев». Желая избавиться от мучений, он ударил одного из нападавших и крикнул:

– Пусть меня убьют!

Эти его слова прозвучали как последний приказ, и его подняли на штыки, вопя: «Это чудовище предало нас! Нация требует его головы!» Но его не

убили сразу, а повели в Ратушу. Дальнейшие события описывает историк Томас Карлейль: «Его ведут сквозь крики и проклятия, сквозь толчки и давку и, наконец, сквозь удары!.. Несчастный де Лонэ! Он никогда не войдет в Ратушу, будет внесена только его окровавленная коса, поднятая в окровавленной руке, ее внесут как символ победы. Истекающее кровью тело лежит на ступенях, а голову носят по улицам, насаженную на пику. Омерзительное зрелище!»

Таким образом, ненавистная Бастилия пала под ударами «восставшего народа», взорам которого представилось удивительное зрелище – всего семь находившихся там заключенных.

Взятие Бастилии. Худ. Жан-Пьер Уэль

Кто же это были? Четверо из них (Жан Бешад, Бернар Лярош, Жан Лякорреж и Жан-Антуан Пюжад) были мошенниками и сидели за подделку финансовых документов.

Граф де Сулаж был помещен под арест в 1782 году – за «устроенный дебош» и «чудовищное поведение» (по-видимому, речь шла об инцесте) по требованию своей же семьи, которая неплохо платила за то, чтобы иметь гарантию того, что распутник просидит в Бастилии как можно дольше.

А еще двое – Огюст-Клод Тавернье и некий Уайт (он же граф де Мальвилль, он же Джеймс-Фрэнсис Уайт, ирландский дворянин, ставший офицером французской армии) – были психически больными, причем

первый из них утверждал, что лично убил короля Людовика XV, а второй – принимал себя за Цезаря и говорил на латыни. Место им было явно не в Бастилии, а в клинике Шарантон.

В некоторых источниках утверждается, что был освобожден и знаменитый маркиз де Сад, но это полная ерунда – он был еще в июне переведен в упомянутый Шарантон, а посему 14 июля не мог быть освобожден народом в качестве «жертвы королевского произвола».

Как видим, ни один из этих людей не тянул на титул «жертв режима».

Революционеры были страшно расстроены таким незначительным количеством и таким качественным составом узников, а посему тут же придумали еще одного – некоего графа де Лоржа, якобы несчастного, который томился в королевских застенках 32 года, а в Бастилии якобы сидел в сырой камере без света, полуголый, с длинной бородой и в цепях...

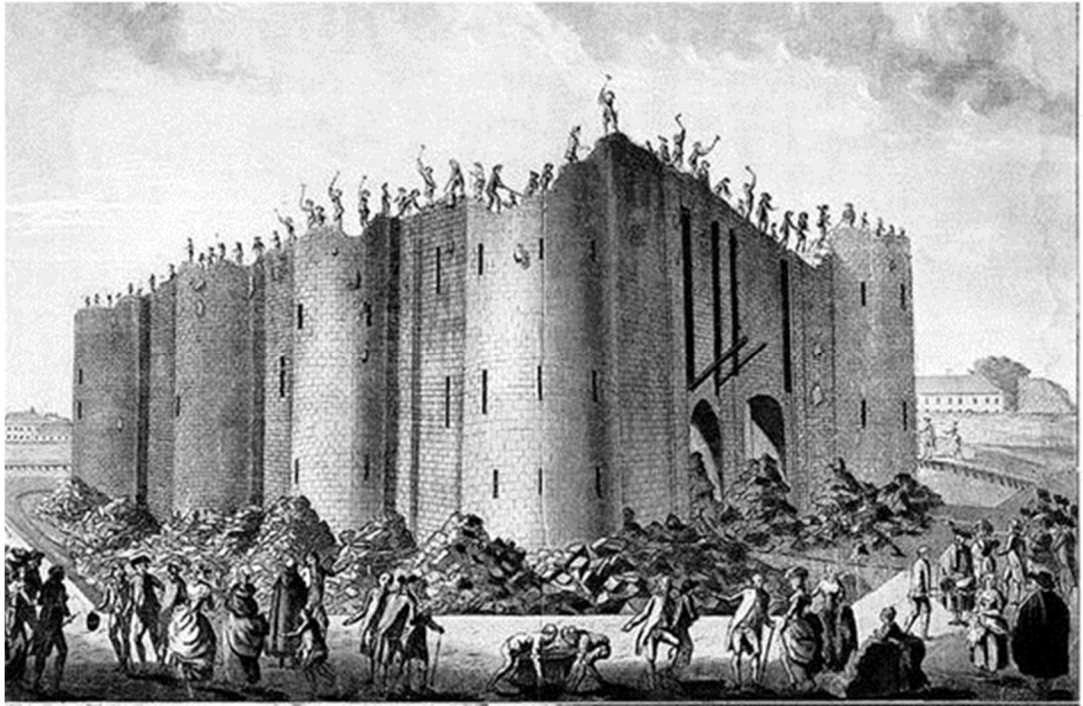
И чтобы уж совсем закрыть этот вопрос, отметим, что все эти «освобожденные восставшим народом» узники так и не получили свободы: четверых мошенников вскоре вновь посадили, а остальных троих просто перевели в более подходящее для них место – в лечебницу Шарантон.

Все остальные камеры Бастилии пустовали. Впрочем, парижская чернь вовсе и не собиралась никого освобождать. Восставшие хотели поживиться неплохими продовольственными запасами крепости, что они успешно и сделали. На семерых заключенных же они вообще набрали совершенно случайно.

Тем не менее революционный комитет поспешил уведомить Национальное собрание об этом «подвиге народа».

При этом «штурм» прошел почти незаметно: из почти миллиона парижан всего лишь около тысячи принимали в нем хоть какое-то участие. Никто из них практически ничем не рисковал: король дал распоряжение войскам ни в коем случае не стрелять в народ и не проливать кровь. А вот то, что происходило после «великой победы», весьма красочно описывает Шатобриан:

«Покорители Бастилии, счастливые пьяницы, кабацкие герои, разъезжали в фиакрах; проститутки и санкюлоты, дорвавшиеся до власти, составляли их свиту, а прохожие с боязливым почтением снимали шляпы перед этими триумфаторами, иные из которых падали с ног от усталости, не в силах снести свалившийся на них почет».

Разрушение Бастилии

Забавно, но «взятие» Бастилии было предсказано за три года до этого известным авантюристом и алхимиком Алессандро Калиостро, основателем «египетского» масонства, побывавшим и в России и высланным оттуда как лицо, симпатизировавшее масонам. В 1786 году он написал свое «Письмо к французскому народу», где, между прочим, говорилось: «Скоро будут созваны ваши Генеральные Штаты, а Бастилия превратится в место для гуляний».

Так оно, собственно, и случилось. Рядом с Бастилией были открыты временные кафе, и у их владельцев не было отбоя от посетителей. Кареты сновали взад-вперед у подножия башен, а нарядные щеголи и барышни, смешавшись с полуголыми рабочими, под восторженные крики толпы «героически» сбрасывали со стен камни, поднимая столбы пыли.

В любом случае, день взятия Бастилии (14 июля) был отпразднован как «торжество свободы и патриотизма». Теперь мы знаем, что он ознаменовал собой начало новой революционной эпохи, напрямую связанной с террором, направленным против своего же народа. Но как только ни писали об этом в свое время. Вот, например, слова академика Е. В. Тарле: «Осада и взятие Бастилии – одно из грандиознейших событий в истории человечества. Оно имело огромное значение в глазах не только современников, но и последующих поколений. Взятие Бастилии сделалось символом всякого достигнутого революционным путем политического освобождения, самое слово «Бастилия» стало нарицательным».

Но на самом деле Бастилия не была «основным оплотом врага». Ее не осаждали и не брали штурмом, она сама открыла ворота народу. Так что же до сих пор ежегодно в этот день салютами и военными парадами отмечают французы? День взятия Бастилии? Но ее никто не брал... День обретения свободы и отмены эксплуатации? Но никакого равенства и братства как не было, так и нет, да, наверное, и быть не может... Строго говоря, французам следовало бы 14 июля отмечать не День взятия Бастилии, а праздник ее передачи народу Парижа. Но в этом нет ничего героического (не считать же подвигом зверское убийство маркиза де Лонэ и некоторых из его ветеранов), и подобные события плохо пригодны для общенациональных празднований.

Не будучи историком, Александр Дюма в своем романе «Анж Питу» сформулировал все просто великолепно: «Бастилия была не просто государственная тюрьма, она была символ тирании. Свобода начинается с уничтожения символа, революция довершает остальное».

За уничтожение символа заплатили своими жизнями несколько десятков человек, жертв революционного террора было, по оценкам, около пятидесяти тысяч (только на гильотине в Париже погибло 18 613 человек). А вот в ходе гражданских войн, вызванных Великой французской революцией, погибло уже от 600 до 800 тысяч человек. Так вот довершилось остальное...

Но легенда о штурме Бастилии была нужна – революции всегда питаются такими легендами. И потом, как это обычно и бывает, нашлись те, кто сумел доказать, что участвовал в свержении «символа тирании». В результате 863 парижанина называли «почетными участниками штурма» или просто «людьми Бастилии», и они потом много лет получали государственный пенсион «за особые заслуги перед революцией».

А что же Бастилия? Уже 15 июля 1789 года мэрия Парижа, приняв предложение Дантона, создала комиссию по разрушению крепости. Работы возглавил некий предприимчивый гражданин, которого звали Пьер-Франсуа Паллуа. Это он «подогнал» рабочих, это он стал производить миниатюрные модели Бастилии и продавать их (таких моделей наштамповали сотни экземпляров), это он додумался продавать и обломки крепости с надписью: «Подтверждаю, что это камень Бастилии. Паллуа-патриот». Отметим, что этого «патриота» самого посадили в декабре 1793 года, но он и там сумел выкрутиться и прожил 80 лет, пережив и Революцию, и Директорию, и Консульство, и Империю, и Реставрацию.

Когда стены Бастилии снесли более чем наполовину, на ее руинах устроили народные гулянья и вывесили табличку: «Здесь танцуют, и все будет хорошо!» Окончательно крепость разрушили 21 мая 1791 года, а камни ее стен и башен были проданы с аукциона за 943 769 франков.

* * *

После Великой французской революции события во Франции разворачивались стремительно: казнь короля и королевы, революционный террор, войны с объединившейся против французов Европой...

Все это завершилось тем, что вожди революции постепенно перебили друг друга, а к власти в разоренной стране пришел человек, которого принято называть и «героем, стремившимся облагодетельствовать человечество», и «гением войны», и «величайшим полководцем всех времен и народов».

Понятно, что речь идет о Наполеоне Бонапарте.

Жан-Батист Бернадотт (этот человек, кстати, очень скоро предаст Наполеона и даже будет воевать против него) в разговорах с соратниками восторженно заявлял: «Наполеон – самый великий человек из всех когда-либо живших на Земле людей, человек, более великий, чем Ганнибал, чем Цезарь и даже чем Моисей».

Даже так!

А теперь зададимся вопросом, кем он был?

Величайшим гением или удачливым самозванцем?

Посланцем Бога на Земле или корсиканским людоедом?

Пророком или шарлатаном?

Ответов на эти и многие другие вопросы столько же, сколько и людей, пытающихся на них ответить. Единственное, что является бесспорным – это то, что Наполеон был и есть фигура неоднозначная и противоречивая. Великая фигура! Великая именно своей неоднозначностью и противоречивостью.

Это реально так: самой большой загадкой Наполеоновской эпохи является сам Наполеон.

Наполеон Бонапарт: личность в истории

Хвалебных гимнов ему написано великое множество. Приведем в качестве примера ставшее классическим мнение историка Е. В. Тарле:

«Не только старая, но и современная буржуазная историография называет Наполеона завершителем революции. Это, конечно, не так. Он действительно взял от революции, использовал то, что она сделала для развития экономической деятельности крупной французской буржуазии, и потушил революционную бурю. Следовательно, его ни в какой степени нельзя считать «завершителем» революции, а с полным правом необходимо считать ее ликвидатором <...>

Наполеон, расстреливающий якобинцев, самодержавный монарх, обративший республики, окружавшие Францию, в королевства и

раздавший их своим братьям, зятьям и маршалам, – этот бесспорный исторический образ не имеет ничего общего с титулом завершителя революции. И только фальшивая идеализация Наполеона может это отрицать <...>

Не признавать огромных и разнообразных дарований Наполеона, исключительных размеров этой колоссальной исторической фигуры было бы, конечно, нелепо <...>

Военная теория и практика Наполеона сыграли огромную роль в разрушении феодализма и абсолютизма крепостнической Европы. Эта теория и практика были порождены буржуазной революцией, создавшей те возможности, которыми Наполеон умело воспользовался <...>

«В Европе есть много хороших генералов, – говаривал Наполеон, – но они хотят смотреть на много вещей разом, а я смотрю лишь на одно – на массы (неприятеля) и стремлюсь их уничтожить». Неподражаем Наполеон был также в использовании победы, в умении довершить разгром неприятеля дальнейшим преследованием <...>

Наполеон был непревзойденным в свое время мастером в умении держать в своих руках и заставлять маневрировать не только в период подготовки сражений, но и на поле битвы громадные войсковые массы, заставляя их выполнять внезапные, не предусмотренные никем новые построения.

Ученые историки-стратеги, писавшие о Наполеоне специальные исследования или только попутно говорившие о нем, признают, что Наполеон использовал и осмыслил именно те новые, небывалые возможности в военном деле, которые создала Французская революция, что, гениально использовав это наследство, он стал тогда и величайшим теоретиком послереволюционных методов ведения войны. Война большими массами, война с большими резервами, какие только была способна дать мощь крупного буржуазного государства, война с действительным использованием громадных материальных средств и людских формирований тыла – все это выявилося при Наполеоне в полной мере. Компактные массы великой армии, предводимые им, оказывались, по его же слову, сильнее неприятеля «в данный момент в нужном месте».

Наполеон знал карту и умел обращаться с картой, как никто, он превосходил в этом своего начальника штаба и ученого картографа маршала Бертье, превосходил в этом всех полководцев, до него гремевших в истории, и в то же время карта никогда не связывала его, и когда он отрывался от нее, выезжая в поле, воодушевляя войска своими обращениями, раздавая приказы, ворочая громадными густыми колоннами, то и здесь он оказывался на своем, т. е. на первом и недостижимом, месте. Его приказы, его письма к маршалам, отдельные его изречения до сих пор имеют значение как бы основных трактатов по вопросу о крепостях, об артиллерии, об устройстве тыла, о фланговых

движениях, об обходах, о самых разнообразных предметах военного дела.

Правда, кроме, может быть, Александра Македонского, никогда ни один из прославленных полководцев не был поставлен так длительно в такие выгодные условия, как Наполеон: он не только соединял в своем лице неограниченного монарха с главнокомандующим, но и царствовал над богатейшими странами мира. Цезарь сначала долго воевал в качестве полководца, которому управляющий государством сенат предоставил завоевывать новую провинцию, а в последние годы жизни вел упорную и долгую войну, гоняясь за войсками враждебной партии. Никогда не воевал он, пользуясь всеми силами римской державы и в качестве ее полновластного правителя. Ганнибал был полководцем, зависевшим от скупого и интригующего сената купеческой республики. Тюренн и Конде зависели от капризов французского двора, Суворов зависел сначала от несимпатизировавшей ему Екатерины, потом от полусумасшедшего Павла и от австрийского гофкригсрата. Густав-Адольф Шведский, Карл II Шведский, Фридрих II Прусский были, правда, неограниченными монархами, но очень уж скудны были людские резервы и материальные средства небольших бедных стран, которыми они владели.

Что касается Наполеона, то лишь его первые подвиги и завоевания (Тулон, Италия, Египет, сирийский поход) совершились, когда он имел над собой правительство, которому он, впрочем, и тогда уже не повиновался, а с 1799 года он сам был неограниченным властителем Франции и всех стран, прямо или косвенно ей подчиненных. И среди этих стран были также и такие, которые в экономическом отношении считались передовыми на континенте: сама Франция, Голландия, прирейнская Германия. Неограниченным властителем после 18 брюмера Наполеон был целых 15 лет, а, например, Юлий Цезарь после перехода через Рубикон – всего около пяти лет, из которых первые два целиком были заняты междоусобной борьбой, дробившей силы государства.

И материальных сил, и средств, и времени, и возможностей Наполеону было отпущено для игры его военного гения больше, чем кому бы то ни было из его предшественников по военному искусству. Но, бесспорно, и самый гений его оказался более могучим, чем у кого бы то ни было из них.

Наполеон, со своей оригинальной манерой выражаться, уподоблял комплекс качеств хорошего полководца квадрату, где основание и высота всегда равны: под основанием он тут понимает характер, смелость, мужество, решимость, а под высотой – ум, интеллектуальные качества. Если характер сильнее ума, то полководец увлечется и пойдет дальше, чем нужно. Если ум сильнее характера, то у него, напротив, не достанет мужества осуществить свой план. Полное единоначалие он считал абсолютно необходимым в армии, если эта армия уже наперед не решила терпеть поражения: «Один плохой главнокомандующий лучше, чем два хороших». И сам он, если не считать осады и взятия

Тулона в 1793 году, никогда ни в одной из своих войн не имел ни равноправного товарища, ни, подавно, старшего над собой <...>

Его военный гений, заключающийся в умении использовать все средства при осуществлении цели, несмотря на отдельные случаи ошибок и признаки утомления, по единодушным отзывам стратегов и тактиков, изучавших его историю, в общем нисколько не ослабел в 1813–1814 гг. сравнительно с лучшими годами его карьеры. Даже в 1815 году, когда у него было гораздо меньше сил, чем у врагов, когда политическое положение было безнадежно, когда сам он чувствовал длительное физическое недомогание, он составил не менее талантливый стратегический план уничтожения неприятельских армий по частям, чем тот, который так великолепно удался ему в первом его итальянском походе, в 1796 году. И блистательное начало осуществления этого плана (поражение Блюхера у Линьи) и продолжение дела (битва при Ватерлоо, когда исключительно только случайно удавшийся вовремя приход Блюхера спас Веллингтона от неминуемого и страшного разгрома) – все это показало, что действительный мастер военного искусства еще был налицо.

Но уже не было чего-то другого, того, что, по мнению самого Наполеона, важнее всего на свете для полководца, даже важнее гения, – не было уверенности в конечном успехе, было сознание, что его время прошло <...>

К потере доверия к себе привели его ошибки, которые были прежде всего ошибками политическими <...>

Все попытки представить Наполеона безгрешным, добрым гением, слетевшим на землю исключительно для благодеяний роду человеческому, все усилия объяснить непрерывное двадцатилетнее кровопролитие исключительно необходимостью «защищаться», все старания (особенно этим отличаются французские историки) обелить некоторые черные дела, неразрывно связанные с именем Наполеона, совершенно бесплодны. Наполеон сам, кстати, никогда этими черными воспоминаниями не тревожился. Он так, по-видимому, искренне раз и навсегда отождествил себя с Францией, что у него наперед было готово оправдание всему тому, что он делал; благо Франции, величие Франции, безопасность Франции – вот что в его глазах оправдывало все, что он делал <...>

Наполеон Бонапарт. Худ. Поль Деларош (1807)

В нем не было жестокости как страсти, но было полнейшее равнодушие к людям, в которых он видел лишь средства и орудия. И когда жестокость, коварство, вероломный обман представлялись ему необходимыми, он их совершал без малейших колебаний. Его холодный ум подсказывал ему, что при прочих равных условиях, если это возможно, всегда выгоднее достигнуть цели без жестокости, чем при ее помощи. Он и действовал всегда сообразно с этим правилом там (но только там), где, по его разумению, позволяли условия <...>

Власть и слава – вот были личные основные его страсти, и притом власть даже больше, чем слава. Озабоченность, зоркая требовательность, всегдашняя предрасположенность к подозрительности и раздражению были ему свойственны в высшей степени. Обожание окружающих, доходившее до размеров суеверия, окружало его так долго, что он к нему привык и относился как к чему-то должному и совсем обыкновенному. Но и это обожание он расценивал больше всего с точки зрения той реальной пользы, которую из него

можно извлечь. Не любовь, а страх и корысть – главные рычаги, которыми можно воздействовать на людей, – таково было его твердое убеждение <...>

Смерти он не боялся <...> В своей посмертной вечной славе он был вполне уверен. Свою изумительную жизнь он объяснял больше всего совсем особыми, исключительными условиями, совпадение которых может встретиться раз в тысячелетие. «Какой роман моя жизнь!» – сказал он однажды Лас-Казу на острове Святой Елены.

Его исчезновение с исторической арены произвело на современников впечатление внезапно прекратившегося, долго бушевавшего урагана неслыханной ярости».

Победу одерживают не числом. Александр победил триста тысяч персов во главе двадцати тысяч македонян. Дерзкие предприятия и мне особенно удавались.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

А вот мнение о Наполеоне Д. С. Мережковского – русского писателя, историка, религиозного философа и общественного деятеля:

«Ставить Наполеону в вину любовь к власти все равно что ваятелю – любовь к мрамору или музыканту – любовь к звукам. Вопрос не в том, любит ли он власть, а в том, для чего он любит ее и что с ней делает.

Властолюбие – сильная страсть, но не самая сильная. Из всех человеческих страстей – сильнейшая, огненнейшая, раскаляющая душу трансцендентным огнем – страсть мысли; а из всех страстных мыслей самая страстная та, которая владела им – «последняя мука людей», неутолимейшая жажда их, – мысль о всемирности. Может быть, это уже не страсть, а что-то большее, для чего у нас нет слова, потому что вообще, как верно замечает госпожа де Сталь, «личность Наполеона неопределима словами».

«Я хотел всемирного владычества, – признается он сам, – и кто на моем месте не захотел бы его? Мир звал меня к власти. Государи и подданные сами устремлялись наперерыв под мой скипетр».

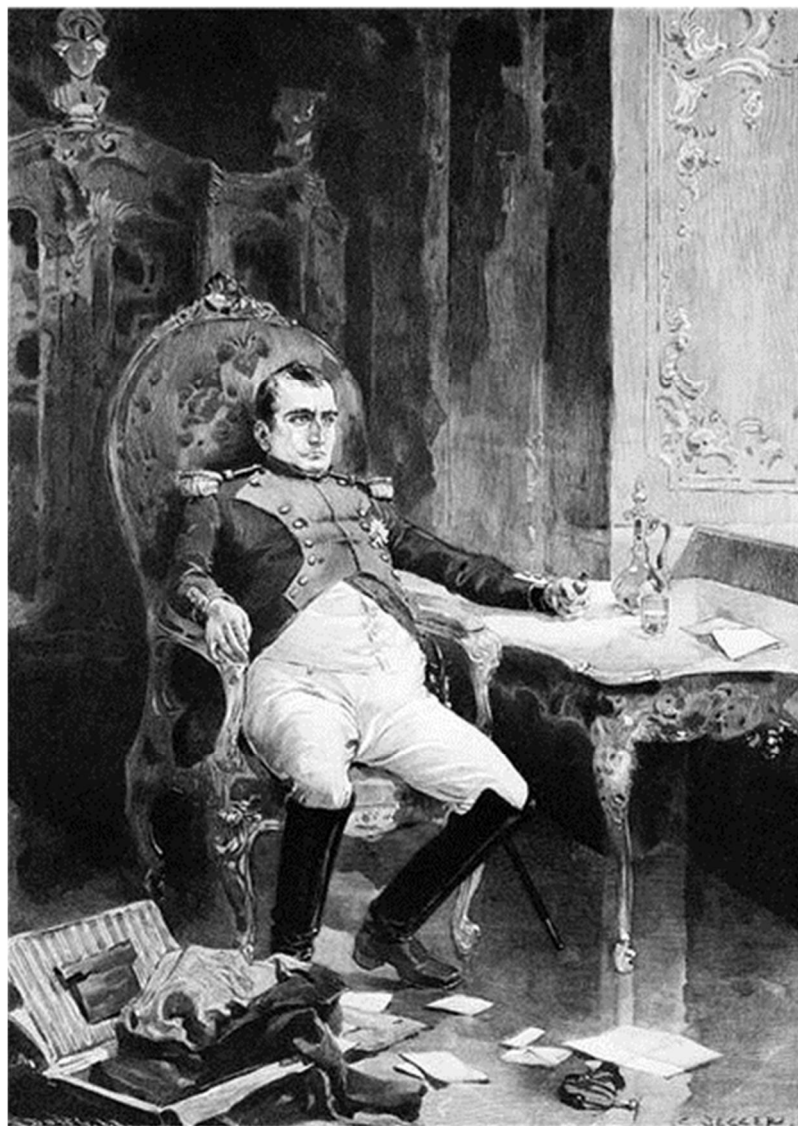
Он мог бы сказать о мире то же, что говорил о Франции: «Мир больше нуждался во мне, чем я в нем».

Если это – «властолюбие», «честолюбие», то какого-то особого порядка, не нашего, и нашими словами, в самом деле, неопределимого. Он и сам хорошенько не знает, есть ли оно у него. «У меня нет честолюбия, а если даже есть, то такое естественное, врожденное, слитое с моим существом, что оно, текущее в моих жилах, как воздух, которым я дышу». – «Мое честолюбие?.. О да, оно, может быть, величайшее и высочайшее, какое когда-либо существовало! Оно заключалось в том, чтобы утвердить и освятить наконец царство разума – полное проявление и совершенное торжество человеческих сил» <...>

Любит ли он Францию? О, конечно, любит! Но даже такой проникательный человек, как Стендаль, ошибается, думая, что он любит ее как отечество. Он и сам в этом ошибается: «Клянусь, все, что я делаю, я делаю только для Франции». – «В счастье, в горе, на полях сражений, в совете, на троне, в изгнании Франция была постоянным предметом всех моих мыслей и действий». – «Все для французского народа», – завещает он сыну. Но все ли он отдал ему сам?

Что такое «отечество»? Родная земля, отделенная от чужих земель границами. Но вся цель наполеоновских войн – бесконечно раздвинуть и, наконец, стереть границы Франции. «Когда Франция будет Европой, не будет Франции», – остерегают его. Но этого-то он и хочет: Франции не будет – будет мир <...>

«Он извратил природу французской армии до такой степени, что она утратила всякую национальную память», – вспоминает современница. «Маленький капрал», для своих солдат, больше Франции: где он, там и отечество. Армия Наполеона, так же как он сам, существо уже всемирное.

Наполеон принимает яд во дворце Фонтенбло (антикварная гравюра)

Он, впрочем, не всегда ошибается насчет своей любви к отечеству. «У меня одна страсть, одна любовница – Франция: я сплю с нею (*je couche avec elle*). Она мне никогда не изменяла; она расточает мне свою кровь и свое золото». Люди так не говорят о родине: она для них мать, а не любовница; не она им жертвует всем, а они – ей.

В лучшем случае Франция для него любовница, а в худшем – боевой конь, та чудесная кобылица, о которой говорит поэт. Бешеный всадник загонял ее до смерти <...>

И вот что всего удивительнее: если бы спросили издыхающую Францию, хотела бы она не иметь Наполеона, своего бешеного всадника, может быть, она ответила бы: «Нет, не хотела бы!» И в этом величие Франции».

С того времени, как я стал во главе государства, я советовался только с самим собой, и это меня вполне устраивало: совершать ошибки я начал только тогда, когда стал прислушиваться к тому, что говорят советники.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

Впрочем, есть и мнения совершенно противоположные, так сказать – альтернативные. Их меньше, и они не столь растиражированы. Но от этого они не становятся менее важными и достойными внимания. Ведь черная краска может испортить портрет, а может и придать ему особый блеск и пикантность. А иногда без черной краски и не обойтись, особенно если пишется портрет злодея, промышляющего по самым темным закоулкам.

Чтобы было понятно, приведем мнения трех очевидцев, трех человек, прекрасно знавших Наполеона. Одно из этих мнений представляет собой отрывки из опубликованных в 1857 году в Париже «Мемуаров» наполеоновского маршала Мармона, другое является частью приложения к опубликованным в 1823 году в Париже «Мемуарам» генерала Дюмурье, третье – выдержками из знаменитых «Замогильных записок» Шатобриана, законченных им в 1846 году и опубликованных после его смерти в 1848 году.

Мнение Мармона:

«Наполеон носил в себе зародыш катастрофы. Сам его характер явно и неотвратимо вел его к поражению. После стольких больших неудач он уже не мог больше существовать в своих собственных глазах без той высоты, с которой он упал. И даже возвращение на вершину могущества не могло бы его удовлетворить. Его качества, ставшие причинами его возвышения, его отвага, его вкус к великим шансам, его привычка рисковать для достижения результатов, его амбиции – все это должно было привести его к поражению. Его расчетливость и осторожность, его предусмотрительность и железная воля уступили место небрежности, беспечности, вялости, неуверенности и бесконечной нерешительности.

С точки зрения физической и моральной в нем сочетались два человека.

Первый был худым, непритязательным, необыкновенно активным, равнодушным к лишениям, презиравшим благополучие и материальные блага, предусмотрительным, осторожным, умеющим отдаваться на волю судьбы, решительным и упорным в своих намерениях, знающим людей и их нравы, что играло огромную роль на войне, добрым, справедливым, способным к настоящим чувствам и благородным к врагам.

Второй был толстым и тяжелым, чувственным и настолько занятым своими удовольствиями, что считал их своим важнейшим делом. Он был беспечным и боявшимся усталости, пресыщенным всем, не верящим ни во что, если это не совпадало с его страстями, интересами и капризами, ни в грош не считавшимся с интересами человечества, презиравшим на

войне элементарные правила осторожности, во всем полагающимся на свою удачу, на то, что он назвал своей звездой.

Его разум оставался тем же, самым великим, глубоким и продуктивным из тех, что я когда-либо видел, но ему не хватало больше ни воли, ни решительности, ни мобильности, и это походило на слабость.

Наполеон, которого я описал первым, блистал до Тильзита. Это был апогей его величия и эпоха его самого расцвета. Второй же стал дополнением его душевных терзаний, последовавших сразу за его женитьбой на Марии-Луизе.

Я много говорил о Наполеоне и думаю, что мне удалось описать его таким, каким я его видел, но все же считаю полезным добавить к уже сказанному вышеизложенный анализ до того, как я окончательно перестану произносить его великое имя».

Мнение генерала Дюмуре:

«Буонапарте поднимался, от преступления к преступлению, от ошибки к ошибке, к самой вершине славы и могущества. Его дерзости удавалось все, ибо Европа созрела для революции, которой он манипулировал. И не нашлось достаточно сильного правительства, чтобы остановить его коварство, равно как не нашлось умелого генерала, чтобы противостоять его оружию. Все европейские державы сами предоставили камни, из которых построен пьедестал этого колосса. Его карьера была блестящей, но легкой <...>

Его характер был очень вспыльчивым, его душа – очень горделивой, его желания – очень низкими, чтобы подниматься к славе по пути героизма. Это необычный человек, но не великий; это не знаменитый человек, а лишь широко известный <...>

Чуждый Франции и человечеству, бедствие Вселенной, палач нации, покоренной ему террором и глупостью, он с радостью пожертвовал целым поколением французов ради своих кровожадных амбиций. Что останется Франции после того, как эта кровавая комета прекратит испепелять мир? Источник постоянных войн, всеобщая деморализация и правительство в Алжире. Что ему самому останется от всех этих триумфов, от всех этих преступлений? Всепожирающие угрызения совести, если он останется на троне, публичное проклятие, если он с него падет <...>

Буонапарте – это дитя фортуны, и самый главный его талант состоит в том, что он смог всех в этом убедить. Вместо того чтобы приуменьшить его величие до его действительного масштаба, все всё приписывали его высочайшему гению; отсюда и проистекает уверенность в его непобедимости и в бессмысленности всякого сопротивления.

Его политика тороплива, ошибочна, бестактна; его правление – самоуправно, несправедливо, жестоко. Он не разбирался ни в законах,

ни в финансах, ни в коммерции. Он умел только безумно тратить, разорять, уничтожать.

Остается его военный талант. Но этот талант, такой восхваляемый и такой счастливый до 1807 года, тоже может быть оспорен. Ни одна из его побед не была плодом военного искусства; он должен был проиграть все свои сражения, если бы вражеские генералы могли воспользоваться его безрассудствами. Его экспедиция в Египет, его война в Сан-Доминго и действия его эскадр являются лишь цепью ошибочных прожектов или неправильных поступков. Одни англичане до 1807 года смогли дать ему несколько трепок.

Он всю свою жизнь был больше счастливчиком, чем талантливым человеком; никогда не испытывая неудач, имея запуганных, неумелых или ограниченных в своих действиях его абсурдными планами и приказами генералов, он никогда не подчинялся правилам военного искусства, никогда не считался с такими военными обстоятельствами, как особенности местности и погодные условия; злоупотребляя храбростью своих прекрасных войск, он ни в грош не ставил факт сокращения населения Франции, которую он истощал своими победами и уничтожал своими поражениями; амбиции его и его гнусной семьи смогут быть удовлетворены, лишь когда его исступление опустошит всю Европу, приведет ее к нищете и зальет кровью, прежде всего, несчастных французов».

Меня сравнивали со многими знаменитыми людьми, древними и новыми, но дело в том, что я не похожу ни на одного из них.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

Мнение Шатобриана:

«Бонапарт был поэтом действия, великим военным гением, человеком неутомимого ума, опытным и здравомыслящим администратором, трудолюбивым и мудрым законодателем. Вот отчего он пленяет воображение поэтов и покоряет умы людей положительных. Однако ни один государственный муж не вправе счесть его безупречным политиком. Это суждение, вырвавшееся у многих его поклонников, и станет, по-видимому, окончательным приговором Наполеону в грядущих веках; оно поможет объяснить противоречие между чудесными деяниями императора и их ничтожными результатами. На Святой Елене он сам строго осудил себя за два предприятия: войну в Испании и войну в России; ему стоило бы покаяться и в других прегрешениях. Самые горячие его поклонники не станут, пожалуй, утверждать, что у него не было причин для раскаяния <...>

Наполеон получил в наследство старинную французскую монархию такой, какой сделали ее столетия и непрерывная цепь великих людей, такой, какой она стала благодаря величию Людовика XIV и дипломатии Людовика XV, такой, какой сделала ее республика, расширившая ее

пределы. Он воссел на этом великолепном пьедестале, простер руки, покорил народы и собрал их вокруг себя; однако он лишился Европы с такою же быстротою, с какой завладел ею; он дважды отдал Париж союзникам, несмотря на все чудеса своего военного гения. Весь мир лежал у его ног, и что из этого вышло? – император лишился свободы, семья его очутилась в изгнании, Франция утратила все его завоевания и часть своих исконных земель.

Все эти факты принадлежат истории, и никто не вправе их опровергнуть. В чем причина ошибок, так скоро приведших к роковой развязке? В несовершенстве Бонапарта как политика.

Союзников своих он привязывал лишь тем, что уступал им территории, границы которых вскоре изменял; во всех его действиях сквозило желание забрать назад только что дарованное. На завоеванных землях, за исключением Италии, он не проводил никаких реформ. Поэтическое здание его побед, лишенное основания и парящее в воздухе одною лишь силою его гения, рухнуло, когда гений оставил его.

Бонапарта желали представить существом безупречным, образцом чувствительности, деликатности, нравственности и справедливости, писателем, равным Цезарю и Фукидиду, оратором и историком, не уступающим Демосфену и Тациту. Меж тем речи, произнесенные Наполеоном, содержат в себе очень мало пророческого. Бонапарту было далеко до Цезаря; он не блистал ученостью, образование получил посредственное; наполовину чужестранец, он не имел понятия об основных правилах нашего языка.

Что же до многочисленных томов, опубликованных под названием «Записки с острова Святой Елены», «Наполеон в изгнании» и проч., и проч., и проч., то в книгах этих, написанных со слов Бонапарта или даже под его диктовку, Наполеона волновал лишь он сам: он восхваляет себя, оправдывает свое прошлое, прибегает к избитым истинам, ставит читателя перед свершившимся фактом, вкладывает себе в уста речи, пришедшие много позже. Он диктовал историю такой, какой хотел бы ее видеть; он был подобен автору, сочиняющему критику на собственное творение. Следовательно, нет ничего более бессмысленного, чем восхищаться этими разномастными собраниями, столь мало похожими на «Записки» Цезаря.

При жизни Наполеона особенную ненависть навлекла на него страсть принижать все и вся. Ему нравилось попираť достоинство тех, над кем он одержал победу; в особенности же стремился он смешать с грязью и побольнее ранить тех, кто осмеливался оказать ему сопротивление. Надменность его равнялась его удачливости; он полагал, что чем сильнее унижит других, тем выше поднимется сам. Ревнуя к успехам своих генералов, он бранил их за свои собственные ошибки, ибо себя считал непогрешимым. Хулитель чужих достоинств, он сурово упрекал помощников за каждый неверный шаг.

История императора, искаженная лживыми преданиями, делается еще более лживой по вине состояния, в каком пребывало общество при империи. Когда власть захватил Бонапарт, когда его прислужники надолго заткнули рот мысли, и французы перестали слышать что-либо, кроме голоса деспота, восхваляющего самого себя и не позволяющего говорить ни о чем другом, истина покинула нас.

Так называемые подлинные документы той эпохи недостоверны; в то время ничто, ни книги, ни газеты, не публиковались без разрешения властителя. Попробуйте написать историю на основании подобных документов!

Жизнь Бонапарта – бесспорная истина, которую взялась описывать ложь.

Мало было лгать, лаская его слух, следовало радовать и его взор: на одной гравюре Бонапарт обнажает голову перед ранеными австрийцами, на другой останавливается, чтобы расспросить какого-то служивого, на третьей посещает чумной барак в Яффе, куда на самом деле даже не заглядывал, на четвертой в пургу одолевает на резвом скакуне перевал Сен-Бернар, где на самом деле стояла в ту пору прекраснейшая в мире погода.

Император вмешивался во все; ум его не знал отдыха; мысли его находились, можно сказать, в постоянном возбуждении. Бурная его натура не позволяла ему действовать естественно и последовательно; он двигался вперед рывками, скачками, он набрасывался на мир и сотрясал его.

Он приучил общество к безвольному подчинению и развратил его нравственность; по его вине люди так исподличались, что невозможно сказать, когда в сердцах вновь проснутся великодушные порывы.

Наполеон на императорском троне. Худ. Жан Огюст Доминик Энгр

Ныне Бонапарт уже не реальное лицо, но персонаж легенды, плод поэтических выдумок, солдатских преданий и народных сказок. Бонапарт – плоть от плоти абсолютной власти; он правил нами деспотически – ныне столь же деспотически повелевает нами память о нем. Деспотическая власть памяти даже сильнее: когда Наполеон был на троне, ему иной раз случалось потерпеть поражение, нынче же все покорно склоняют голову под ярмо мертвеца».

* * *

Наполеон любил говорить: «Самое важное – следовать своей цели: средства ничего не значат». А еще принято говорить, что цель оправдывает средства. Наполеон, безусловно, яркой страницей вошел во всемирную историю. Его имя до сих пор известно каждому

образованному человеку. Он стал настоящим всемирным брендом – таким же, как «кока-кола», «Майкрософт» или «Мерседес». Это значит, что цели своей он добился.

Но вот какими средствами?

Приведем лишь одну историю – достаточно показательную. И при этом отметим, что аналогичных историй, связанных с именем Наполеона, очень много.

Ужасный итог Египетской экспедиции

Как известно, 4 мая 1798 года генерал Наполеон Бонапарт отправился в Тулон, где принял начальство над 40-тысячным войском, собранным в окрестностях города, а 20-го числа огромная французская эскадра (около 350 судов разного вида) вышла в открытое море. Так начиналась знаменитая экспедиция Наполеона к берегам Египта.

11 июня 1798 года эскадра подошла к берегам Мальты. Отряд, высаженный на скалистый остров, быстро овладел большей его частью, а крепость Ла-Валетта капитулировала.

Десять дней прожил Наполеон на острове, захватил все запасы на складах и в арсеналах, взял из церквей золото и серебро, учредил республиканское правление и отправился дальше.

Вечером 1 июля 1798 года войска Наполеона начали высадку на Египетском берегу, около Александрии, и уже на следующий день город был захвачен. Потом армия двинулась через пески на Каир. Во время этого марша солдаты и офицеры страдали от отсутствия воды: население деревень в панике покидало свои дома и, убегая, бросало отраву в колодцы. Мамелюки^[9] медленно отступали, периодически беспокоя французов, а затем на своих великолепных лошадях скрываясь от погони.

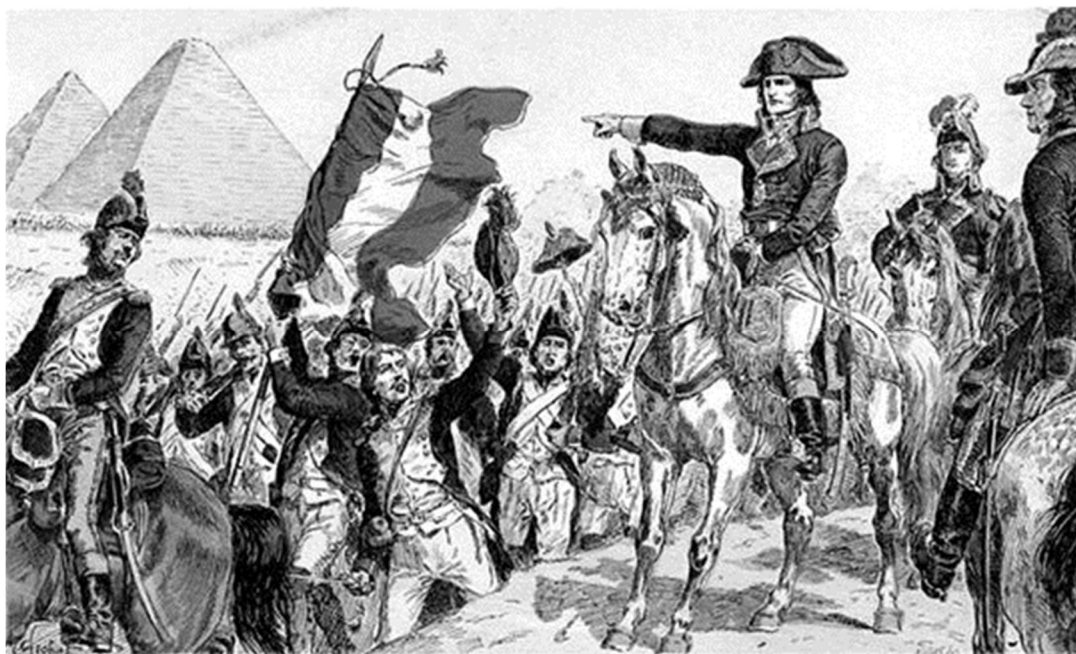
21 июля произошла знаменитая битва у Пирамид.

– Солдаты! Сорок веков смотрят на вас сегодня с высоты этих пирамид! – крикнул Наполеон, обращаясь к своей армии перед началом этого сражения.

Французская армия встала параллельно Нилу, на котором господствовал противник. В турецкой пехоте было мало порядка, и она не представляла собой особой опасности, равно как и арабы, ценность которых в реальном деле была близка к нулю. Следовало опасаться только корпуса мамелюков.

Мурад-бей, главнокомандующий противника, имея многочисленную кавалерию, решил ударить в промежуток между дивизиями генералов Дезэ и Ренье. Этот маневр был проделан с такой быстротой, что с

трудом верилось, что генерал Дезэ успеет занять оборонительную позицию. Однако он успел построить своих солдат в каре. Генерал Ренье, со своей стороны, тоже поспешил занять оборону и открыть огонь. Дивизия Дюга, с которой находился главнокомандующий, изменила направление движения и очутилась между Нилом и войсками генерала Дезэ.

Генерал Бонапарт в сражении у Пирамид

В течение тридцати минут мамелюки упорно гарцевали среди пыли, дыма и пуль под стоны умирающих. В конце концов, ничего не добившись, они умчались за пределы досягаемости огня. Мурад-бей с тремя тысячами всадников отошел на Гизу, по дороге в Верхний Египет, а остальные начали метаться из стороны в сторону и, наконец, следуя естественному импульсу, бросились в воды Нила, где несколько тысяч человек тут же утонуло.

Все пушки противника и обоз оказались в руках французов.

Французская армия потеряла всего 300 человек убитыми и ранеными. Противник же потерял убитыми, ранеными, утонувшими или пленными более десяти тысяч человек.

А потом французские войска торжественно вступили в Каир, имевший тогда 300 тысяч населения. Там была оборудована главная квартира, и город стал почитаться как столица того государства, которое Наполеон хотел образовать на Востоке.

Желая усилить свою власть, он не постеснялся объявить себя перед мусульманами посланником самого Господа Бога.

По возвращении из этой экспедиции, Наполеон узнал об истреблении британцами своего флота в Абукирском заливе, произошедшем 1–3 августа 1798 года. Эта страшная весть повергла его в глубокую печаль.

Теперь, казалось, рушились все замыслы Наполеона о владычестве на Востоке, ведь адмирал Нельсон уничтожил при Абукире не только весь французский флот, но и всю будущность великого предприятия. Это и понятно, ведь теперь британцы полностью взяли в свои руки контроль над Средиземным морем и над всеми коммуникациями, потенциально соединявшими запертую в Египте французскую армию с внешним миром.

Между тем указ султана, прочитанный во всех мечетях, возвестил мусульманам о вероломном вторжении французов в Египет и призвал их к оружию. В ночь на 21 октября 1798 года в Каире произошло восстание, но оно, похоже, только утвердило в этой стране власть Наполеона: большая часть мятежников, засевших в одной мечети, была разгромлена артиллерией, а все взятые с оружием в руках были уничтожены. Затем, в продолжение целого месяца, ежедневно расстреливали по двенадцать человек. Эта система террора дала Бонапарту и деньги, и съестные припасы, и совершенную покорность населения.

В феврале 1799 года Наполеон начал поход в Сирию, а в начале марта изнуренная многочасовыми переходами под палящим солнцем армия подошла к Яффе. Овладение этой крепостью-портом было необходимо для того, чтобы открыть хоть какое-то морское сообщение и принять несколько судов с боеприпасами и продовольствием. Идти на Иерусалим, не заняв Яффу, – это было бы равно нарушению всех правил предосторожности.

Итак, Наполеон встал лагерем перед Яффой, блокировав город. Дивизия генерала Ланна образовала левый фланг осадной армии, генерала Бона – правый. Генерал Клебер был выделен для наблюдения за противником на реке Нахр, а Ренье командовал арьергардом.

6 марта Яффа была взята.

О том, что произошло дальше, сам Наполеон пишет:

«Пленных оказалось 2500 человек, в том числе 800 или 900 из гарнизона Аль-Ариша. Последние, после того как они поклялись не возвращаться в Сирию раньше чем через год, сделали три перехода в направлении Багдада, но затем обходным путем прибыли в Яффу. Таким образом, они нарушили свою клятву; их расстреляли».

На самом деле произошло следующее. Когда французская армия подошла к Яффе, Наполеон приказал объявить населению, что если город будет взят приступом, то все жители будут уничтожены, ибо в плен никого брать не будут. Яффа не сдалась. 6 марта последовал штурм, и, ворвавшись в город, солдаты принялись истреблять буквально всех, кто попадался под руку. Все дома и магазины подверглись разграблению. Некоторое время спустя, когда избиения и грабеж уже подходили к

концу, Наполеону доложили, что около четырех тысяч уцелевших турецких солдат укрылись в одном со всех концов закрытом месте, готовые обороняться до последней капли крови.

Эжен де Богарне (сын жены Наполеона Жозефины от первого брака) был послан Наполеоном пообещать туркам сохранение жизни, и тогда они вышли из своего укрепления, сложив оружие. Французы заперли пленников в сараи. Однако после этого Наполеон заявил:

– И что мне теперь с ними делать? Чем их кормить? У меня нет провианта!

Действительно, у него не было ни достаточного количества судов, чтобы отправить пленных морем в Египет, ни свободных войск, чтобы конвоировать их через пустыню... В результате Наполеон провел в размышлениях три дня, а на четвертый отдал приказ расстрелять пленных. Всех без исключения. И четыре тысячи человек были выведены на берег моря и там все до одного уничтожены.

Поль-Мари-Лоран де л'Ардеш в своей «Истории императора Наполеона» пишет:

«Шестого марта Яффа была взята приступом и предана на грабеж и убийство. Бонапарт, чтобы удержать неистовство солдат, послал своих адъютантов Богарне и Круазье, которые подоспели ко времени и спасли жизнь четырех тысяч албанцев и арнаутов, составлявших часть гарнизона и укrywшихся в пространнх караван-сараях. Когда главнокомандующий увидел такое множество пленных, то воскликнул: «Что прикажете мне с ними делать? Чем мне их кормить? На чем переправить во Францию или в Египет? Вот наделали-то дела!» Адъютанты стали извиняться тем, что не принять капитуляции было бы опасно, и притом напомнили, что они были посланы именно для исполнения человеколюбивых видов главнокомандующего. Наполеон возразил: «Да, без сомнения, в отношении к женщинам, детям, старцам; но мое приказание вовсе не касалось вооруженных солдат; лучше было умереть, чем привести мне всех этих несчастных. Ну, что я с ними стану делать?» И Наполеон целых три дня рассуждал об участи пленников, ожидая, не придут ли с попутным ветром какие суда, которые бы избавили его от необходимости снова проливать кровь людей. Но на море не появлялось ни одного паруса; войско начинало роптать, и приказ о расстреле арнаутов и албанцев отдан 10 марта».

Итак, 4000 пленников были выведены на берег моря и расстреляны. «Никому не пожелаю пережить то, что пережили мы, видевшие этот расстрел», – признался потом один из французских офицеров.

Я приказал расстрелять 500 турок в Яффе <...> Эти турки были моими пленниками еще при Эль-Арише и обещали более не сражаться против меня. Я был суров по праву войны, что было продиктовано тогдашним моим положением.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

В книге «Тайные злодеяния и явные лжи и обманы Наполеона Бонапарта», изданной в 1816 году, по этому поводу говорится:

«Пули и картечь градом посыпались на несчастные и беззащитные жертвы. Между тем Наполеон издали смотрел в зрительную трубку и, приметив поднявшийся дым, радостно воскликнул: «Их нет!» Генерал Клебер сильно выговаривал Наполеону за сие злодейство. С сего времени Наполеон воспылал мщением к Клеберу. Не умершие турки от пуль и картечи доколоты были штыками».

Позднее о событиях в Яффе Наполеон рассказал лорду Эбрингтону, одному из наиболее просвещенных и заслуживающих доверия путешественников, посетивших его на острове Эльба, следующее:

– В Яффе я действительно приказал расстрелять около двух тысяч турок. Вы находите, что это чересчур крутая мера? Но в Эль-Арише я согласился на их капитуляцию под условием, что они возвратятся в Багдад. Они нарушили это условие и заперлись в Яффе; я штурмом взял этот город. Я не мог увести их с собой в качестве пленных, потому что у меня было очень мало хлеба, а эти молодцы были слишком опасны, чтобы можно было вторично выпустить их на свободу, в пустыню. Мне ничего другого не оставалось, как перебить их.

Безусловно, по военным законам, пленный, не сдержавший данного слова, уже не мог рассчитывать на пощаду. Тем не менее, как отмечает Стендаль, «это жестокое право победителя редко осуществлялось», а в те времена, то есть в самом конце XVIII века, «никогда не применялось к такому множеству людей одновременно».

Кстати, произошедшее в Яффе нанесло очень сильный удар по неокрепшей еще нервной системе сына Жозефины, который считал себя виновником гибели людей, которым он лично пообещал свободу. Однако, что бы он ни думал по этому поводу, изменить что-либо он был не в силах.

19 марта 1799 года французская армия подошла к крепости Сен-Жан-д'Акр, находившейся в 30 лье к северо-западу от Иерусалима и в 36 лье к юго-западу от Дамаска. Ее осада длилась более двух месяцев и окончилась полной неудачей. Причин тому множество: у Наполеона не было осадной артиллерии и других осадных принадлежностей, обороной крепости руководили опытные английские офицеры, с моря осажденным постоянно подвозились припасы и оружие, турецкий гарнизон был слишком силен и т. д.

Осада крепости Сен-Жан-д'Акр

В продолжение двухмесячной осады французы восемь раз ходили на приступ и каждый раз были отражены с большим уроном. Наполеон лишился трети своей армии и потерял бы ее до последнего человека, если бы не преодолел свое упрямство. В конечном итоге ему пришлось снять осаду, за время которой французы потеряли около 3000 человек, в том числе дивизионного генерала Бона, бригадного генерала Рамбо, полковников Буайе и Вену, а также адъютанта главнокомандующего капитана Круазье. Но наиболее чувствительной потерей была гибель генерала Каффарелли дю Фальга.

Отметим, что у Сен-Жан-д'Акра Наполеон совершил еще одно злодеяние.

Он вызвал одного из французских врачей и сказал ему:

– Больницы завалены ранеными и больными. Для предупреждения заразы остается одно средство – истребление всех больных!

Человеколюбивый врач тщетно старался отговорить Наполеона от его зверского предприятия. Он даже настаивал на своем мнении. А потом заявил:

– Не хочу быть убийцей, и если злодеяния делают великих людей, то благодарю Бога, что я не способен к злодействам!

Между тем по приказу Наполеона один аптекарь все же взялся за это дело: он подмешал в пищу опиум, и через несколько часов умерло 180 человек.

Потом, уже на острове Эльба, Наполеон так ответил лорду Эбрингтону на его вопрос об этом отравлении:

– В этом есть доля правды. Несколько солдат моей армии заболело чумой; им оставалось жить меньше суток; надо было немедленно выступить в поход; я спросил Деженетта, можно ли взять их с собой; он ответил, что это связано с риском распространить чуму в армии и к тому же не принесет никакой пользы людям, вылечить которых невозможно. Я велел ему прописать им сильную дозу опиума и прибавил, что это лучше, чем отдать их во власть турок. Он с большим достоинством возразил мне, что его дело – лечить людей, а не убивать их. Может быть, он был прав, хотя я просил его сделать для них только то, о чем сам попросил бы моих лучших друзей, окажись я в таком положении. Впоследствии я часто размышлял об этом случае с точки зрения морали, спрашивал у многих людей их мнение на этот счет, и мне думается, что, в сущности, все же лучше дать человеку закончить путь, назначенный ему судьбою, каков бы он ни был. Я пришел к этому выводу позже, видя смерть бедного моего друга Дюрока, который, когда у него на моих глазах внутренности вывалились на землю, несколько раз горячо просил меня положить конец его мучениям; я ему сказал: «Мне жаль вас, друг мой, но ничего не поделаешь; надо страдать до конца».

Стендаль потом назвал это отравление своих больных солдат одним из трех «тягчайших преступлений» Наполеона в Египте. Первым же было убийство пленных в Яффе. Ну, а третьим вскоре станет его самовольное бегство из армии и оставление последней на произвол судьбы.

14 июня уцелевшие в Сирийском походе французы вернулись в Каир, а уже 22 августа 1799 года Наполеон объявил своим солдатам и офицерам следующее:

«Солдаты, известия, полученные из Европы, побудили меня уехать во Францию. Я оставляю командующим армией генерала Клебера. Вы скоро получите вести обо мне. Мне горько покидать солдат, которых я люблю, но это отсутствие будет только временным. Начальник, которого я оставляю вам, пользуется доверием правительства и моим».

Сказать, что армия была потрясена подобным решением своего главнокомандующего, это значит – ничего не сказать. Фактически Наполеон бросал всех своих людей за тысячи километров от Франции на произвол судьбы...

Почему Наполеон поступил так?

С одной стороны, да, вести о поражениях, которые претерпели французские армии в Италии и Германии, равно как и о сомнительном

положении республики, заставили его подумать о возвращении в Европу. Надо было спасать отечество, а то Суворов его завоюет...

С другой стороны, в Египте уже все было понятно, и для Наполеона лучше было бы, чтобы неизбежное поражение оказалось не на его совести. То есть Наполеону был необходим благовидный предлог для давно созревшего решения, продиктованного необходимостью.

То есть, по сути, он отчетливо понимал, что Египетская кампания проиграна.

Историк А. З. Манфред описывает сложившееся положение так:

«Армия таяла – от сражений, от чумы, от болезней, от климата. Особенно опустошительные потери принесла чума. Она уносила тысячи жизней и, несмотря на все принимаемые командованием меры, остановить эту смертоносную эпидемию было невозможно. Вести о страшной болезни, косящей французскую армию, проникли в иностранную печать, о ней сообщали русские газеты.

В завоеванных землях Египта Бонапарт не нашел поддержки ни у одной социальной группы местного населения. Он мог рассчитывать только на силу оружия. Но, несмотря на жестокие репрессии французских войск, а может быть вследствие их, восстания арабских племен разгорались все сильнее. В бесконечных сражениях с восставшими французская армия несла урон. Бонапарт продолжал слать победные донесения Директории. Но он знал, что численный состав армии намного сократился, и в перспективе потери должны были возрасти. Возглавляемая им армия шла к катастрофе, которую можно было ценой жертв и усилий отсрочить, но нельзя было избежать. И какие бы варианты он ни прикидывал, итог оставался одним и тем же: кампания проиграна, армия идет к гибели, и Египет придется очищать, и спасения от этого нет».

В своей инструкции генералу Клеберу, назначенному главнокомандующим, Наполеон написал:

«Если же вследствие неисчислимых непредвиденных обстоятельств все усилия окажутся безрезультатными, и вы до мая месяца не получите ни помощи, ни известий из Франции, и если, несмотря на все принятые меры, чума будет продолжаться и унесет более полутора тысяч человек <...> вы будете вправе заключить мир с Османской Портой, даже если главным условием его будет эвакуация Египта».

Эвакуация Египта! В этих двух последних словах и заключается самое главное. Этим Наполеон признавал, что кампания проиграна...

По сути, Наполеон бросил свою армию. И он сделал это под покровом ночи, словно вор. И все было сделано так, чтобы его инструкции попали к Клеберу через 24 часа после отплытия Наполеона.

Перед отъездом Наполеон сказал генералу Мену:

– Директория потеряла все, что мы завоевали, и я должен рискнуть выйти в море, чтобы спасти Францию.

Да, оставляя армию, он шел на большой риск. Прежде всего, его могли взять в плен англичане. Но риск был еще и в другом. Это отмечает историк А. З. Манфред:

«Как профессиональный военный, как офицер, выучивший уставы, Бонапарт знал, что без приказа свыше он не имеет права покинуть пост, оставить порученную ему армию. Ежели бы его подчиненный, полковой командир самовольно оставил полк, он бы его предал военному суду. Не вправе ли так же поступить с ним военный министр, правительство? Не предадут ли они попросту его военному суду за дезертирство?»

Дело в том, что Наполеон не имел разрешения возвращаться в Париж, и, самовольно покидая вверенную ему армию, он самым грубым образом нарушал воинскую дисциплину.

Но, как подчеркивает А. З. Манфред, «у Бонапарта не было выбора, у него не было альтернативы».

Этот же момент отмечает в своей «Жизни Наполеона» и Стендаль, но он пишет:

«Что касается другого его поступка, гораздо более серьезного, – того, что он бросил в Египте свою армию на произвол судьбы, – то этим он прежде всего совершил преступление против правительства, за которое это правительство могло подвергнуть его законной каре».

При этом Стендаль почему-то утверждает, что Наполеон, бежав из Египта, «не совершил этим преступления против своей армии, которую оставил в прекрасном состоянии».

Весьма странное утверждение. Равно как и следующие слова Стендаля:

«Наполеона можно обвинять только в легкомыслии: он не предусмотрел, что Клебер мог быть убит, в результате чего командование перешло к бездарному генералу Мену».

В прекрасном состоянии?

Но армия была в самом плачевном состоянии. Вот, например, что доносил 26 сентября 1799 года в Париж генерал Клебер:

«Армия раздета, и это отсутствие одежды особенно скверно, потому что в этой стране это является одной из главных причин дизентерии и болезни глаз».

А в конце своего донесения Клебер, которого, как и Нея, называли «храбрейшим из храбрых», делал однозначный вывод:

«Это точно определяет критическое положение, в котором я нахожусь».

Еще бы! Ведь, ко всему прочему, Наполеон бросил армию абсолютно без денег. Армия таяла на глазах, пополнений ждать было неоткуда...

Да это не критическое положение! Как совершенно верно отмечает А. З. Манфред, «положение французской армии было безнадежным».

Не совершил преступления против своей армии?

Но Наполеон прекрасно понимал, что поступает, мягко говоря, некрасиво. Поэтому в последние перед отъездом дни он старался как можно меньше встречаться с генералом Клебером, которому собирался передать командование. Можно сказать, Наполеон откровенно от него прятался.

А. Ю. Щербаков в своей книге «Наполеон. Как стать великим» подчеркивает:

«Бросить армию <...> С военной точки зрения это – тягчайшее преступление. К примеру, во время Великой Отечественной войны за это расстреливали без разговоров. И появление в Париже с «хвостом» в виде такого поступка могло повлечь очень серьезные неприятности. Во всяком случае, имелся риск с треском вылететь из армии – а значит, поставить на своей судьбе жирную точку».

Он же делает очевидный для нас вывод:

«Это был первый случай, когда он кинул – в прямом и переносном смысле – своих боевых товарищей. Второй такой случай будет в России».

Можно обвинить только в легкомыслии?

А. З. Манфред пишет:

«Спасти проигранную кампанию было невозможно, но спасти самого себя, бежать от унижения, хотя и с риском можно было».

Ничего себе – легкомыслие!

Убийство генерала Клебера

Наполеон откровенно врал генералу Клеберу. В приказе, назначавшем его главнокомандующим, Наполеон писал: «Правительство вызвало меня в свое распоряжение». Это была заведомая неправда: он бежал из обреченной на поражение армии.

Последствия этого «легкомыслия» известны. Генерал Клебер был вскоре убит. Турки и высадившие десант англичане вновь начали наступление в Египте, обладая огромным численным превосходством, и генерал Мену, возглавивший армию, стал терпеть поражение за поражением, а потом вынужден был сдать Каир и Александрию. Осенью 1801 года он сложил оружие.

Флот был уничтожен, армия покинута, безнадежная экспедиция провалилась – и все это каким-то образом окружило его имя еще большей славой.

ХИЛЭР БЕЛЛОК

английский писатель

А. З. Манфред и мы вместе с ним уверены:

«Бонапарт с такой поспешностью, с таким азартом ухватился за представившуюся возможность бежать из Египта потому, что он предвидел такой финал затеянной им Египетской экспедиции. Повод – сообщение о поражениях французских войск в Европе – оказался для него спасительной находкой».

А что же жизни многих тысяч брошенных на произвол судьбы людей?

Эта страница для Наполеона уже была перевернута.

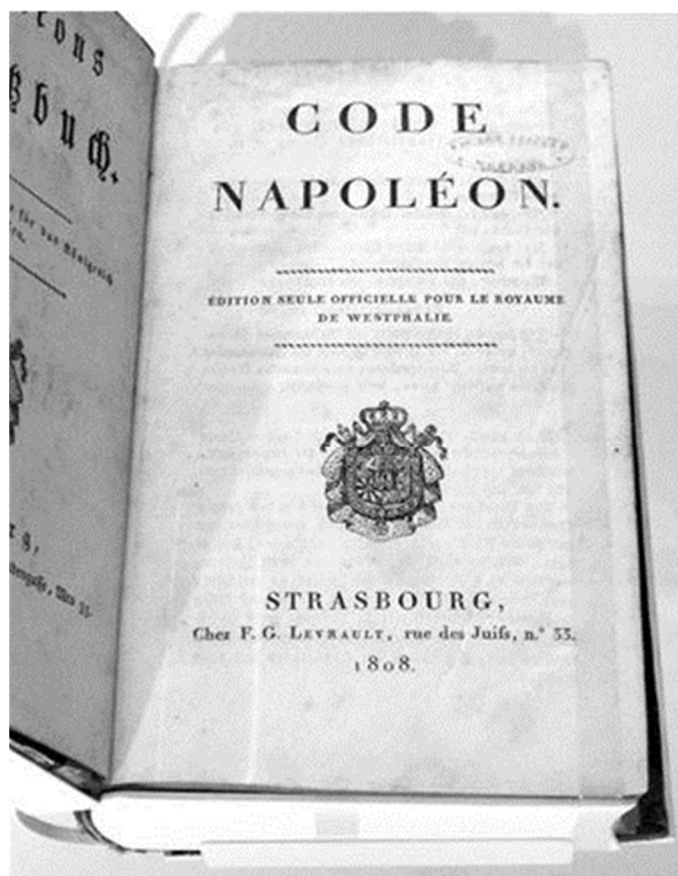
Государь, который думает о людях и строит собственное счастье на их благополучии, – в каком романе можно найти сие?

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

Кто написал «Гражданский кодекс Наполеона»?

Гражданский кодекс французов (Code Civil des Français). Кодекс Наполеона (Code Napoléon). Кто не знает об этом масштабном творении человеческого разума, авторство которого приписывается Наполеону? Почему приписывается? Да очень просто – Наполеон сам продиктовал на острове Святой Елены: «Моя истинная слава состоит не в том, что я выиграл сорок сражений; Ватерлоо сотрет воспоминания о стольких победах. Но, что никогда не забудется и будет жить вечно, так это мой Гражданский кодекс».

«Мой Гражданский кодекс!» Эти слова амбициозного императора и стали буквальным «руководством» для многих его биографов, историков и исследователей. В частности, Стендаль в свое время написал следующее: «Наполеон ускорил судопроизводство и сделал его более справедливым. Он работал над самым благородным своим творением – Кодексом Наполеона. Таким образом, – пример, единственный в истории! – самому великому из полководцев Франция обязана устранением путаницы и противоречий, царивших в несметном множестве законов, которыми она управлялась».

Гражданский кодекс французов. Кодекс Наполеона издания 1808 года

Даже профессиональные юристы говорят о «пророческих мыслях» Наполеона, о его «смелом новаторстве», о его «большом уважении к законодательной власти». А еще в научно-популярной литературе весьма распространено мнение о том, что «законы Наполеона ясно и разумно регламентировали» жизнь французов, что они «установили в стране порядок и давали ей возможность развиваться», что Кодекс Наполеона «вошел в историю как образец законодательства».

Я дал французам Кодекс, который сохранит свое значение дольше, нежели прочие памятники моего могущества.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

Но вот имеет ли Наполеон такое уж прямое отношение к этому документу, который с некоторыми поправками действует во Франции до настоящего времени (а многие из его статей за двести с лишним лет ни разу не подвергались переработке)?

Безусловно, ставя подобный вопрос, никто и в мыслях не имеет отрицать тот факт, что Кодекс был принят 21 марта 1804 года, то есть еще при Консульстве, незадолго до провозглашения Наполеона императором? Это, как говорится, факт исторический. Да, Кодекс был принят при

Наполеоне, но кто же был его истинным автором, кого можно называть его настоящим «отцом»?

Принято считать, что так называемый Кодекс Наполеона был разработан под непосредственным руководством Наполеона, и инициатива в его создании принадлежала лично Наполеону. Некоторые даже утверждают, что и саму идею создания Гражданского кодекса выдвинул Наполеон. Доктор юридических наук С. В. Боботов, например, пишет, что «о создании серии кодексов Наполеон стал размышлять сразу же после совершенного им государственного переворота». Но это было в 1800 году. И как же тогда быть с тем фактом, что первый проект Гражданского кодекса, состоявший из 695 статей, был представлен Конвенту еще в августе 1793 года, то есть за семь лет до этого? Наполеон тогда еще не был даже простым бригадным генералом, а до его появления на исторической сцене под Тулоном оставалось четыре месяца...

Тогда первый проект Гражданского кодекса представил Конвенту профессиональный юрист Жан-Жак-Режи де Камбасерес, который был в то время председателем комитета по законодательству. Второй проект, сокращенный до 287 статей, был представлен им же в сентябре 1794 года, третий – в июне 1796 года.

Кто же такой был этот Жан-Жак-Режи де Камбасерес?

На протяжении многих лет он был одной из самых влиятельных фигур во Франции, и при этом, странным образом, его имя упоминается историками крайне редко, гораздо реже имен людей, не стоявших с ним даже близко. Так, например, в тексте знаменитой книги академика Е. В. Тарле «Наполеон» на шестистах страницах имя Камбасереса встречается лишь один раз.

История Камбасереса интересна еще и потому, что позволяет лучше понять процесс восхождения Наполеона к власти, которое на первый взгляд кажется совершенно невероятным. Но это только на первый взгляд...

Жан-Жак-Режи де Камбасерес родился 18 октября 1753 года на юге Франции в городе Монпелье в семье местного мэра Жана-Антуана де Камбасереса.

Матерью Жан-Жака-Режи де Камбасереса была Мари-Роз де Вассаль, дочь Матьё де Вассалья, секретаря-советника короля. Семья де Вассалей была очень обеспеченной по меркам провинциального Монпелье.

От брака с Жаном-Антуаном де Камбасересом болезненная и вечно беременная Мари-Роз родила одиннадцать детей, но выжили из них лишь двое: Жан-Жак и его брат Этьенн-Юбер, родившийся 10 сентября 1756 года и ставший аббатом.

В начале февраля 1769 года умерла не вынесшая своих девяти неудачных беременностей Мари-Роз де Вассаль: 15-летний Жан-Жак и 12-летний Этьенн-Юбер остались предоставленными самим себе,

сиротами при живом отце, который после смерти жены стал посвящать все свободное время не детям, а своей молодой и здоровой любовнице Жанне Диттри, тоже уроженке Монпелье.

Несмотря на равнодушие отца и относительную бедность, Жан-Жак начал сам шаг за шагом строить свою жизнь. В 1772 году он получил диплом факультета права в Монпелье, основал адвокатскую контору и добился прекрасной репутации юриста в своем родном городе.

В 19 лет Камбасерес стал совмещать юридическую практику с государственной службой, и так прошло еще 15 лет. Крутой поворот в его жизни произошел лишь в 1789 году. Впрочем, этот год круто изменил судьбу всей Франции и всех французов.

5 января 1790 года неугомонный Камбасерес создал в Монпелье «Общество друзей конституции», в сентябре 1791 года его избрали председателем Уголовного суда департамента Эро, а через год он стал представителем этого департамента в Конвенте, где сразу же продемонстрировал высокое ораторское искусство и обнаружил способность успешно лавировать между различными течениями.

В 1794 году Жан-Жак-Режи де Камбасерес был избран председателем Конвента (с 7 по 22 октября 1794 года). Затем на три срока он избирался председателем влиятельного Комитета общественного спасения, следившего за работой министров и отвечавшего за национальную безопасность во всех смыслах этого слова.

Председателем Комитета общественного спасения Камбасерес был до 30 октября 1795 года, а в октябре 1796 года он стал председателем Совета Пятисот (низшей палаты парламента).

18 фрюктидора (4 сентября 1797 года) стремившийся к верховной власти в стране Поль Баррас, опираясь на десять тысяч штыков генерала Ожеро, разогнал Совет старейшин и Совет пятисот. Фактически, это был государственный переворот, но Камбасереса он удивительным образом не коснулся. Свой председательский пост в Совете пятисот он оставил за три месяца до переворота – 27 мая 1797 года.

В политическую жизнь Камбасерес вернулся в июле 1799 года в качестве министра юстиции. Он принял участие в государственном перевороте 18 брюмера (9 ноября 1799 года), приведшем к власти Наполеона Бонапарта.

Камбасересу тогда не нужно было размахивать саблей, для этого вполне годились такие люди, как будущие маршалы Мюрат или Лефевр. Обладая обширными юридическими познаниями, Камбасерес отвечал за приведение действий заговорщиков в соответствие с действующей конституцией.

После переворота 18 брюмера, как известно, во Франции был установлен режим Консульства, и первым консулом стал Наполеон Бонапарт. Камбасерес официально стал вторым консулом Республики

12 декабря 1799 года. Он показался Наполеону самым подходящим человеком для этого поста. Во-первых, он обладал большим весом среди политических деятелей того времени, во-вторых – считался наилучшим хранителем традиций государственности, в-третьих – обладал потрясающей эрудицией, большим юридическим опытом и, что не менее важно, осторожностью и тактом.

Это удивительно, но, как оказалось, Камбасерес обладал способностью влиять на первого консула, причем он умел делать это не грубо «в лоб», чего будущий император никогда бы не потерпел, а весьма тактично, не задевая его обостренного самолюбия. За это Наполеон очень ценил и уважал Камбасереса. Они, кстати, прекрасно дополняли друг друга. Наполеон действовал, а Камбасерес обеспечивал поддержку его действиям. Помимо роли советника при малоопытном первом консуле, важной функцией Камбасереса было управление сенатом. Роль этого органа государственной власти трудно было переоценить.

Председателем сената был назначен Сийёс. Но Камбасерес без лишнего шума и без выставления напоказ мало-помалу проник в этот орган и занял в нем важный плацдарм, оставленный ему в результате надменной неосмотрительности Сийёса.

Третий консул Лебрён был совсем не таким. Он мало вмешивался в государственные дела и занимался в основном своими любимыми финансами. Реальным соратником Наполеона, его правой рукой и надежным помощником был один лишь Камбасерес. Вопрос только – Наполеон ли выбрал себе этого помощника?

Все дело в том, что Камбасерес к тому времени уже был влиятельнейшим масоном Франции, и именно он тайно осуществлял руководство практически всеми крупнейшими масонскими ложами страны.

Впервые он приобщился к масонскому братству в 1772 году, вступив в ложу «Сен-Жан дю Секре». Было ему тогда всего 19 лет, но он быстро стал продвигаться вверх по тайной иерархической лестнице «вольных каменщиков». В мае 1779 года Камбасерес присоединился к ложе «Собрание избранных».

22 июня 1799 года Камбасерес участвовал в знаменитом собрании пятисот ведущих масонов Франции, которое ставило своей целью «единение, братство и счастье навсегда». Именно Камбасерес в то время уже играл роль главного объединителя французских масонов. Авторитет его в масонских кругах был непререклем.

Итак, начиная с середины декабря 1799 года исполнительная власть во Франции была вверена трем консулам, назначавшимся на десять лет. Первым консулом стал Наполеон Бонапарт, вторым – Камбасерес, третьим – Лебрён. При этом, Лебрён стал третьим консулом лишь после того, как на это было получено согласие Камбасереса, а когда Наполеон

покидал Париж (а делал он это постоянно), обязанности первого консула выполнялись... понятное дело, Камбасересом.

Так, например, Камбасерес фактически управлял страной с 6 мая по 2 июля 1800 года, затем с 8 по 27 января 1802 года, с 29 октября по 14 ноября 1802 года, с 25 июня по 11 августа 1803 года, с 3 по 18 ноября 1803 года, с 30 декабря 1803 года по 6 января 1804 года, с 18 июля по 12 октября 1804 года.

Наконец, настало время, когда Камбасерес мог открыто управлять страной по своему усмотрению и не подстраиваясь под различные политические течения, как это было при Директории.

В 1802 году Камбасерес, оказывавший решающее влияние на сенат, сыграл очень важную роль в провозглашении Наполеона пожизненным консулом. А всего через два года Наполеон стал императором французов с правом наследования. С установлением Империи Камбасерес был назначен архиканцлером, то есть высшим при дворе должностным лицом, в обязанности которого входило изготовление всевозможных государственных актов (соответственно, он же стал хранителем государственной печати). Фактически Камбасерес стал вторым человеком в империи. Он не любил быть на первых ролях, роль «серого кардинала» всегда привлекала его гораздо больше.

А в августе 1800 года Наполеоном была учреждена подготовительная комиссия, которой предписывалось реализовать проект Гражданского кодекса. В комиссию были назначены такие видные юристы Франции, как председатель Кассационного суда Франсуа-Дени Тронше, правительственный комиссар при том же суде Феликс-Жюльен-Жан Биго де Преамно, а также члены Совета старейшин Жан-Этьен Порталис и Жак де Мальвилль, который стал ученым секретарем комиссии.

Упорно работая, они успели составить Гражданский кодекс в четыре месяца: работа была закончена к 21 января 1801 года. Потом пошли обсуждения отдельных статей, а затем в течение одного года, с марта 1803 по март 1804 г., все статьи Гражданского кодекса были вотированы и по мере принятия обнародованы. Последний закон, изданный 30 вантаза XII года (21 марта 1804 года), окончательно объединил их в один Кодекс.

В целом, проект Кодекса более ста раз обсуждался только в Государственном совете, и на почти половине заседаний, посвященных этому обсуждению, председательствовал именно Камбасерес.

В конечном итоге Гражданский кодекс был принят 21 марта 1804 года. Это, как говорится, факт, который никто и не собирается оспаривать. Парадоксально другое – Кодекс до сих пор называется Кодексом Наполеона, хотя он в огромной степени является многолетним трудом Камбасереса – этого «серого кардинала» Наполеона, имя которого почти не известно российскому читателю.

Жан-Жак-Режи де Камбасерес

Биограф Камбасереса Лоранс Шатель де Брансьон по этому поводу пишет: «Камбасерес остается главной движущей силой этого произведения, он контролировал его выработку с особым вниманием. При этом он знал, что не удостоится за это почестей. Но ведь у него их уже было столько!»

Как известно, Конвент имел в своем составе комитет по законодательству, и его председателем был Жан-Жак-Режи де Камбасерес. Комитету задолго до Наполеона была поручена разработка проекта Гражданского кодекса, и, естественно, работу эту возглавил Камбасерес.

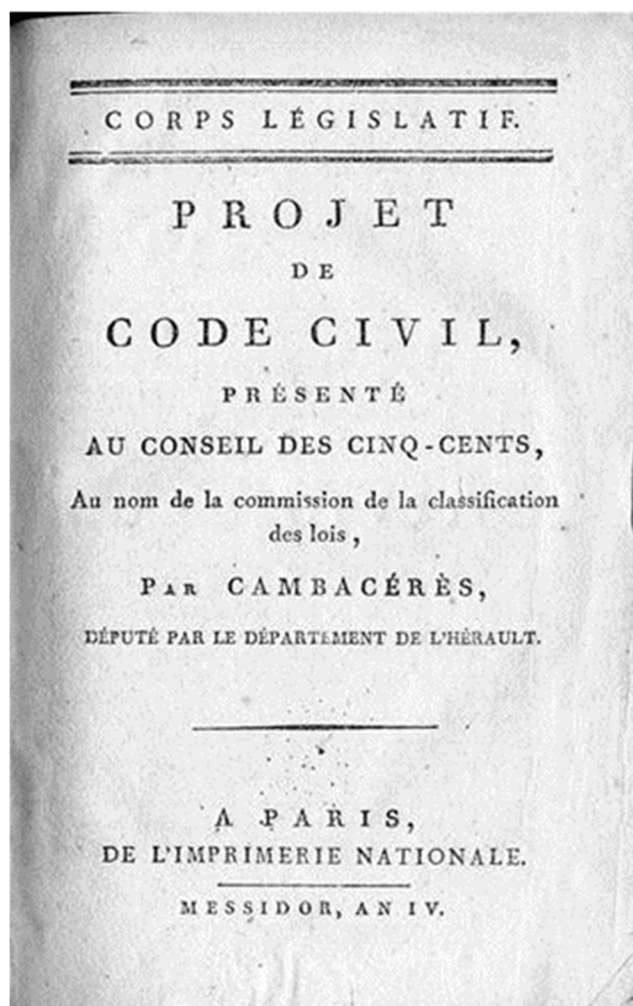
Первый проект кодекса, состоявший из 695 статей, был представлен Камбасересом 9 августа 1793 года (Наполеон в это время был простым майором, в очередной раз находился на Корсике и даже еще не успел отличиться под Тулоном).

С 22 августа начались дискуссии по первому проекту, и в них принимали участие ведущие юристы Франции. В результате проект был возвращен на доработку.

Второй проект, состоявший уже из 287 статей, был представлен Камбасересом 9 сентября 1794 года. Он в тот день поднялся на трибуну и лично защищал свое детище. По свидетельствам очевидцев этого, его тон изменился: «юридическая наука в проекте заменила философскую мягкость». В результате, Конвент довольно быстро одобрил первые девять статей. Но потом опять начались проблемы, и проект вновь был возвращен на доработку.

Третий проект Кодекса был представлен Камбасересом в июне 1796 года. На этот раз это был проект, разбитый на 1104 статей и разделенный на три части.

26 августа 1796 года Камбасерес в очередной раз поднялся на трибуну, чтобы отстоять свой проект Гражданского кодекса.

Проект Гражданского кодекса Камбасереса 1796 года

Консерваторы из Совета пятисот (нижней палаты парламента) вновь атаковали Камбасереса, и так продолжалось до конца января 1797 года. Потом все вроде бы успокоилось, но 26 февраля ряд депутатов вновь

предложили вернуться к проекту Камбасереса. Стало очевидно, что так может продолжаться до бесконечности.

Уже в 1800 году Наполеон вызвал к себе Камбасереса и сказал:

– Вы подготовили несколько проектов кодекса. Не кажется ли вам, что было бы полезно объединить их и представить Законодательному корпусу такой вариант, который был бы достоин нашего времени и нашего правительства?

Второй консул показал Наполеону все три своих проекта. Охваченный энтузиазмом, Наполеон предложил создать специальную комиссию по срочной доработке кодекса. При этом он обратился к Камбасересу:

– Назовите мне людей, которые были бы способны выполнить эту работу.

Именно таким образом 12 августа 1800 года была создана упомянутая комиссия, в которую вошли Тронше, Порталис, Мальвилль и Биге де Преамно.

Спешная работа комиссии, как мы уже говорили, была закончена к 21 января 1801 года. Потом начались обсуждения проекта Кодекса в Государственном совете. Первое пленарное заседание по этому вопросу было проведено 17 июля 1801 года. Всего по этому вопросу было 107 заседаний Государственного совета, и на 52 из них председательствовал Камбасерес.

В конечном итоге Гражданский кодекс, состоявший из 2281 статьи, разбитых на четыре части, был окончательно принят 21 марта 1804 года.

Какова же роль непосредственно Наполеона в создании Гражданского кодекса?

Некоторые историки утверждают, что он был «весьма одаренным законоведом», что он «от природы хорошо владел всеми методологическими приемами, необходимыми для юриста». Уже упоминавшийся нами С. В. Боботов, в частности, пишет: «Обладая превосходными математическими способностями и склонностью к логическому анализу, Наполеон быстро овладел и юридической техникой, что дало ему некоторые преимущества в диспутах со своими коллегами по Государственному совету. Почтенные старцы французской юридической элиты были поражены тем, что первый консул цитировал наизусть римские дигесты и воспроизводил по памяти статьи из Декларации прав человека и гражданина».

Он же к этому добавляет: «В вопросах юридической техники Бонапарт ни в чем не уступал своим коллегам; он свободно и уверенно обращался с такими терминами, как: недействительность, ничтожность, неизвестное отсутствие, обман, принуждение, заблуждение, собственность, плодопользование (узуфрукт), ипотека, контракт, обязательство, оспоримость купли-продажи вследствие чрезмерной ее убыточности (*laesio enormis*)».

Конечно, это явное преувеличение. Наполеон действительно участвовал в обсуждении Кодекса, но его интерес вызывали не узурфрукт, ипотека и оспоримость купли-продажи, а в основном вопросы, которые были близки ему лично. В частности, уже тогда Наполеон, прекрасно знавший об изменах своей жены Жозефины, очень интересовался проблемами развода, и он несколько раз, как свидетельствуют очевидцы, задавал вопросы относительно того, в какой мере оставление одним из супругов другого может послужить поводом к разводу. Граф Буле де ля Мёрт, один из членов Государственного совета, возглавлявший с 4 января 1800 года его законодательную секцию, заметил, что ввиду трудности определить, что представляет собой «оставление», лучше этот повод отдельно не выделять. Он сказал, что этот повод входит составной частью в другие законные поводы для развода, например перекрывается понятием безвестного отсутствия. Наполеон не согласился с этой точкой зрения и настаивал на выделении «оставления» как особого повода на том основании, что понятия «отсутствие» (absence) и оставление (abandon) различны по своей сути.

Совершенно очевидно, что Наполеон не понимал и не мог понимать очень многих юридических тонкостей и нюансов. Поначалу он с его стремительными манерами и военными привычками даже хотел весь Кодекс свести к ограниченному числу простых, ясных и общепонятных правил, которыми граждане могли бы без труда руководствоваться в своем поведении.

Много позже, уже на острове Святой Елены, он говорил об этом своему секретарю Лас-Казу:

– Сначала я думал, что можно свести законы к простым геометрическим теоремам, так чтобы каждый мог бы их прочесть.

Потом он все же одумался, и Лас-Каз приводит такую его фразу:

– С тех пор, как я стал слушать прения по обсуждению Кодекса, я часто замечал, что чересчур большая простота в законодательстве лишь вредит.

В самом деле, Наполеон был убежденным противником всяких комментариев к законам. Он считал их главной причиной неясности и запутанности, что обычно обнаруживается в процессе их применения. Наполеон любил, чтобы все было просто и понятно. К сожалению, подобный подход явно непрофессионален, ибо ни функциональность, ни простота сами по себе вовсе не гарантируют высокого качества закона и его исполнения. Все зависит совсем от другого. Не даром же еще король Фридрих Вильгельм говорил, что «дурные законы в хороших руках исполнителей – хороши, а самые лучшие законы в руках дурных исполнителей – вредны».

И все же, можно ли называть именно Наполеона создателем Гражданского кодекса?

Если быть честным до конца, следует признать, что автором Кодекса был Камбасерес, юрист очень высокого уровня, который проделал большую часть работы. Наполеона же, ставшего первым консулом, можно называть, пожалуй, лишь инициатором возвращения к обсуждению Кодекса и главным «мотором» его принятия.

Кстати сказать, роль Камбасереса признается многими. Например, в «Новой биографии современников», изданной в Париже в 1822 году, читаем: «Общепризнано, что Камбасерес проделал большую часть работы по подготовке Гражданского кодекса, будь то в самом начале, будь то позже, и все предложения, шедшие при обсуждении каждого из вариантов, шли полностью от него. В конечном итоге, ему же было поручено пересмотреть все предложенные законы и объединить их в Кодекс».

Там же сказано: «Будучи консулом или архиканцлером, Камбасерес всегда служил Наполеону с рвением и преданностью; он принял участие почти во всех действиях правительства, особенно в том, что касалось внутренней администрации. Если Наполеон и не всегда следовал его советам, он, по крайней мере, не сомневался ни в искренности, ни в способностях того, кто их давал, и в течение четырнадцати лет доверие, которое ему оказывал император, не претерпело ни малейшего ущерба».

То есть, по сути, именно Камбасерес является одним из главных изготовителей так называемого Кодекса Наполеона. А что же Наполеон? Историк Жан-Луи Альперен подробно изучил процесс создания Кодекса, и вот что он по этому поводу пишет: «Вот уже несколько десятилетий, особенно в первой половине XX века, историки интересуются вопросом личного участия Бонапарта в работах по подготовке Гражданского кодекса. Исходя из того факта, что первый консул председательствовал на 55 из 107 заседаний Государственного совета, посвященных обсуждению проекта Кодекса, а также из того, что он много раз участвовал в дискуссиях – а об этом говорят воспоминания многих очевидцев, – исследователи постарались измерить роль Бонапарта в принятии Гражданского кодекса. Его дискуссии велись в основном по вопросам развода и усыновления, к которым будущий император имел личный интерес».

В конечном итоге Жан-Луи Альперен утверждает: «Нет сомнения в том, что Наполеон не является автором Гражданского кодекса. Он не был законодателем <...> Бонапарт также не является и редактором статей, входящих в Кодекс».

Относительно роли Камбасереса этот французский историк делает следующий вывод: «Примерно 200 статей Кодекса 1804 года уже содержались, порой слово в слово, в третьем варианте проекта Камбасереса, представленном в 1796 году». К этому он добавляет: «Тронше, Порталис, Мальвилль и Биге де Преамно лишь использовали многочисленные наработки Камбасереса».

О военном гении Наполеона

Многие считают Наполеона Бонапарта величайшим полководцем всех времен и народов, однако этот человек не раз терпел поражения, а дважды вообще бежал, бросая свои армии на произвол судьбы. Одним из таких, по сути, позорных побегов был его спешный отъезд в 1799 году из Египта, о котором говорилось выше, второй раз он бросил свою разбитую армию уже в России, в 1812 году.

Любому другому «герою» за подобные «подвиги» светил бы трибунал. Но только не Наполеону! И, что удивительно, всегда находились те, кто готов был оправдать его и за это. Вот, например, слова Д. С. Мережковского: «Что такое генерал, покидающий армию, бегущий с поля сражения? Дезертир. Но надо было сделать выбор: изменить армии или Франции. Он шел, куда звала его судьба».

Бегство Наполеона из России

Вот, оказывается, как! Наполеон не позорно бежал, он шел туда, куда звала его судьба...

Интересно, а что думали по этому поводу брошенные им солдаты и офицеры?

Свидетельств тут не так много, ибо подавляющее большинство брошенных погибли: кто-то в бою, кто-то от болезни...

Вот как отзывался о Наполеоне герой сражения при Жемаппе генерал Дюмурье:

«Если судить Буонапарте по его успехам, то это великий человек. Но если отбросить от его успехов все то, чем он обязан фортуне, то это лишь удачливый авантюрист, вся военная и политическая деятельность которого дезорганизована, эксцентрична и безрассудна, комбинации которого ошибочны и неосмотрительны и должны были с самого начала привести к самым роковым результатам».

Я не думаю, что Франция когда-либо знала лучший порядок, нежели тот, каковой был при мне.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

На самом деле военная карьера Наполеона – это удивительный парадокс. Его гениальность в тактике была потрясающей, и если судить исключительно по ней, то Наполеона, скорее всего, можно считать величайшим полководцем всех времен и народов. Но он начинал свою стремительную карьеру как революционный каратель, и он, получив образование артиллериста, был слабым стратегом. То есть выиграть сражение, даже самое безнадежное, он мог, а вот просчитать итог большой кампании ему было не под силу. Это доказали Египет, Испания, Португалия, Россия и его знаменитые «Сто дней», закончившиеся поражением при Ватерлоо.

В области большой стратегии Наполеон был склонен совершать грубые ошибки, а разве способность избегать приводящих к катастрофе ошибок не является одним из критериев гениальности полководца? Вот, например, армии величайших полководцев Чингисхана, Тамерлана и Александра Македонского никогда не терпели поражений. Не потерпел ни одного поражения и А. В. Суворов. М. И. Кутузов, при всем уважении, и рядом с ним в этом смысле не стоит.

А что же Наполеон? Как ни значителен был его военный талант, именно он привел Францию к катастрофе – военной, экономической, демографической. И все его зарубежные завоевания оказались недолговечными.

Да, выше всего в личности Наполеона стоят его характер, энергия и несокрушимая сила воли. Эти качества проявлялись у Наполеона в высшей степени именно в те минуты, когда обыкновенные люди обычно теряют голову. Но где-то с 1809 года (считается, что после развода с любимой Жозефиной) уже начал проявляться некоторый упадок в полководческом гении Наполеона. Избалованный постоянными успехами, он временами стал терять чувство меры при оценке событий и людей. Сказались тут и физическое переутомление, и проблемы со здоровьем. Наполеон просто не мог сам присутствовать везде, а всех людей в своем окружении, кто мог сравниться с ним, он устранил. Но – самое главное заключалось в другом. Самое главное – это то, что в

Наполеоне постоянно шло раздвоение личности на «полководца» и «императора». Когда «полководец» на поле боя склонял его к смелым решениям, государственные интересы требовали избегать чрезмерного риска. И «император» все чаще побеждал, и один за другим пошли пропуски благоприятных минут. Тех самых минут, того самого Случая, который Наполеон не упускал под Тулоном, в Италии и при Аустерлице.

Случай – вот единственный законный повелитель во всей вселенной.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ

Да, Наполеон в своей жизни добился очень многого, но в 1812 году в России его разбили. И он в очередной раз бросил остатки своей армии на произвол судьбы, а сам позорно бежал. И слово «Березина» стало во французском языке обозначать страшную катастрофу, бедствие, полный крах, провал.

Из 600 000 человек, которые вошли в Россию, только примерно 100 000 вернулись во Францию. Разгром был полным.

ЛЮСЬЕН БЕЛИ

французский историк

Разгром Наполеона в России вызвал рост антифранцузских настроений в Европе. Как следствие, Наполеон потерпел ряд поражений и в 1813 году, а уже весной 1814 года «величайший полководец всех времен и народов» был вынужден сдаться на милость победителей. Союзные войска вступили в Париж, Наполеон отрекся от престола, и его сослали на остров Эльба в Средиземном море.

* * *

Эти события не прошли для Европы бесследно. После устранения Наполеона европейские государства задумались об устойчивом и прочном мире. Однако нужны были гарантии, надежно фиксирующие новый мировой порядок и позволяющие избежать новых военных столкновений. И вот среди лидеров европейских государств назрела идея созыва общеевропейского конгресса, где можно было бы обсудить проблемы послевоенного урегулирования в Европе, освободившейся от многолетнего владычества Наполеона. Казалось бы, все должна была решить «большая четверка», то есть Россия, Австрия, Пруссия и Англия. Но на практике все оказалось далеко не так просто...

Интриги Венского конгресса

В апреле 1814 года Наполеон отрекся от престола, а в мае было подписано мирное соглашение, согласно которому Франция вернулась в свои границы начала 1792 года. Таким образом, у нее не осталось ни республиканских завоеваний, ни имперских.

А потом в Вене собрались представители от всех европейских государств, чтобы дополнить постановления Парижского мира и привести Европу в тот вид, из которого она была выведена сначала кровавой французской революцией, а потом амбициозным императором французов.

Осенью 1814 года красавица Вена, не забывшая еще грохота наполеоновских пушек и стука башмаков марширующих по ее улицам французских солдат, пышно встретила представителей России, Пруссии, Англии и других стран, в чьих руках теперь находились судьба мира, торжество добра и справедливости и урегулирование всех европейских проблем.

Никогда еще в одном городе не собиралось столько венценосных особ! Тут были два императора, две императрицы, пять королей, одна королева, два наследных принца, три великих герцогини, три принца крови, 215 глав княжеских домов... Если прибавить к ним придворных, генералов, дипломатов, советников, секретарей, законных жен и вездесущих любовниц, шпионов и шпионок разного калибра, то всего, можно сказать, в Венском конгрессе принимало участие до семисот делегатов плюс около ста тысяч гостей.

Таким образом, Вена на время стала настоящим центром всего цивилизованного мира.

Гостеприимный австрийский император Франц не пожалел денег для того, чтобы придать конгрессу самый праздничный, самый торжественный вид. Придворные балы, маскарады, фейерверки, охота, маневры и смотры войскам – все это беспрестанно сменялось одно другим.

Конечно же, в этом «бомонде Европы» великие державы стояли особняком.

Россию в Вене представляли император Александр, канцлер К. В. Нессельроде и граф А. К. Разумовский, сын последнего гетмана Украины, много лет живший в австрийской столице и принявший католичество под влиянием жены, графини фон Тюргейм.

Со стороны Австрии был, конечно же, император Франц, человек по-своему честный и мужественный, но находившийся под полным влиянием своего канцлера – князя Клемента-Венцеля-Лотара фон Меттерниха, суждениям которого он доверял больше, чем своим собственным.

От Пруссии «выступали» король Фридрих-Вильгельм III и его канцлер князь Карл-Август фон Гарденберг, от Англии – министр иностранных дел Роберт Стюарт (он же виконт Каслри и маркиз Лондондерри) и фельдмаршал Артур Уэллсли (герцог Веллингтон).

А что же Франция? Талейран там вновь был назначен министром иностранных дел 13 мая 1814 года, и Людовик XVIII отправил его в Вену

на замену графу де Нарбонн-Лара, который был послом Франции в Вене, но умер от тифа в ноябре 1813 года. Однако Людовик XVIII не испытывал особого доверия к Талейрану, а посему приставил к нему двух своих людей – маркиза де Ла Тур дю Пэна и графа Алексиса де Ноая, бывшего адъютанта своего брата, графа д'Артуа. Сопровождал Талейрана в Вену и герцог Эммерих фон Дальберг, баденец, находившийся на службе у Наполеона с 1809 года.

Об этих людях Талейран говорил: «Я беру с собой Дальберга для разглашения секретов, о которых, по моему мнению, должны знать все. Ноай нужен, так как всегда лучше находиться под наблюдением известного шпиона, чем неизвестного. Ла Тур дю Пэн послужит для визирования паспортов, это тоже необходимо».

Впрочем, эти иронические оценки не мешали Талейрану активно использовать своих сотрудников.

Естественно, Венский конгресс поначалу задумывался как согласованное решение «большой четверки», то есть великих держав, победивших Наполеона, однако главная проблема заключалась в том, что их интересы не совпадали. Так, например, Россия и Пруссия уже заключили некий негласный союз, решив настаивать на своих выгодах вместе. Кстати сказать, Александр и Фридрих-Вильгельм демонстрировали всем свое единство еще до начала переговоров. Публицист Фридрих Гентц, секретарь и доверенное лицо при князе фон Меттернихе, написал потом: «Приехав в Вену, император Александр уже был более или менее в ссоре с Австрией, Англией и Францией».

К сожалению, на Венском конгрессе России пришлось столкнуться с противником, оказавшимся гораздо опаснее, чем Наполеон и его армия. Этим противником стала Англия с ее тайной дипломатией. Ее премьер-министр лорд Уильям Питт, яростный ненавистник России, умерший в 1806 году, еще задолго до вступления русских войск в Париж весьма недвусмысленно заметил:

– Если эти византийцы захватят Париж сами, то подчинят себе всю Европу, а мы будем сидеть на одной овсянке!

Теперь «византийцы» захватили Париж и могли диктовать Европе свою волю с позиции силы. Европе это, естественно, не нравилось и провоцировало всевозможные закулисные переговоры, инициаторами которых были князь фон Меттерних и фон Гарденберг.

Талейран прибыл в Вену 23 сентября 1814 года. Неделью его держали на своеобразном «карантине», и только 30 сентября он принял участие в серьезном заседании представителей «большой четверки».

Представитель Людовика XVIII вошел в зал, окинув ироничным взглядом всех присутствовавших. Потом он уселся между представителями Пруссии и Австрии, а последний объявил ему, что государственные

секретари соответствующих стран собрались для согласования текста предварительного соглашения.

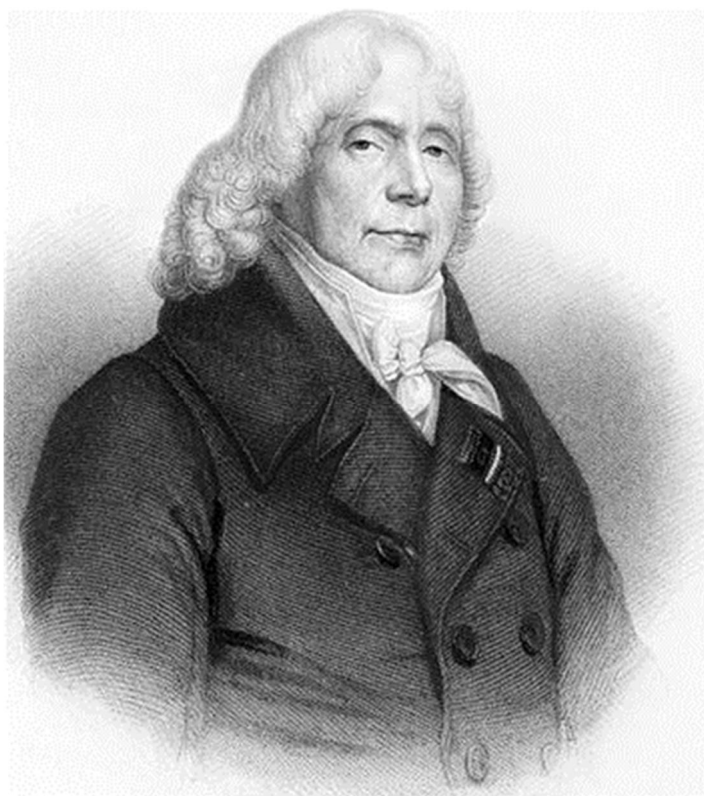
Талейран удивленно поднял правую бровь:

– Государственные секретари?

Потом он указал на двух господ, сидевших перед ним и сказал:

– Но господин де Лабрадор не является таковым и господин фон Гумбольдт тоже.

Князь фон Меттерних принялся объяснять, что маркиз Педро де Лабрадор – это единственный представитель Испании в Вене, а барон фон Гумбольдт сопровождает канцлера фон Гарденберга, который плохо слышит и не может обходиться без помощника. Бедняга фон Гумбольдт тут же доказал это, начав пересказывать прямо в ухо своему 64-летнему начальнику все, что происходит.

Шарль-Морис де Талейран-Перигор

Талейран, бывший, как известно, хромым от рождения, тут же подхватил мысль Меттерниха и заявил:

– Если физическая немощь тут так уважается, то я тоже могу приходить в сопровождении помощников...

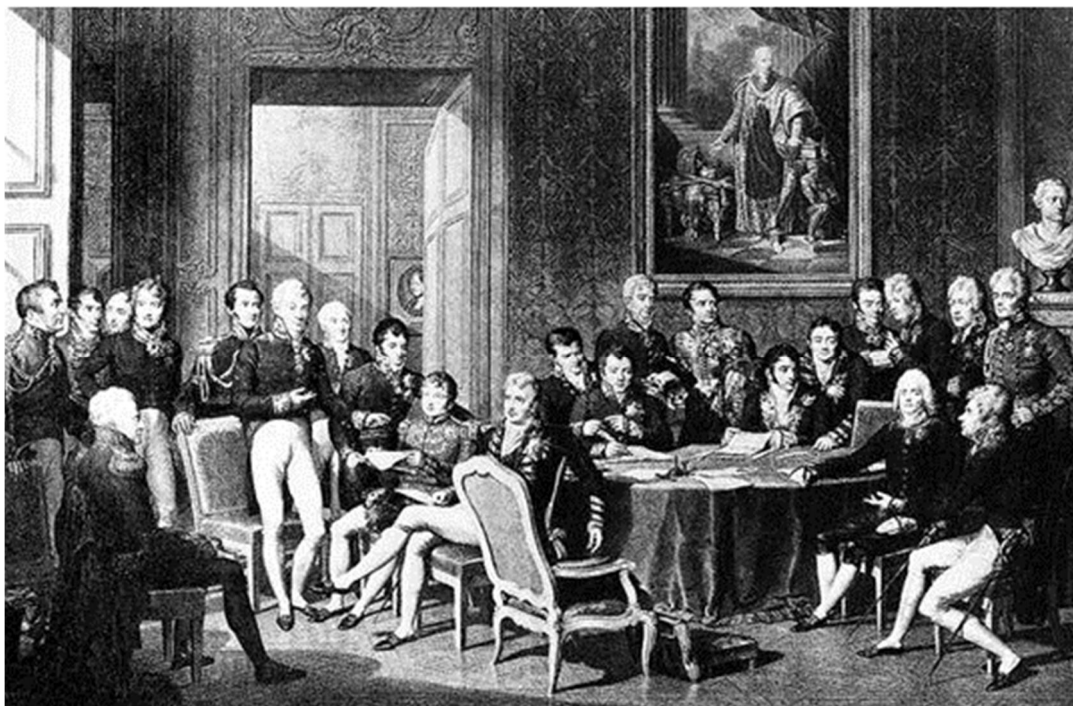
Меттерних открыл заседание, сказав несколько слов о долге, лежащем на конгрессе и заключающемся в том, чтобы укрепить только что

восстановленный в Европе мир. Князь фон Гарденберг добавил, что для прочности мира нужно свято соблюдать взятые на себя обязательства, и что таково намерение союзных держав...

– Союзных держав? – перебил его Талейран. – Но против кого же направлен этот союз? Уж не против ли Наполеона? Но он, если я не ошибаюсь, находится на острове Эльба... Так, может быть, против Франции? Но мир заключен, и французский король служит порукой его прочности. Господа, будем откровенны, если еще имеются союзные державы, то я здесь явно лишний.

Было видно, что слова Талейрана произвели впечатление на присутствовавших. А он вновь заговорил:

– Если бы меня здесь не было, вам бы недоставало меня. Господа, я, может быть, единственный из всех присутствующих, который ничего не требует. Подлинное уважение – это все, что я желаю для Франции. Она достаточно могущественна, благодаря своему богатству, своей протяженности, численности и духу своего населения, единству своей администрации, а также защите, которую природа дала ее границам. Повторяю, я ничего не желаю для нее, но бесконечно много могу дать вам. Присутствие здесь министра Людовика XVIII освящает начала, на которых покоится весь социальный порядок. Основная потребность Европы – это изгнание навсегда мысли о возможности приобретения прав одним завоеванием и восстановление священного принципа легитимности, из которого проистекают порядок и устойчивость. Показав теперь, что Франция мешает вашим совещаниям, вы этим самым сказали бы, что вы не руководствуетесь больше истинными принципами, и что вы отвергаете саму справедливость. Эта мысль далека от меня, так как мы все одинаково понимаем, что только простой и прямой путь достоин той благородной миссии, которую нам предстоит выполнить.

Заседание Венского конгресса. Талейран сидит справа, положив руку на стол. Гарденберг сидит слева. Меттерних стоит шестой слева. Роберт Стюарт (Каспри) сидит в центре, за пустым креслом. Нессельроде стоит, согнувшись, между Меттернихом и Стюартом. Веллингтон стоит крайний слева.

В зале заседаний поднялся шум, но Талейран, как ни в чем не бывало, продолжил:

– Парижский договор гласит: «Все державы, участвовавшие на той и другой стороне в настоящей войне, отправят в Вену полномочных представителей для того, чтобы принять на общем конгрессе постановления, которые должны дополнить предписания Парижского договора». Когда откроется общий конгресс? Когда начнутся его заседания? Эти вопросы ставят все те, кого привели сюда их интересы. Если бы некоторые державы, находящиеся в привилегированном положении, захотели, как об этом уже распространяются слухи, осуществить на конгрессе диктаторскую власть, то я должен сказать следующее: опираясь на условия Парижского договора, я не мог бы согласиться на признание над этим собранием какой-либо высшей власти.

Говорил Талейран почти два часа, и, надо признать, его выступление изменило тональность всей конференции. Во всяком случае, после этого державы-победительницы не устраивали больше совещаний без участия Франции. Более того, Талейран каждый раз вел себя так, как если бы он был министром не побежденной, а победившей страны.

Теперь за столом переговоров сидела уже «большая пятерка», и Франция получила равное право управлять работой конгресса.

Напомним, Наполеон в это время находился в ссылке на средиземноморском острове Эльба. А в это время в Вене «большая четверка», казалось бы, уже договорилась отдать России Польшу, а Пруссии – Саксонию. Но очень скоро в ней наметился раскол.

Безусловно, Талейрану не было особой нужды настраивать Меттерниха против императора Александра: они и так почти не переносили друг друга. В свое время они сильно повздорили по вопросу о судьбе Швейцарии, и вследствие этого в их отношениях «появилась зияющая брешь», которая потом переросла в «открытое противоборство на всех фронтах».

В Вене благородный Меттерних заявил, что его страна ни за что не отдаст Галицию, южный край Польши, и не позволит Польше сделаться марионеткой России. В ответ, говорят, Александр пригрозил ему дуэлью, но поединок, конечно же, не состоялся. После этого они долго не разговаривали друг с другом.

Политика Меттерниха всегда была последовательной и независимой от часто непредсказуемых решений таких людей, как Александр или Наполеон. В этом смысле ему гораздо ближе был Талейран. Тот, в свою очередь, всегда симпатизировал Австрии, а теперь убеждал Меттерниха в том, что Австрии не нужна полностью восстановленная Польша, что поляки никогда не смогут стать полностью независимыми от России и т. д. В том же духе он говорил и о Саксонии.

Талейран писал Меттерниху:

«Как вы можете допустить, чтобы такой давний и достойный сосед, как Саксония, был отдан вашему подлинному врагу?»

Гораздо труднее Талейрану было иметь дело с флегматичным Каслри. Дело в том, что в Лондоне хотели видеть Польшу возрожденной и независимой, и британцев не устраивало то, что она окажется под пятой у России.

Талейран в своих директивах, подготовленных к конгрессу, представлял себе «равновесие сил» в Европе совсем не так. Он писал: «Это может быть только система относительного равновесия. Абсолютное равенство сил между государствами не только невозможно, но и нежелательно для политического баланса и в некотором смысле может навредить. Такой баланс заключается в соотношении между силой сопротивления и силой нападения. Если Европа будет слагаться из государств, соотносящихся между собой таким образом, что минимальная сила сопротивления самых малых из них была бы эквивалентна максимальной силе агрессии самых крупных, тогда мы и имели бы подлинное равновесие сил. Но такой ситуации нет и никогда не будет в Европе. Реальная ситуация допускает лишь искусственный и неустойчивый баланс сил, который

может поддерживаться, лишь когда крупные государства, чтобы сохранить его, руководствуются чувством меры и справедливости».

В конце концов, Каспри согласился с теорией Талейрана, но вот император Александр резко заявил, что русские войска находятся в Польше, что их там много, и если кому-то это не нравится, пусть он попробует выгнать их оттуда.

К концу 1814 года на конгрессе запахло новой войной. И вот тогда-то Талейран выиграл и второй раунд: на этот раз в закулисной борьбе со своими главными оппонентами – Россией и Пруссией. Ему удалось уговорить Меттерниха и Каспри заключить секретный договор об альянсе против России и Пруссии, и 3 января соответствующий документ был подписан. По сути, три страны договорились, что, «если одной из них будет угрожать нападение, другие будут помогать ей мирным, а потом и вооруженным содействием».

Талейран ликовал и в своем секретном донесении Людовику XVIII с гордостью доложил:

«В самых дерзких своих мечтах я не смел обольщать себя надеждой достичь такого оглушительного успеха. Я могу с уверенностью сказать, сир, что коалиция распалась, раз и навсегда. Франция не просто покончила со своей изоляцией в Европе. У Вашего Величества теперь есть федеративная международная система, какую маловероятно создать и за пятьдесят лет переговоров. Франция идет теперь рука об руку с двумя великими державами <...> и скоро сможет объединиться со всеми государствами, придерживающимися принципов и правил поведения, не приемлющих революции. Франция будет стержнем и душой этого союза, формирующегося для защиты принципов, которые она первой и провозгласила. Таким великим и счастливым событием мы обязаны Провидению, возвратившему нам Ваше Величество».

Итак, коалиция была разрушена, и теперь побежденная Франция вышла из международной изоляции и могла оказывать ощутимое давление на «большую четверку». Талейрану в этом деле удалось гениально использовать противоречия между недавними союзниками, которые легко находили общий язык, только пока были связаны друг с другом целью разгромить Наполеона. При этом он проявил блистательное дипломатическое искусство, если не сказать неподражаемую ловкость.

Как пишет биограф Талейрана Дэвид Лодей, «это оказался грандиозный блеф, побудивший пойти на блеф царя Александра и короля Фридриха-Вильгельма, когда они узнали о тайном сговоре. Они вовсе и не собирались развязывать войну из-за Польши и Саксонии». В итоге «подковерная» дипломатия Талейрана дала результат, внезапно открыв двери для всевозможных компромиссов.

А затем все же было достигнуто соглашение по Польше. Она осталась разделенной между Пруссией, Австрией и Россией, которая прибавила к своим польским землям созданное Наполеоном герцогство Варшавское.

Плюс император Александр стал еще и польским королем. Конечно, он не добился всего, чего хотел, но получил достаточно, чтобы удовлетворить свои аппетиты...

Австрия присоединила к себе Тироль и славянские земли Иллирии на Адриатике, восстановила свою гегемонию в Ломбардии, Тоскане, Венеции и Парме. Возросло влияние Австрии и в Южной Италии: конгресс принял секретное решение, по которому австрийская армия могла двинуться на юг, чтобы сместить с неаполитанского трона бывшего наполеоновского маршала Мюрата.

Пруссия тоже не осталась в убытке, получив часть Саксонии, значительную территорию Вестфалии и Рейнской области.

Маленький Люксембург стал независимым, выйдя из-под французского контроля. Дания, бывшая союзница Франции, лишилась Норвегии, которую передали Швеции.

Кроме того, на Венском конгрессе было решено соединить разрозненные части Нидерландов в одно королевство. При этом Голландия поглотила Бельгию, и на престол нового государства был возведен Вильгельм Оранский. Следует отметить, что объединение Голландии и Бельгии закрепило за Англией город Антверпен. Таким образом, виконт Каслри добился поставленной перед ним цели. По сути, это была единственная проблема, которая действительно волновала его в Вене.

А потом наступил 1815 год. Конец января и начало февраля не принесли ничего нового. Конфронтация между участниками конгресса сохранялась, и все практически полностью было погружено в рутину совещаний и развлечений... И тут вдруг грянул гром! В Вену пришла страшная весть: Наполеон бежал с острова Эльба!!!

Наполеон покидает остров Эльба. Худ. Джозеф Бом (1836)

* * *

В марте 1815 года Наполеон бежал с острова Эльба и высадился во Франции. И его надежды не замедлили оправдаться. Везде солдаты присоединялись к нему, и само войско, выступившее против него под начальством маршала Нея, перешло на сторону бывшего императора вместе со своим предводителем. Уже 20 марта Наполеон вступил в Париж и, снова взяв себе императорский сан, поселился в Тюильри. Бурбоны вынуждены были спасаться бегством, однако уже 13 марта собравшиеся в Вене европейские монархи издали декларацию, которой Бонапарт был объявлен лишенным охраны законов, как враг и нарушитель всеобщего спокойствия. Одновременно с этим союзные державы выставили против Наполеона огромную армию, а пока она собиралась, в Нидерланды были стянуты британские и прусские войска под начальством герцога Веллингтона и Блюхера.

Наполеон двинулся через границу Бельгии со 170-тысячным войском и сначала, 15 июня 1815 года, обрушился на Блюхера. После мужественного сопротивления пруссаки принуждены были начать отступление, но отступили они в полном порядке в направлении к Вавру. Затем Наполеон обратился против Веллингтона и атаковал его, 18 июня, при Ватерлоо. Британцы с удивительной стойкостью выдержали нападение.

Задача их состояла в том, чтобы оспаривать у французов победу до той минуты, пока Блюхер не подоспеет к ним на помощь, чтобы затем окончательно вырвать у Наполеона победу. И британцы успешно выполнили эту задачу. Они отбивались от французов, не уступая своих позиций, пока не показались пруссаки.

Наполеон на острове Святой Елены. Худ. Оскар Рекс

Появление Блюхера решило битву: французы бросились бежать, и бегство это повлекло за собой полный распад наполеоновской армии. Сам Наполеон едва избежал плена, но потом все равно был вынужден вторично отречься от престола, что лично для него закончилось ссылкой на далекий остров Святой Елены, затерянный в Атлантическом океане.

* * *

Длительный период почти непрерывных войн, начавшийся еще в 1792 году и охвативший всю Европу, завершился.

После этого перед Европой встала проблема, связанная с предложением российского императора создать Священный Союз – организацию монархических государств для защиты Европы от войн и распространения опасных революционных идей.

Священный Союз – провалившийся вариант европейского равновесия

После окончательной победы над Наполеоном, 8 (20) ноября 1815 года, между союзными державами с Россией во главе и Францией был подписан мирный договор, согласно которому Франция была возвращена

в границы 1790 года, на нее была наложена контрибуция в 700 млн франков, и она была вынуждена согласиться на оккупацию части своей территории армией союзников численностью в 150 000 человек. А что же происходило после этого?

События 1812–1815 гг., по словам русского историка Н. А. Полевого, «были столь огромны, велики, изумительны, что, казалось, Россия пережила в сии годы столетия. Вся политика Европы, вся история ее изменилась. Россия стала первой державой». А вот Франция «упала с высоты величия и увидела дряхлого потомка Бурбонов на престоле, отданном ему великодушием императора Александра».

Что касается Наполеона, то он тихо скончался на далеком острове Святой Елены 23 апреля (5 мая) 1821 года. Бывшие генералы и маршалы Наполеона дряхлели в бездействии или скитались в изгнании. Мать, братья и сестры Наполеона прятались в разных местах Европы и Америки. Но вот установился ли мир? Укротились ли страсти? Настало ли благоденствие, о котором так мечтал император Александр I?

Без сомнения, оно настало и продолжилось некоторое время. Россия, вышедшая победительницей из великой борьбы, продолжавшейся более десяти лет, поставленная на ступень первой европейской державы и примирившая Европу, укрепила свои северные границы Финляндией, южные – Бессарабией, завладела царством Польским и Белостокской областью, а потом утвердила за собой Грузию, Менгрелию, Имеретию, Карабах, Ширвань, Дагестан, ханства Бакинское и Талышское, поставив границей течение Куры и Аракса.

Военный историк генерал М. И. Богданович отмечает:

«В эпоху заключения второго Парижского мира император Александр стоял во главе Европы, Ахилл в боях, Агамемнон в советах царей, он прикрыл щитом своим побежденную им Францию, умел возбудить преданность к себе в холодном, расчетливом императоре Франце и готовился скрепить сердечный союз с королем Фридрихом-Вильгельмом родственной связью, упрочившей надолго братство двух великих народов. Горячо любимый своими подданными, вместе с ним отстоявшими независимость Европы, Александр был еще во цвете лет и, казалось, был предназначен для многолетнего счастливого господства над возвеличенной им Россией».

Первая встреча австрийского императора с императором России и королем Пруссии около Праги 18 августа 1813 года

Да, Россия после победоносной войны стала арбитром мира для всего света. После 1815 года она заняла царственную роль в Европе. Россию славил как спасительницу, ее боялись и уважали. И вообще, можно утверждать, что мир после 1815 года стал совершенно не похож на мир не только середины, но даже самого конца XVIII столетия.

В декабре 1815 года был обнародован договор о создании Священного Союза (в него вошли Россия, Пруссия и Австрия), образованного с целью поддержания установленного на Венском конгрессе международного порядка. К нему потом постепенно присоединились все монархи континентальной Европы, кроме римского папы и турецкого султана.

По словам самого императора Александра, первоначальная идея Священного Союза – этого христианского братства народов – была внушена ему свыше. В 1818 году, беседуя с лютеранским епископом Эйлертом, он сказал:

– В 1813 году, когда мы, несмотря на усилия и мужество наших войск, под Лютценом, Бауценом и Дрезденом были принуждены отступать, тогда мы, король ваш и я, сознали, что только лишь рука Всевышнего могла бы спасти Германию. Случилось однажды – мы шли с королем рука об руку, одни без всякой свиты, погруженные в думу о смутной будущности. Внезапно, возлюбленный друг мой, прервав молчание,

сказал мне: «Станем продолжать борьбу, призвав Бога в помощь, и когда Всевышний благословит наши усилия, сознаемся перед лицом всего света, что ему лишь одному мы обязаны успехом». Мы дали в том слово друг другу. Вскоре за тем последовали победы. Когда же, наконец, мы вступили в Париж, король ваш напомнил мне о нашем намерении, и тогда же благородный император Франц, сочувствуя нашим видам и убеждениям, изъявил желание участвовать в них. Таким образом, мысль о Священном Союзе, возникшая в годину скорби и уныния, была приведена в исполнение под влиянием радостного восторга и признательности, и наш Союз, есть дело Божие. Сам Искупитель внушил нам мысль и правила нами объявленные. Кто не признает того и находит в таком святом деле скрытые виды, затаенные политические цели, не должен быть членом нашего Союза.

Плюс ряд родственных союзов соединил тогда семейство Александра с домами государей, уже связанных с ним дружбой. Например, первый супруг Великой княгини Екатерины Павловны, принц Ольденбургский, скончался в 1812 году, и в январе 1815 года она вступила во второй брак с наследником Вюртембергского королевства, принцем Фридрихом-Вильгельмом, в октябре 1811 года, по кончине отца своего, вступившим на престол Вюртембергский. В феврале 1816 года праздновали бракосочетание наследника Нидерландского престола, принца Вильгельма-Фридриха Оранского, с Великой княжной Анной Павловной. А в июне 1817 года в Санкт-Петербурге Великий князь Николай Павлович был обручен с юной принцессой Фридерикой-Луизой-Шарлоттой-Вильгельминой Прусской, по принятии православного вероисповедания нареченной Александрой Федоровной.

Генерал М. И. Богданович свидетельствует:

«Очевидцы возвращения государя из-за границы в 1815 году пишут, что все нашли в нем большую перемену: он сделался самоуверенным и несравненно более строгим <...> По возвращении государя из-за границы последовали многие перемены в сфере высшего управления».

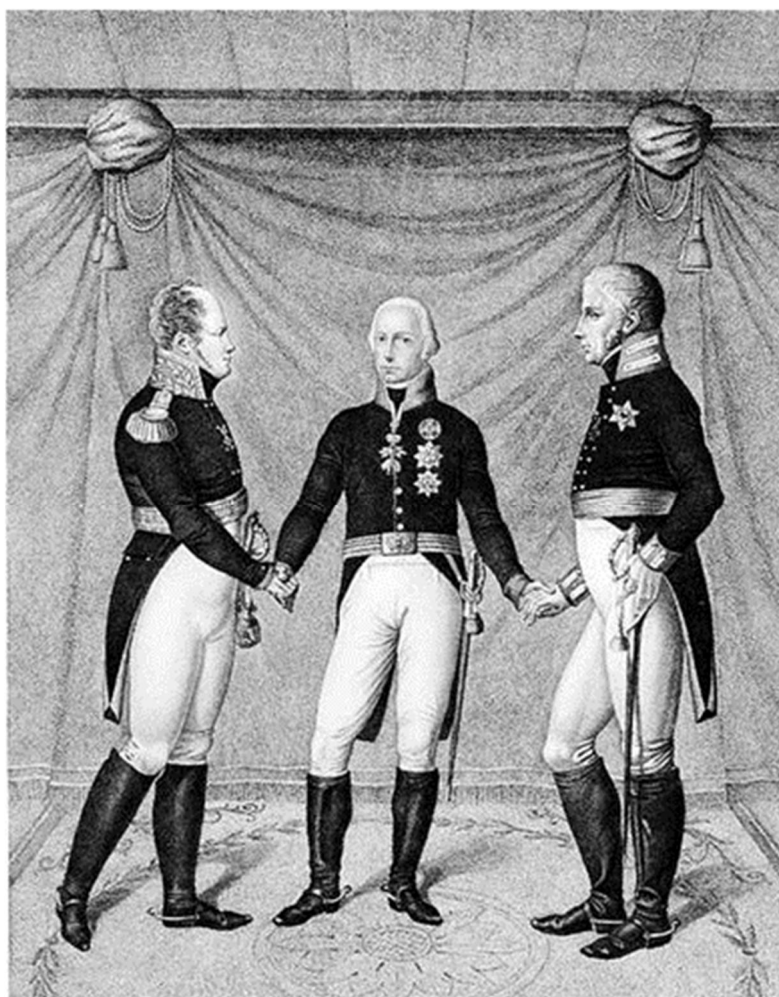
С 1816 года император начал путешествия по России, обзорева войска и изучая потребности, быт и нравы своего народа. В циркулярной ноте графа К. В. Нессельроде к резидентам иностранных дворов в Санкт-Петербурге было сказано, что «император отправился для обозрения губерний, наиболее потерпевших от войны, чтобы ускорить своим присутствием исполнение сделанных распоряжений». Эти его путешествия прерывались поездками за границу, где внимание его устремлялось на охрану благоденствия чужих народов во исполнение обязанностей, принятых по Священному Союзу.

В августе 1816 года Александр впервые после пожара 1812 года посетил Москву и увидел ее, восставшей из пепла. Надо сказать, что за четыре года Москва предстала в новой красе, засверкала золотыми главами церквей и обновленным Кремлем. Общественная деятельность быстро

оживила Москву: развивалась торговля, пришли «в величайшее движение» капиталы. Никогда Москва не была, как пишет Н.А. Полевой, «так шумна, деятельна, никогда так беспечно не веселилась, и император Александр, оценивая великий подвиг древней столицы, обещал наградить ее своим более продолжительным присутствием».

Потом Александр поехал в Тверь, затем – перебрался в Варшаву, возвратился в Санкт-Петербург, а в августе 1817 года объехал Белоруссию и часть южной России. В октябре его вторично встретила Москва, приветствуя вместе с ним все императорское семейство.

Что касается внешней политики, то император Александр согласился на очищение Франции от союзных войск. Деятельность взойшедшего на трон Людовика XVIII устраивала Европу, а удаление врагов из Франции, льстя честолюбию французов, придавало новые силы этому королю. Союзные войска окончательно оставили Францию в ноябре 1818 года. При этом Александр хотел увидеться с Людовиком XVIII, и для этого он неожиданно прибыл в Париж, но в тот же день отправился обратно в Аахен, откуда поехал в Брюссель, а потом возвратился в Санкт-Петербург.

Священный Союз (слева направо: император Александр, австрийский император Франц и король Пруссии Фридрих-Вильгельм)

Его союзник Жан-Батист Бернадотт, бывший наполеоновский маршал, воцарился тогда в Швеции, после кончины короля Карла XIII (тот умер в Стокгольме 5 февраля 1818 года), приняв имя Карла XIV.

В 1819 году император Александр осмотрел Финляндию до Торнео и через Олонецкую губернию проехал в Архангельск. Осенью он вновь посетил Варшаву.

Но спокойствие мира, установленного Александром, оказалось непродолжительным.

Генерал М. И. Богданович по этому поводу пишет:

«К сожалению, Священный Союз, вместо благонамеренной, хотя мистической и несколько сентиментальной цели императора Александра, сделался орудием издревле усвоенной австрийским правительством системы, противной всякому прогрессу. Обстоятельства, в которых тогда находилась Европа, тому способствовали, а Меттерних, пользуясь ими, успел вкратце в доверенность императора Александра и вовлечь его в предприятия совершенно противные прежним убеждениям нашего государя».

А тем временем волнения в Европе приняли вид, озаболивший внимание монархов. 1820 год стал временем мятежей, угрожавших всеобщему спокойствию Европы. Строгость короля Фердинанда VII Бурбона совершенно раздражала оппозицию. Испания вела в то время разорительную войну со своими владениями в Северной и Южной Америке, а в 1820 году вспыхнул бунт уже в самой Испании. Там началась гражданская война, в ходе которой военные во главе с Рафаэлем дель Риго и Нуњесом потребовали от короля соблюдения конституции 1812 года. Восстание было подавлено с помощью французской армии, а Риго повешен, несмотря на ранее объявленную королем всеобщую амнистию. При этом испанские оппозиционеры подали руку мятежникам американским. Португалия последовала примеру Испании. Бразилия, по образцу Перу, Чили, Мексики и Венесуэлы, восстала; король Жуан VI из династии Браганса передал регентство сыну своему Педру, а сам отправился в Португалию.

Еще сильнее вспыхнула страсть реформ в Италии, где в Неаполе, Палермо и Турине начались бунты и возмущения.

Смерть в январе 1820 года короля Георга III, восшествие на английский престол Георга IV и процесс королевы Каролины, супруги его (по обвинениям в супружеской измене), явились поводом к новым

смятением в Англии. Каролина умерла 7 августа 1821 года, выпив бокал лимонада, который, по слухам, был отравленным.

Францию ужаснуло тогда убийство герцога Беррийского (сына графа д'Артуа, брата короля), которого ударил ножом ремесленник Пьер-Луи Лувель. Последний рассчитывал, что, убив герцога Беррийского, он пресечет род Бурбонов, так как старший сын графа д'Артуа, герцог Ангулемский, был бездетен. Через неделю после убийства ультрароялисты заставили короля дать отставку своему фавориту, и 20 февраля 1820 года пало министерство Эли Деказа, а его сменил более жесткий Арман-Эммануэль де Ришелье (прапраправнучатый племянник знаменитого кардинала), который тут же отменил все так называемые либеральные законы, а всех «подозрительных» подверг аресту.

В Германии также усилились волнения, и смерть Августа-Фридриха фон Коцебу, подозревавшегося в шпионаже в пользу России и павшего от кинжала Карла-Людвига Занда, показала, до чего может дойти накал страстей.

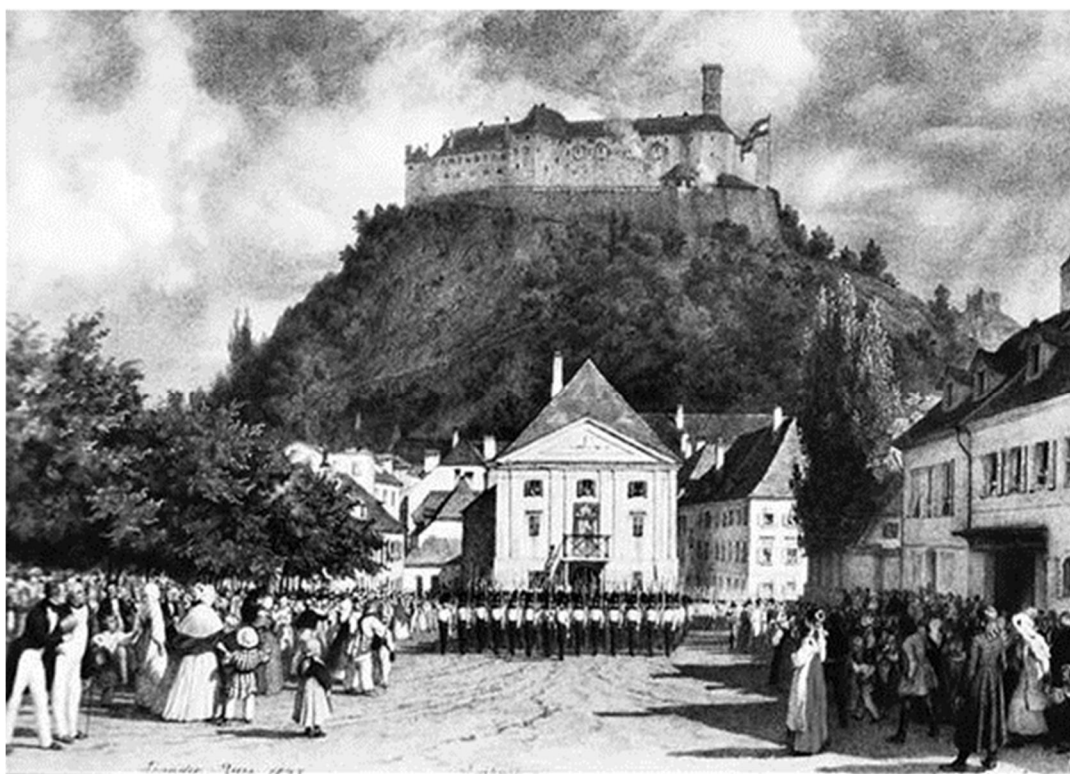
Наконец, восстание Али, паши Янинского (Албанского), сына местного бея и одной из его жен, не имевшего наследства и занимавшегося разбоем, дало возможность Греции потребовать независимости от Турции. В ответ турецкая армия вступила в Албанию и в 1820 году осадила Янину. Осада продолжалась почти год и закончилась капитуляцией города. Али-паша скрылся в христианском монастыре на одном из островов, где его и убили люди султана. Потом его голова в течение трех дней была выставлена на площади в Стамбуле.

Император Александр считал необходимым положить конец бедствиям народов. В 1820 году он продолжал свои путешествия по России, осмотрел несколько губерний средней полосы, а потом отправился в Троппау (современная Опава в Чехии), где собрались также император Австрии Франц I и король Пруссии Фридрих-Вильгельм III.

Конгресс в Троппау начался 11 (23) октября 1820 года, и на нем, помимо трех монархов, присутствовали оба российских статс-секретаря (К. В. Нессельроде и Иоанн Каподистрия), канцлеры Австрии и Пруссии (Меттерних и Гарденберг), а также другие дипломаты разных рангов. Главным вопросом повестки дня была выработка мер по подавлению революционных выступлений в Европе. В ходе конгресса Россия, Австрия и Пруссия подписали протокол о праве вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств и дополнение к нему, касавшееся мер по подавлению революции в Неаполитанском королевстве. Фактически этот протокол санкционировал военную оккупацию Австрией Неаполитанского королевства. Однако, по настоянию Александра I, протокол обеспечил сохранение территориальной целостности королевства и возможность для неаполитанского короля Фердинанда даровать своему народу

конституцию. Этой возможностью король пренебрег. Более того, он сам попросил участников конгресса направить австрийские войска в Италию.

В результате Австрия получила разрешение послать в *Неаполь* 50-тысячную армию, а Россия могла в случае нужды прислать туда свои подкрепления. Посланники Сардинии, Рима, Тосканы и Модены выразили на это свое согласие, а на многократный протест Англии и Франции не было обращено ни малейшего внимания, и они тоже признали право Священного Союза на вмешательство в итальянские дела.

Парад австрийских войск в Лайбахе. Худ. Леандер Русс (1845)

А продолжился конгресс уже в Лайбахе (современная Любляна, столица Словении). Там он начался 11 (23) января 1821 года. Официальное закрытие заседаний состоялось 14 (26) февраля, но фактически участники конгресса оставались в Лайбахе до 30 апреля (12 мая), следя за действиями австрийских войск в Пьемонте.

В феврале 1821 года австрийские войска выступили против революционного Неаполя, и в марте власть Бурбонов была восстановлена. В апреле была подавлена революция в Пьемонте, вспыхнувшая в марте 1821 года, а 30 апреля (12 мая) того же года Австрия, Пруссия и Россия подписали декларацию о продлении оккупации Неаполя и Пьемонта австрийскими войсками.

Европейский ареопаг специально не обсуждал вопрос о мерах для подавления революций в Испании и Португалии, однако Россия, Австрия и Франция высказали идею о необходимости вмешательства во внутренние дела Пиренейского полуострова.

После этого, в мае 1821 года, Александр I возвратился в Санкт-Петербург.

В это время Меттерних, ставший государственным канцлером Австрийской империи, пытался представить Александру дело так, будто и в России уже начинается нечто, подобное событиям в Испании и в Неаполе. И это побудило российского императора отказаться от своего «серьезного расположения вступить за греков вооруженною силою».

Меттерних был очень доволен подобной переменной в Александре, но он ему не слишком доверял, а посему, на всякий случай, еще в Троппау постарался договориться с британским посланником и устроил так, что враждебная позиция Великобритании по отношению к вмешательству России в греческие дела немедленно стала известна русскому императору. Британский министр иностранных дел Кэслри не меньше Меттерниха боялся переменчивого нрава Александра, и 21 июля 1821 года он писал в Петербург своему представителю следующее письмо для сообщения его содержания Александру: «Греки образуют разветвление того организованного духа возмущения, который систематически проявляет себя по всей Европе, и который проявляется взрывом там, где по какой-либо причине ослабевает рука правящей власти».

Впрочем, Александр и сам уже решил окончательно отойти от греков. Меттерних торжествовал: австрийские войска в Неаполе и в Пьемонте одержали победу «над пагубными стремлениями злоумышленников, якобинцев и карбонариев», а греки были брошены на произвол судьбы и турецкого султана. Правда, оставались еще очаги национально-освободительного движения в Южной Америке, и еще не был восстановлен абсолютизм в Испании. Однако и в этих направлениях перед Священным Союзом рисовались самые радужные перспективы, и уже готовился следующий международный конгресс в Вероне (она принадлежала тогда Австрии).

После 1822 года, в результате внутренних противоречий, активность Священного Союза снизилась, и после 1830 года он фактически распался.

По сути, эта идея сохранения мира и равновесия сил в Европе была одновременно и реалистической дипломатической конструкцией, и идеалистическим проектом: первое поддерживало существование Союза на протяжении ряда лет, второе в конце концов погубило его.

Крах Священного Союза был предопределен утопичностью самой идеи, лежавшей в основе его деятельности – удержать Европу в рамках отжившего строя. С другой стороны, деятельность Священного Союза

имела и положительное значение, так как обеспечила Европе мир после череды нерерывных войн конца XVIII – начала XIX в. Пусть на непродолжительное время, но обеспечила...

* * *

В Соединенных Штатах Америки события также разворачивались достаточно бурно. Европейцы много лет убивали друг друга, и американцы, получив независимость, тоже стали убивать самих себя. Наглядный пример тому – Гражданская война 1861–1865 гг. Это была война между союзным правительством, опиравшимся на северные штаты страны, и южными штатами, объявившими о выходе из Союза из-за несогласия с планами президента Авраама Линкольна по отмене рабства.

Тогда южные штаты образовали независимое государство – Конфедерацию штатов. И кончилось все это для них очень плохо.

США: война между Севером и Югом

В США к 1861 году произошел окончательный разрыв между северными и южными штатами, причиной которого стало преобладающее влияние промышленного и преимущественно «белого» Севера, а также его стремление к уничтожению рабовладения, что болезненно затрагивало интересы многих граждан аграрного Юга.

В результате от Союза отделились Южная Каролина, Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия и Луизиана. Потом к ним присоединились Техас, Арканзас, Северная Каролина, Тенесси, Виргиния, Кентукки и часть Миссури. Отпавшие штаты, назвавшись конфедеративными, выбрали президента на шесть лет (Джефферсона Дэвиса), а столицей стал город Ричмонд.

Эти штаты занимали примерно 40 % всей территории США с населением 9,1 млн человек.

В составе Союза осталось 24 штата, население Союза превышало 23 млн человек, на его территории располагалась практически вся промышленность страны и 70 % железных дорог.

12 апреля 1861 года генерал Пьер де Борега атаковал форт Самтер. Его орудия засыпали форт снарядами, но небольшой гарнизон защищался героически. Однако очень скоро орудия обороняющихся были сбиты с валов, а 13 апреля были взорваны бомбами и оба пороховых магазина. Начался пожар. Дым и пламя сделали невозможной дальнейшую оборону. И все-таки Роберт Андерсон капитулировал на самых почетных условиях: ему предоставили право свободного выхода

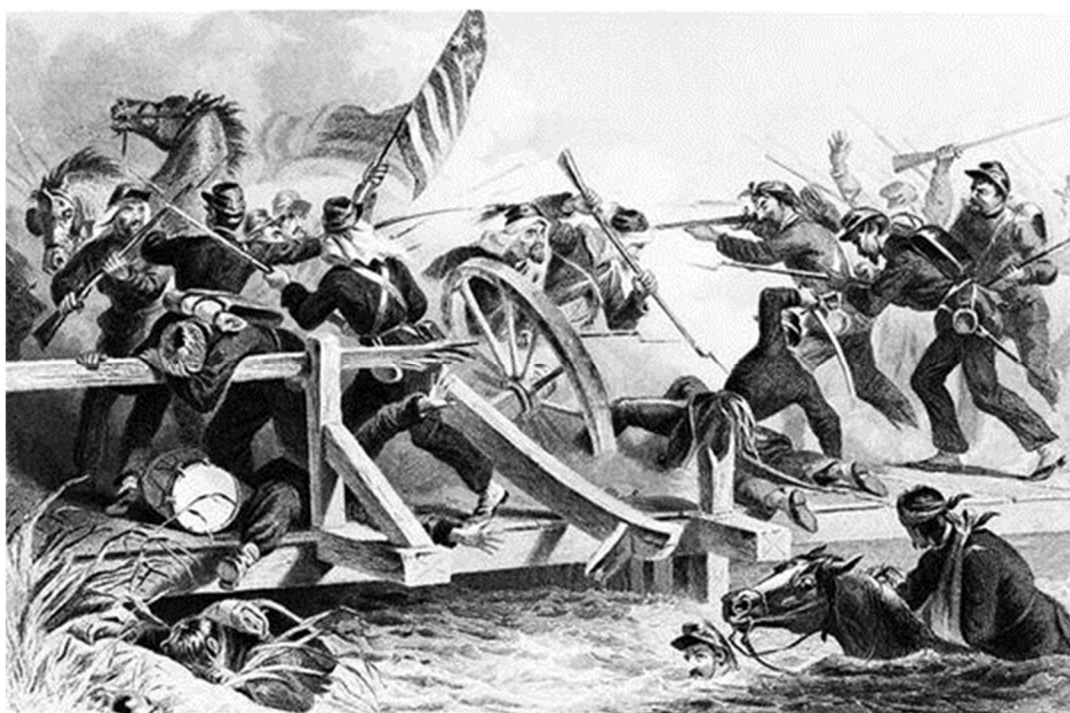
со всем оружием и оказали почести звездному знамени. Это сделало Андерсона героем северян (он был произведен в бригадные генералы).

После захвата форта Самтер Авраам Линкольн, ставший 16-м президентом США, объявил южные штаты мятежными, провозгласил морскую блокаду их побережья и издал прокламацию о наборе 75 000 добровольцев в армию.

Со своей стороны, Юг объявил о призыве в армию лиц в возрасте 18–35 лет, исключая темнокожих, чиновников и священников.

Первым боевым столкновением Гражданской войны, в котором имелось много погибших, считается бой при Фэирфакс-Кортхаусе в Виргинии 1 июня 1861 года.

Вообще до начала 1862 года шла достаточно успешная для сепаратистов война. В частности, 16 июля 1861 года федеральная армия выступила из Вашингтона и 18 июля встретила с армией южан у реки Булл-Ран. Произошла перестрелка между двумя пехотными бригадами, а потом, 21 июля, имело место первое сражение при Булл-Ране (первое сражение при Манассасе) – первое крупное сухопутное сражение Гражданской войны в США. Плохо обученные войска северян атаковали южан, но были вынуждены начать отступление, превратившееся затем в бегство.

Бой за мост во время отступления от Манассаса

Президент Конфедерации Джефферсон Дэвис, получив образование в Вест-Пойнте, сумел дать армии южан перевес в кавалерии и особенно в

тяжелой артиллерии. Горячность и воинский дух южан компенсировали нехватку дисциплины. Купеческие суда были превращены в военные. А вот Северу не доставало артиллерии и кавалерии. Значительные запасы оружия и артиллерии попали в руки мятежников. Например, в одном только Госпорте, в Виргинии, находилось около двух тысяч совершенно новых пушек и 300 000 зарядов различного калибра. Плюс имелся большой литейный завод в Ричмонде и хорошие морские арсеналы в других местах.

Джефферсон Дэвис в сражении при Булл-Ране (Манассасе) лично присутствовал на поле боя. Он предложил немедленно организовать преследование, но Пьер де Борегаар и Джозеф Джонстон сочли это невыполнимым. Последний заявил, что южане более дезорганизованы победой, чем северяне поражением.

Следует отметить, что к осени на восточном театре военных действий Союз располагал достаточно хорошо вооруженной армией под начальством генерала Джорджа Макклеллана, ставшего с 1 ноября главнокомандующим всеми армиями. Но этот человек избегал активных действий. Он проявил себя излишне осторожным и медлительным, и кончилось все тем, что президент Линкольн отстранил его от командования.

Сражение при Манассасе, 29 августа 1862 года

После поражения у Булл-Рана правительство США организовало для защиты Вашингтона корпус под командованием Ирвина Макдауэлла.

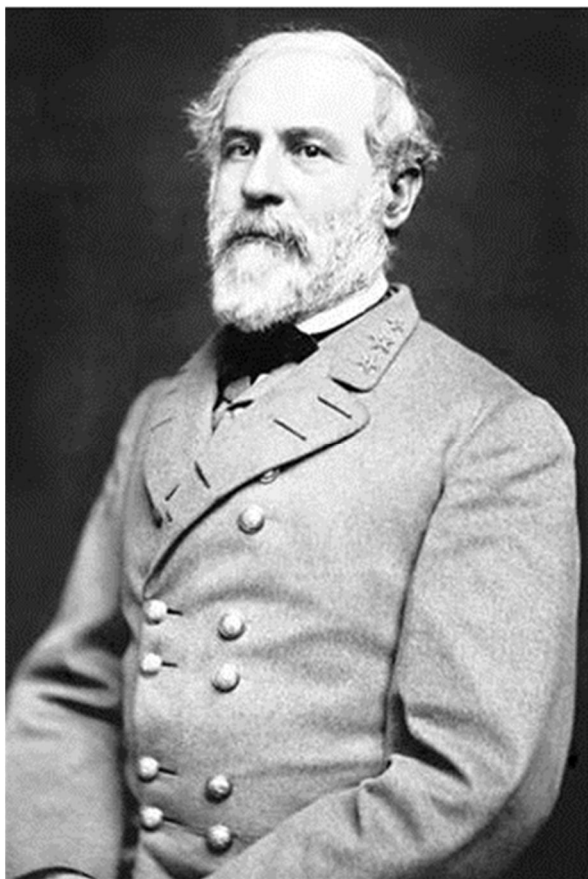
Предполагалось, что этот корпус придет на помощь основным силам армии Макклеллана в решающий момент. Однако руководство США так и не решилось бросить 40 000 солдат в бой, опасаясь оставить Вашингтон беззащитным.

Летом 1862 года три отдельных корпуса генералов Макдауэлла, Джона Фремонта и Натаниэля Бэнкса были объединены в одну армию под командованием генерала Джона Поупа. В августе того же года эта армия северян была разбита южанами во Втором сражении при Булл-Ране (при Манассасе).

Это сражение, имевшее место 28–30 августа, кончилось решительным и почти постыдным поражением северян. Большинство историков сходятся на том, что федеральная армия потеряла около 16 000 человек убитыми и ранеными из 70 000, а армия Конфедерации – менее 9000 человек убитыми и ранеными из 55 000.

Это сражение по праву считается самым выдающимся сражением в карьере генерала южан Роберта Эдварда Ли.

Ирвин Макдауэлл стал одним из главных обвиняемых в поражении. Ему удалось уйти от ответственности, свалив всю вину на генерала Фитц-Джона Портера, которого впоследствии отдали под трибунал за невыполнение приказа и уволили из рядов армии США. Но, даже несмотря на формальную невиновность, Макдауэлл был отстранен от командования войсками до самого конца войны. Впрочем, некоторые историки уверены, что Макдауэлл в то время был только номинальным начальником, а командовал всем в действительности генерал Уинфилд Скотт, присылавший приказы из Вашингтона по телеграфу.

Роберт Эдвард Ли

Уинфилд Скотт прежде всего старался прикрыть главный город Союза. Затем он хотел подавить мятеж в Мэриленде, защитить Западную Виргинию, удержать за Союзом Миссури, а потом уже завладеть Теннесси. Сообразно с этим планом были расположены и корпуса.

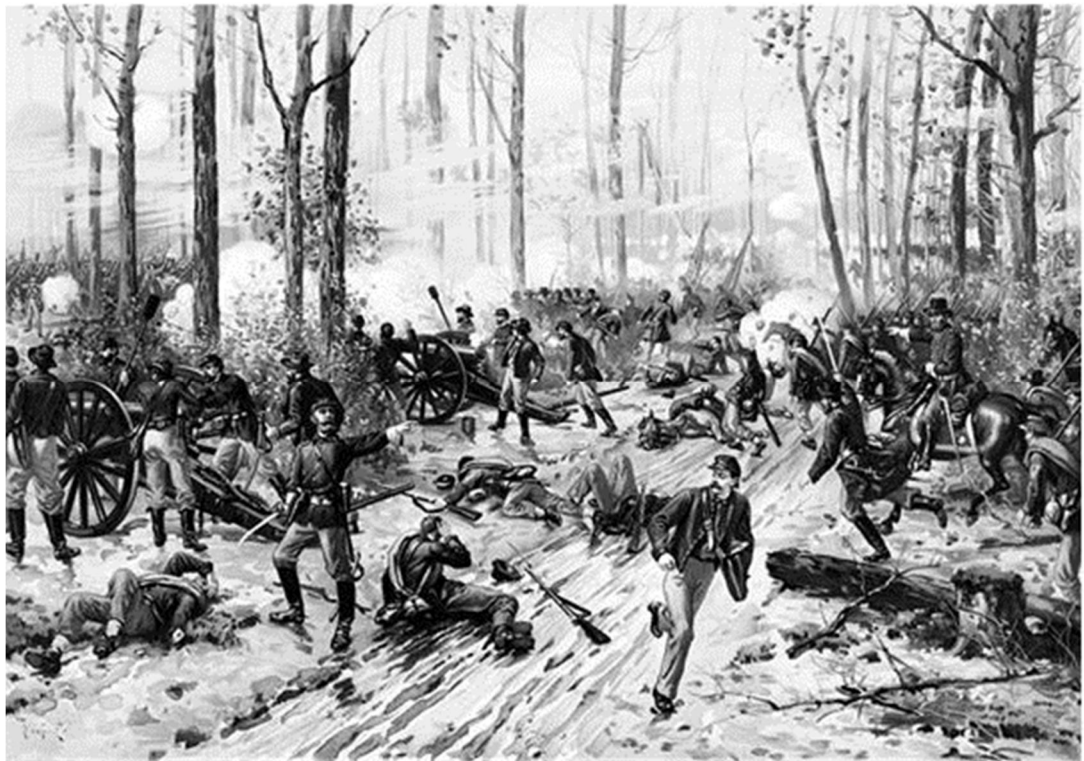
Генерал Скотт родился в Виргинии, изучал сначала право, но потом поступил в армию с чином капитана артиллерии. Он отличился во время войны с англичанами 1812–1814 гг., а в мирное время, будучи военным губернатором Южной Каролины, отметился предусмотрительностью и умеренностью во всем. Потом он воевал против Мексики. Но и он, в конце концов, тоже был уволен с поста главнокомандующего.

В 1862 году наибольшего успеха северяне добились на западном театре военных действий. В феврале – апреле армия генерала Улисса Гранта, захватив ряд фортов, вытеснила южан из Кентукки, а после тяжелой доставшейся победы при Шайло очистила от них Теннесси.

К лету был освобожден штат Миссури, и войска генерала Гранта вошли в северные районы Миссисипи и Алабамы.

Огромное значение имело также взятие Нового Орлеана 25 апреля 1862 года, осуществленное эскадрой северян под командованием Дэвида

Фаррагута.

Сражение при Шайло (6–7 апреля 1862 года)

В результате южане лишились одного из крупнейших своих портов и судостроительных центров. Они были вынуждены, чтобы избежать захвата, уничтожить недостроенные броненосцы, а северяне за счет этой операции усилили свое присутствие в Мексиканском заливе.

В целом же на первом этапе войны северяне потерпели немало неудач, и связано это с тем, что у южан имелись замечательные командиры. Возможно, если бы южане воспользовались ситуацией и двинулись прямо на Вашингтон, история США пошла бы совсем по другому сценарию. Но южане не стали переходить границу.

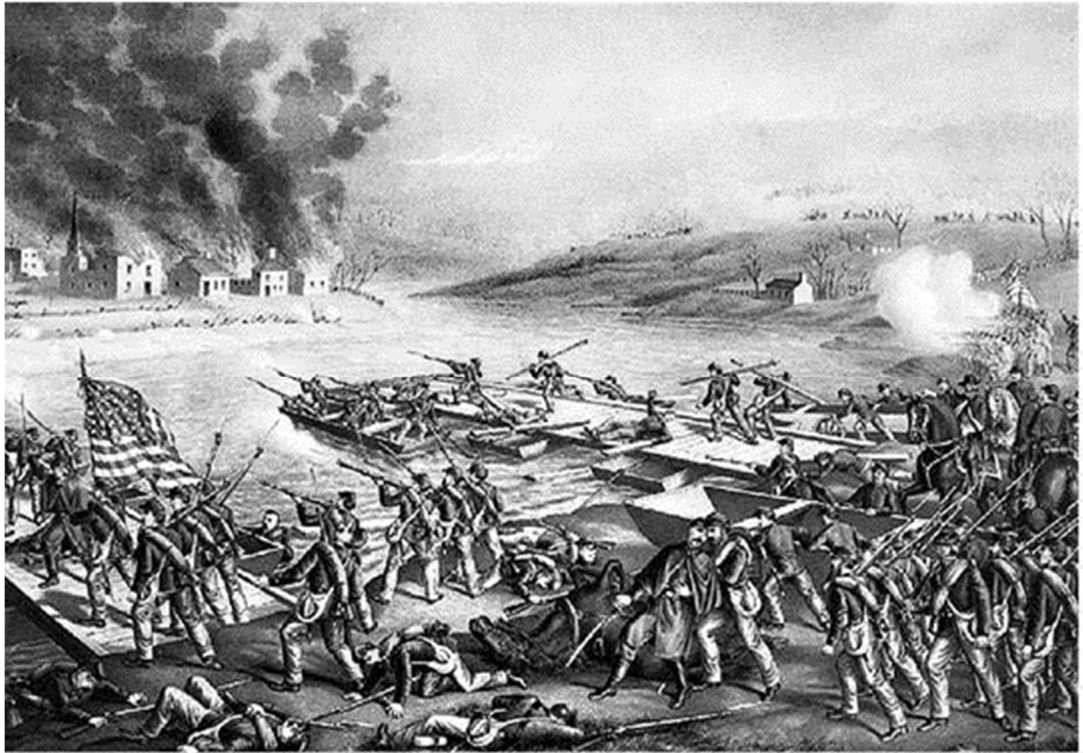
Сражение при Энтитеме (литография 1888 года)

Сторонники Союза воспользовались передышкой и разработали план «Анаконда». Согласно этому плану, сухопутная армия и флот северян должны были создать кольцо вокруг мятежных штатов, сжимая его до полной победы.

Весной 1862 года северяне предприняли попытку нанести удар в самое сердце Конфедерации – захватить Ричмонд. Но столица южан была окружена мощными инженерными укреплениями, которые армия Севера так и не сумела преодолеть.

17 сентября 1862 года у Шарпсберга 40-тысячная армия генерала Ли была атакована 70-тысячной армией северян. В ходе этого «самого кровавого дня» войны (известного как сражение при Энтитеме) обе стороны потеряли 4800 человек убитыми, 18 500 человек было ранено. В сражении погибли три генерала южан и три генерала северян.

Сражение закончилось вничью, но генерал Ли предпочел отступить. Эта битва так и осталась самым кровопролитным однодневным сражением в американской истории.

Сражение при Фредериксберге

А конец года вообще сложился для северян крайне неудачно. Генерал Эмброуз Эверетт Бернсайд начал новое наступление на Ричмонд, но был остановлен армией генерала Ли в сражении при Фредериксберге 13 декабря. Превосходящие силы федеральной армии были наголову разбиты, потеряв убитыми и ранеными в два с лишним раза больше противника: северяне в бесплодных атаках потеряли 12 600 человек (по некоторым данным, до 20 000 человек), южане же потеряли только 5377 человек.

После этого Бернсайд провел еще один неудачный маневр, известный как «Грязевой марш» (Mud March). Это была безуспешная попытка зимнего наступления в январе 1863 года, после чего Бернсайд был отстранен от командования.

Морской бой броненосцев «Мерримак» («Виргиния») и «Монитор»

А еще военные действия в 1862 году ознаменовались первым в истории морским сражением с участием броненосных кораблей. Захватив Норфолк, южане подняли остов крупного парового фрегата «Мерримак», затопленного северянами во избежание захвата. Так вот, в сражении на Хэмптонском рейде 8–9 марта броненосец «Мерримак», переименованный в честь штата в «Виргинию», истребил бы весь деревянный флот северян без малейшего вреда для себя (он протаранил и потопил большой парусный шлюп «Камберленд», расстрелял парусный шлюп «Конгресс» и собирался атаковать винтовой фрегат «Миннесота»), если бы не подоспел башенный броненосец «Монитор». После безрезультатного боя оба броненосца разошлись, не сумев нанести друг другу значительного ущерба^[10].

* * *

Военные неудачи негативно сказались на престиже Авраама Линкольна. Граждане осуждали его за нерешительность и слабость. Под давлением общественности президент и конгресс решили перейти к радикальным мерам борьбы с мятежниками.

Начался второй этап войны. Прежде всего, Линкольн ответил своим противникам рядом весьма жестких законодательных актов: для государственных изменников была введена смертная казнь, имущество мятежников подлежало конфискации и т. п.

Плюс Линкольн приступил к ряду займов, которые разом поставили Америку, не знавшую до тех пор национального долга, в финансовое положение европейских государств. На выпущенные бумажные деньги закупались оружие и аммуниция, уплачивалось щедрое жалованье солдатам и офицерам, строились десятки новых военных судов.

А еще каждый совершеннолетний гражданин США, не воевавший за Конфедерацию, получил право на большой участок земли.

Плюс в начале 1863 года вышла знаменитая Прокламация Линкольна, которая освобождала рабов на территории враждебных Союзу штатов.

А вот это уже было принципиально важно.

Каждое нововведение в быстроразвивающейся американской системе порождали столкновение двух идеологий: будет ли новый штат сообществом свободных людей или в нем возобладает рабство?

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

английский писатель

Многие ставили неблагоприятный ход войны в вину Линкольну. Многие обвиняли его в том, что война ведется не во имя восстановления Союза, а во имя освобождения невольников. Таким образом, Великая Борьба получила на обычном народном языке название «негритянская война». Невежественная и лишенная собственного рассудка народная масса принимала все это за чистую монету. И очень скоро в значительном количестве выросло число тех, которые перестали сочувствовать войне, которым она надоела. Газеты и народные ораторы громко вопили о мире, требуя его на любых условиях.

Однако Авраам Линкольн оказался сильнее. Ни вопли черни, ни презрение Юга – ничто не было в состоянии поколебать уверенность Линкольна.

Рабы считались движимым имуществом, которое можно покупать и продавать по желанию владельца.

РОБЕРТ РИМИНИ

американский историк

После выхода в свет Прокламации Линкольна, освобождавшей рабов, под знамена Севера встали чернокожие (и они вскоре составили 10 % армии северян). И политика Линкольна привела к тому, что военная кампания 1863 года стала в ходе войны переломной, хотя ее начало снова было для северян неудачным.

В январе 1863 года главнокомандующим федеральной армией был назначен Джозеф Хукер. Он возобновил наступление на Ричмонд, на этот раз избрав тактику маневрирования. Начало мая 1863 года ознаменовалось битвой при Чанселорсвилле, в ходе которой 130-

тысячная армия северян потерпела поражение от 60-тысячной армии генерала Ли. В этом сражении южане впервые успешно использовали тактику атаки рассыпным строем. Потери сторон составили: у северян – 17 275 человек, у южан – 12 821 человек. В этом сражении был смертельно ранен генерал Томас Джонатан Джексон, один из лучших полководцев Юга, получивший за стойкость в бою прозвище «Каменная стена» (он был по ошибке ранен своим же дозором, лишился руки и умер через восемь дней от пневмонии).

В Гражданской войне участвовали наспех созданные армии, постепенно возраставшие от десятков до сотен тысяч человек, пока наконец федеральные силы не достигли миллиона человек.

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

английский писатель

Настоящий перелом в ходе Гражданской войны наступил летом 1863 года. Южане поняли свою ошибку, совершенную в 1861 году, и решили двинуться на Вашингтон. Однако на их пути встала армия генерала Джорджа Гордона Мида. Эти события вошли в историю как трехдневное сражение при Геттисберге, в котором конфедераты потерпели первое серьезное поражение.

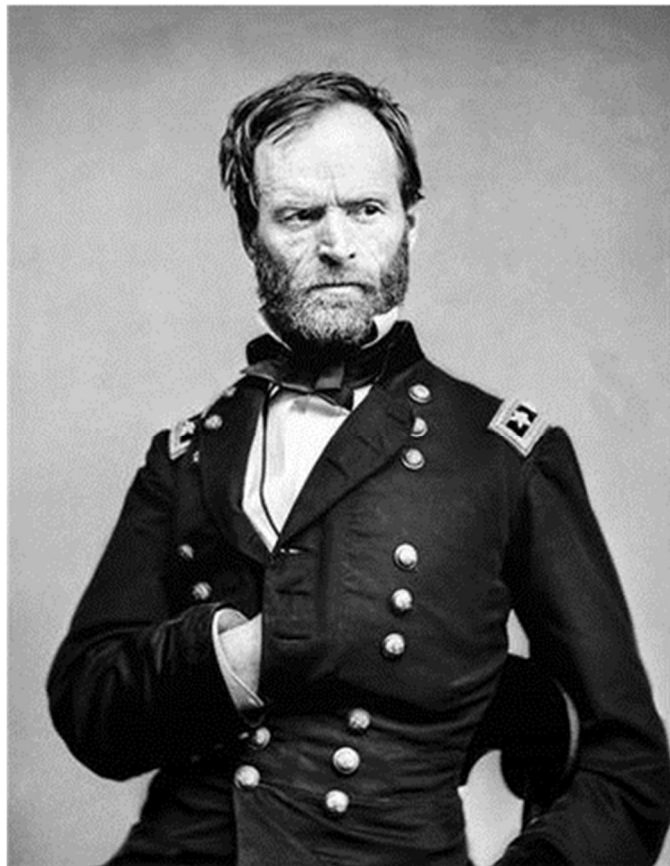
Это сражение имело место 1–3 июля 1863 года, и оно было исключительно упорным и кровопролитным. Северяне, впервые защищавшие родную землю, проявили исключительную стойкость. В результате южане, потеряв около 27 000 человек, отступили. Потери северян были немногим меньше и составили примерно 23 000 человек.

На западе генерал Улисс Грант удержал Шайло, а в июле 1863 года взял Вicksбург на Миссисиппи, отрезав Арканзас, Луизиану и Техас от остальной части Конфедерации.

В 1864 году Грант стал главнокомандующим войсками северян. Он разработал стратегический план, согласно которому мятежные штаты должны были быть сломлены двумя основными ударами. Первый удар предстояло нанести генералу Миду. Перед его армией стояла задача – разбить войска Роберта Эдварда Ли, прикрывавшего дорогу на Ричмонд. Вторая наступательная операция получила название «марш к морю». Ответственность за нее была возложена на генерала Уильяма Шермана.

Уильям Шерман был родом из Огайо. Он год учился в военной школе в Вест-Пойнте, в 1814 году вступил в армию и во время мексиканской войны получил чин капитана. В начале Гражданской войны он был сделан командиром пехотного полка, потом занял место бригадного генерала Андерсона. Он был ранен в колено и плечо в первом сражении при Булл-Ране (Манассасе), отличился решительными действиями при Шайло. Затем он перешел генералом в армию Гранта и помог ему при завоевании Вicksбурга. С этих пор он уже считался одним из самых талантливых людей американской армии (кстати, позднее его именем

был назван танк «M4 Sherman» – основной американский средний танк периода Второй мировой войны).

Уильям Шерман

Так вот, Шерману предстояло дойти до побережья Атлантического океана, а затем снова двинуться вглубь материка, чтобы атаковать войска генерала Ли с тыла.

Этот план оказался очень удачным. С 15 ноября по 21 декабря 1864 года армия Шермана совершила марш-бросок, разрезав тем самым территорию Конфедерации надвое. При этом солдаты Шермана следовали придуманной им «тотальной войне» («тактике выжженной земли») – они уничтожали все запасы, всю инфраструктуру, все постройки (разрушали железнодорожные пути, сжигали склады с хлопком) и беззастенчиво грабили мирное население, так как Шерман смотрел сквозь пальцы на нарушение официального запрета на мародерство, поскольку врага, по его мнению, нужно было не только лишить экономической базы к сопротивлению, но и раздавить психологически.

Генерал Улисс Грант (1865 год)

9 марта 1865 года последовало приглашение генерала Гранта в Белый дом. Президент встретил его там следующими словами:

– Генерал Грант! Признавая уже совершенные вами дела и будучи уверен, что вы сумеете окончить еще нерешенную задачу в нашей великой борьбе, я во имя нации назначаю вас генерал-лейтенантом армии Соединенных Штатов. Значению этого высокого поста соответствует не менее великая ответственность. Так как страна доверяет вам в этом деле, то пусть поможет вам Бог в исполнении ваших обязанностей. Едва ли нужно мне прибавлять, что мое собственное убеждение совершенно согласуется с тем, что я говорю вам здесь от имени всей страны.

К весне 1865 года Улисс Грант располагал армией в 115 000 человек. У генерала Ли оставалось всего 60 000 человек. В результате, армия генерала Ли попала в окружение, и столица Конфедерации пала 3 апреля 1865 года.

Сам Авраам Линкольн, окруженный густой толпой народа, предстал перед воротами Ричмонда. Он въехал в город, сопровождаемый

восторженной толпой. Появившись на балконе правительственного дворца, он с грустью посмотрел на собравшихся людей, в знак радости махавших шляпами и платками. После продолжительной о вации Линкольн отправился в дом, занимаемый прежде главой мятежников. Там он принял местные власти и почетнейших граждан. В тот же вечер он возвратился в Вашингтон.

Армия южан, повсюду разбитая и оттесненная от Ричмонда, состояла теперь из трех отрядов. Один, составлявший правое крыло генерала Ли, был разбит Шериданом 1 апреля при Файв-Фоксе. Центр и левое крыло генерала Ли, в ночь с 2 на 3 апреля, точно так же отступили. Третья часть состояла из бывшего гарнизона Ричмонда. Эти три отряда соединились 3 апреля, составив почти 60-тысячную армию. Однако, несмотря на эту цифру, бодрость войск упала, и дисциплина ослабела до такой степени, что единственная надежда оказать пользу делу, за которое они сражались, состояла в расчете на отсрочку.

Но генерал Ли обманулся в этом расчете. Генерал Грант не стал тратить время на парадные мероприятия в Ричмонде. Он быстро пошел на Питерсберг, и лучший полководец южан почувствовал петлю на своей шее. Оттесненный от железной дороги, отрезанный от всего, что ему было необходимо, генерал Ли, совершенно измученный лишениями и усталостью, встал перед выбором: или отчаянная борьба, которая должна была завершиться совершенным его уничтожением, или же капитуляция.

Генерал Грант, уважая храбрость и способности своего противника, постарался облегчить неизбежное и написал генералу Ли письмо с предложением сдаться. Ли в ответ спросил об условиях. Грант отвечал, что хочет только одного – чтобы все солдаты и офицеры неприятельской армии не имели больше возможности снова поднять оружие против Соединенных Штатов. Ли отвечал уклончиво, но Улисс Грант заявил, что в случае продолжения сопротивления мятежники не продержатся и дня. Его условия оставались прежними, но он в своей снисходительности дошел до того, что не дал формального приказа сложить оружие, а потребовал лишь простого роспуска остатков войск южан. И генерал Ли, дабы избежать ненужного кровопролития, согласился на капитуляцию.

Согласно условиям капитуляции, южане должны были сдать все свое оружие, но могли оставить себе офицерские сабли, лошадей и иное личное имущество. Также генерал Ли попросил Гранта выдать каждому сдавшемуся южанину специальный документ, который подтверждал бы, что этот человек относится к числу сдавшихся (таким образом Ли старался защитить своих людей от возможного преследования со стороны победителей).

Капитуляция генерала Ли (на картине генерал Ли отдает генералу Гранту свою шпагу)

Впоследствии ходили слухи о том, что во время капитуляции генерал Ли вручил Гранту свою шпагу, а Грант отказался принять ее. Сам Улисс Грант в воспоминаниях назвал эти слухи чистой воды фантазией (purest romance). Слово «шпага» или «личное оружие», писал он, вообще не упоминалось в их разговоре.

Итак, 9 апреля 1865 года генерал Ли капитулировал. Произошло это на территории округа Аппоматтокс в штате Виргиния, и 28 231 человек сложили оружие и были отпущены домой под обещание не воевать больше против федеральной армии.

Так закончилась страшная война, свирепствовавшая в продолжение четырех лет. Много человеческих жертв потребовала эта братоубийственная борьба.

После капитуляции генерала Ли отдельные полки южан продолжали сопротивление вплоть до 2 июня 1865 года.

Итоги Гражданской войны в США были ужасны.

Четырехлетняя война сопровождалась огромным физическим и нравственным напряжением всего народа Америки.

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

английский писатель

Экономически плантаторско-рабовладельческий Юг был разорен. Да, рабство было отменено, и это утвердили конституционно. Но при этом только военные расходы правительства США достигли 3 млрд долларов. Человеческие потери тоже были огромны.

Кровопролитная четырехлетняя война наконец закончилась. Заведомо обреченный Юг был полностью разбит. Потери обеих сторон потрясли воображение: Союз потерял 359 528 человек убитыми и 275 175 ранеными, конфедераты – примерно 258 тысяч убитыми и 100 тысяч ранеными.

РОБЕРТ РИМИНИ

американский историк

* * *

В ходе братоубийственной Гражданской войны произошло около двух тысяч мелких боев и крупных сражений, и в них граждан США погибло больше, чем в любой другой из войн, в которых участвовали Соединенные Штаты. И кстати, одним из последствий Гражданской войны стала насильственная смерть президента Авраама Линкольна.

Убийство президента Линкольна

Шестнадцатый президент США был убит, и какое-то время считалось, что в этой трагедии ничего неясного нет: убийца был назван, найден и уничтожен. Все остальные участники заговора были преданы суду и примерно наказаны. Только вот потом пошли разговоры о том, что все не так просто, как кажется, что в деле этом слишком много «странностей» и «нестыковок». И чем больше времени проходило, тем больше вопросов возникало...

А произошло (согласно официальной версии) следующее. В пятницу, 14 апреля 1865 года, президент Линкольн, завершив свой обычный рабочий день в Белом доме, предложил генералу Гранту и его жене сопровождать его и миссис Линкольн в театр. Линкольнам очень хотелось посмотреть комедию «Мой американский кузен», которую в тот вечер давали в Театре Форда, старейшем театре в центре Вашингтона. Грант отказался, сославшись на какие-то важные дела, и при этом он даже и не подозревал, что этот отказ спасет ему жизнь.

Линкольн всегда говорил, что «избирательный бюллетень сильнее пули». Но он ошибался, ибо в тот вечер на него было совершено покушение, и он был смертельно ранен в театральной ложе сторонником южан актером Джоном Уилксом Буттом.

Я не хотел бы быть рабом и не хотел бы быть рабовладельцем. Это выражает мое понимание демократии.

АВРААМ ЛИНКОЛЬН

Официальное объяснение убийства таково: Бут ненавидел Линкольна за его политику, которая, по мнению этого яркого экстремиста-южанина, привела к Гражданской войне, закончившейся победой северян. Решив убить президента, Бут сколотил специальную группу, в которую вошли Дэвид Хэролд, Джон Сарратт, Льюис Пауэлл, Сэм Арнольд, Майкл О'Лафлин, Эдмунд Спенглер, Джордж Этцеродт и еще несколько человек.

Посоветовавшись, заговорщики пришли к выводу, что наиболее эффективным будет публичное убийство президента, совмещенное с устранением еще и вице-президента Эндрю Джонсона, а также госсекретаря Уильяма Сьюарда. Предстоящее посещение Линкольном театра давало Буту идеальную возможность привести намеченное в исполнение. Льюис Пауэлл и Дэвид Хэролд в это время должны были убить Сьюарда, который недавно пострадал при аварии экипажа и с проломленной нижней челюстью и сломанной рукой лежал у себя на вилле в постели. А Джордж Этцеродт должен был «заняться» вице-президентом.

Президентская чета в сопровождении друзей – майора Генри Рэтбона и его невесты Клары Харрис – прибыла в театр после 20:00. Спектакль уже начался, но актеры были вынуждены остановить игру, так как публика в зале встала, и оркестр заиграл приветственный гимн. А в 21:30 Бут, одетый во все черное, подъехал к театру верхом на лошади. У него при себе был нож, два кольта в карманах и взведенный револьвер в руке. А предварительно он посетил Театр Форда и тщательно осмотрел правительственную ложу. Он проковырял дырку в двери (замок в ней не действовал) и отогнул деревянную планку для того, чтобы задвинуть ее в ручку второй двери, ведущей в коридор.

Убийство Авраама Линкольна

Удивительно, но президентский охранник Джон Паркер «вдруг» оставил свой пост у входа в ложу и отправился в соседний бар. Мы сразу ставим слово «вдруг» в кавычки, так как выглядит это совершенно невероятно, как будто речь шла не об охране президента страны. Воспользовавшись этим, Бут вошел в ложу и выстрелил Линкольну в голову. Считается, что он хорошо знал пьесу, а посему дождался самой смешной сцены комедии, когда в зрительном зале обычно раздавался громкий хохот, и он заглушил звук выстрела.

Пистолет Джона Уилкса Бута (орудие убийства президента Линкольна)

Генри Рэтбон вскочил, пытаясь задержать убийцу. Но тот выхватил нож и, ранив майора, спрыгнул из ложи на сцену. Но при этом он запутался в занавесе и сломал себе ногу выше колена. Но даже это не помешало Буту беспрепятственно выбраться из театра.

Тяжело раненного президента (пуля вошла ему в голову за левым ухом, пробила мозг и застряла в районе правого глаза) осторожно перенесли в один из близлежащих домов. Но прибывший доктор сделать ничего уже не смог. На следующее утро, в 7:22, Авраам Линкольн скончался.

Линкольн спас Союз, но умер, не завершив его реконструкцию.

РОБЕРТ РИМИНИ

американский историк

А тем временем Льюис Пауэлл пробрался в дом госсекретаря Сьюарда и нанес ему удар ножом, однако рана оказалась не смертельной. А вот Джордж Этцеродт, который должен был убить вице-президента, слишком много «выпил для храбрости», а потом решил вообще никуда не ходить.

Убийство президента вызвало панику в американской столице. Вице-президент Эндрю Джонсон (второе после президента лицо в государстве) самоустранился от руководства действиями властей. Следующий по рангу – госсекретарь Уильям Сьюард лежал раненный. И фактическим главой исполнительной власти в эти часы и дни оказался военный министр Эдвин Стэнтон.

Тем не менее к 18 апреля уже были арестованы многие заговорщики, в частности Мэри Сарратт (мать Джона Сарратта), Майкл О'Лафлин, Сэм Арнольд, Льюис Пауэлл и Джордж Этцеродт.

А что же Бут?

За несколько миль от театра он встретился с Хэролдом, и сообщники направились в штат Мэриленд, надеясь найти там убежище у своих единомышленников-южан. Знакомый врач перевязал Буту сломанную ногу, и преступники продолжили путь.

26 апреля 1865 года полковник Лафайетт Бэйкер и его люди настигли беглецов на табачной ферме в штате Вирджиния. Солдаты лейтенанта Эдварда Догерти окружили амбар, где засели заговорщики, и после длительных и бесплодных переговоров о добровольной сдаче подожгли его. Хэролд был вынужден капитулировать, а Бут застрелился. Точнее, он попытался выйти из огня и дыма, и в этот момент был смертельно ранен в шею сержантом Бостоном Корбеттом.

А вот последние слова Бута: «Передайте моей матери, что я умер, сражаясь за свою страну».

Как это обычно и бывает, вскоре после убийства Линкольна стали появляться всевозможные версии, касающиеся мотивов и тайных резонов этого преступления. В самом деле, уж слишком много «случайностей» и «нестыковок» было замечено в версии официальной. Конечно, проще всего было признать, что преступление было совершено группой фанатиков, которые действовали на свой страх и риск и по собственной инициативе. Но...

Прежде всего, странное впечатление производит тот факт, что Буту удалось спокойно войти в правительственную ложу и произвести роковой выстрел. И тут выяснилось, что охранник Джон Паркер, который оставил свой пост, имел дурную репутацию, и его не раз наказывали за неповиновение и за пьянство при исполнении служебных обязанностей. А потом «вдруг» оказалось, что 14 апреля президент, собираясь вечером в театр, попросил военного министра Стэнтона назначить ему телохранителем одного из своих адъютантов, майора Эккарта, человека очень надежного и решительного. Но Стэнтон отклонил эту просьбу: якобы в этот вечер Эккерт срочно потребовался в другом месте. Но Стэнтон солгал: в тот вечер Эккерт был совершенно свободен от службы, но вместо него перед дверью ложи был поставлен пьяница Паркер.

Второй странный момент: как Буту со сломанной ногой удалось уйти из города?

Согласно первым приказам, отданным все тем же Стэнтоном, все пути, ведущие из города, следовало перекрыть. Вокзалы были под контролем полиции, река Потомак патрулировалась военными кораблями, шесть дорог, шедших из Вашингтона, были перекрыты военными. Но, как ни

удивительно, две лазейки беглецам Стэнтон все же оставил. Обе вели в Мэриленд. Причем одна дорога туда шла по длинному деревянному мосту. Мост этот всегда охранялся, а в девять вечера его перекрывали. В 22:45 на мост въехал убийца президента. Сержант Кобб остановил его и поинтересовался его именем и целью поездки. Бут назвал свое настоящее имя и сказал, что хочет добраться до дома. И сержант «вдруг» велел его пропустить. Кстати, точно так же пропустили и Дэвида Хэролда.

Третий странный момент: тело Бута, застреленного при задержании, доставили в Вашингтон и предъявили нескольким лицам, знавшим его. В их числе был доктор, когда-то удаливший опухоль на шее Бута. След операции служил дополнительным доказательством. Доктор вроде бы опознал Бута, но выразил крайнее удивление сильными трупными изменениями, произошедшими за столь непродолжительное время. Плюс труп почему-то не предъявили старшему брату Бута – Эдвину. Уже тогда поползли слухи, что убитый при задержании – вовсе не Бут, и что подмена была произведена с целью получить обещанную награду и вывести из неудобной ситуации правительство, которое не смогло поймать настоящего убийцу президента.

А есть еще и четвертая «странность», и пятая, и шестая...

Да и сам мотив убийства Линкольна также выглядит не вполне логично. Принято считать, что Бут решил отомстить Линкольна за победу над южанами. Да, война подошла к концу, и Север победил. Однако две части страны по-прежнему ненавидели друг друга, и многие северяне мечтали о том, как они теперь разделаются с непокорными южанами. Но именно президент Линкольн, считавший, что ненависть нужно погасить, умолял своих подчиненных не относиться к южным штатам как к завоеванной стране. Он говорил: «По окончании войны не нужно никаких преследований, никаких кровавых дел!»

И именно 14 апреля 1865 года на заседании кабинета он говорил о примирении, и получается, что в тот же день его застрелил «фанатичный южанин». То есть он убил человека, который лучше, чем кто-либо другой, мог отстаивать и отстаивал права Юга!

Но при этом не все люди в окружении Линкольна разделяли эту позицию. Например, все тот же военный министр Эдвин Стэнтон считал, что нужно оккупировать Юг и провести там жесткую политику возмездия.

Кстати, тут имеется политическая конструкция и посложнее.

Некоторые утверждают, что Бут якобы вообще был агентом контрразведки северян.

На каком основании?

Логика рассуждений такова. В архивах США было обнаружено письмо командующего армией генерала Гранта президенту Линкольна, в котором имелись такие слова: «Я не могу более продолжать это

безумное уничтожение людей и материальных средств... Я много раз видел в глазах смельчаков с юга решимость стоять до конца. Стоят ли все эти бесчисленные жертвы того, чтобы заставить южан вернуться в Союз против их желания?» Судя по всему, донесения Гранта произвели впечатление на Линкольна, и в феврале 1865 года он провел тайное совещание, на котором было решено обратиться к президенту Конфедерации южных штатов Джефферсону Финису Дэвису с официальным признанием их независимости. Но в апреле войска южан под командованием генерала Роберта Эдварда Ли капитулировали, однако это якобы не изменило мнения Линкольна. И перед федеральным правительством замаячила реальная перспектива новой войны с южанами, которая могла затянуться на долгие годы.

Решение тайного совещания не было тайной для вице-президента Эндрю Джонсона. Знал он и о том, что очень скоро документ о признании суверенитета тринадцати южных штатов поступит на подпись к президенту. Джонсон понимал, что это повлечет за собой развал США на два враждебных друг другу государства. И тогда все жертвы многолетней кровавой Гражданской войны, которую, вроде бы, только что выиграли, будут напрасными. Допустить это было никак нельзя, и «агент Бут» получил право на выстрел...

Таким образом, в Вашингтоне начал действовать настоящий заговор против Линкольна, и его движущей силой стал Эдвин Стэнтон, который после покушения на президента стал фактическим правителем страны. Он тут же приехал к месту преступления, а затем выполнял функции начальника полиции и верховного судьи, отдавая распоряжения о поиске заговорщиков.

Именно Стэнтон объявил, что каждого, кто поможет сбежавшим Буту и Хэролду, ждет смертная казнь. Именно он назначил за голову первого награду в 100 000 долларов, а за второго – в 25 000 долларов.

И вот еще что интересно. Беглецов нашли в 125 км к югу от Вашингтона. Когда Бута и Хэролда окружили в амбаре, был отдан приказ обязательно взять их живыми. Но, тем не менее, главный участник заговора был убит именно в тот момент, когда он явно собирался сдаться. А потом выяснилось, что при нем нашли дневник, и его передали в военное министерство.

Это удивительно, но во время суда над заговорщиками дневник Бута вообще не фигурировал, хотя он, несомненно, был важнейшей уликой. О нем даже не вспомнили!

А через несколько лет уже ставший бригадным генералом Лафайетт Бэйкер заявил, что отдал дневник Бута своему начальнику Стэнтону, а когда он получил его назад, в нем не хватало некоторых страниц. Стэнтон тогда возмущенно ответил, что этих страниц не было уже тогда, когда Бэйкер передавал ему дневник. Но что удивительно, всего было вырвано 18 страниц – и все из той части дневника, в которой

описывались события дней, предшествовавших покушению на Линкольна.

Оставшиеся в живых участники заговора были преданы суду, который признал их соучастниками убийства и приговорил к смертной казни. Казнены были четверо: Дэвид Хэролд, Льюис Пауэлл, Джордж Атцеродт и Мэри Сарратт (их повесили 7 июля). Отметим, что Мэри Сарратт стала первой женщиной, казненной по приговору федерального суда.

Сэм Арнольд, хоть и не принимал участия в покушении, был приговорен к пожизненным каторжным работам, так же как Майкл О'Лафлин и врач, лечивший сломанную ногу Бута. Эдмунд Спенглер получил шесть лет за содействие убийце в осуществлении его замысла. Кстати, О'Лафлин так и умер в тюрьме.

Лишь Джон Сарратт сумел бежать в Канаду, и некоторые историки считают, что «нельзя ни в малейшей степени сомневаться в том, что Стэнтон умышленно позволил ему уйти». Удивительно, но за границей его никто не искал, а затем он был оправдан. Восемь присяжных проголосовали за его невиновность, а четыре – за виновность. Плюс срок исковой давности прошел, и его отпустили под залог в 25 000 долларов.

А потом вообще стало твориться что-то невероятное. Например, сержант Бостон Корбетт, зачем-то застреливший Бута, не понес за это никакой ответственности. Кстати, когда его спросили, почему он нарушил приказ и выстрелил, Корбетт ответил так: «Провидение направило меня». А потом он стал говорить, что действовал в целях самообороны: «Бут убил бы меня, если бы я не сделал первый выстрел, так что я думаю, что поступил правильно». Как бы то ни было, в 1887 году его взяли на работу в законодательное собрание штата Канзас, где он в один «прекрасный» день устроил стрельбу, и его поместили в психиатрическую больницу.

Майор Генри Рэтбон, не сумевший остановить убийцу в театре, потом женился на Кларе Харрис, тоже присутствовавшей в ложе. После этого они переехали в Германию. А в 1883 году Рэтбон после неудачной попытки убить своих детей забил насмерть жену, а затем попытался покончить с собой. Остаток жизни он тоже провел в сумасшедшем доме.

В генерала Лафайетта Бэйкера, рассказавшего о существовании дневника Бута, несколько раз стреляли и пытались похитить. 3 июля 1868 года он «вдруг» умер в возрасте всего 41 года, и его похоронили быстро и в закрытом гробу. А после эксгумации выяснилось, что его отравили с помощью мышьяка.

Полицейский Джон Паркер в 1868 году был уволен и куда-то пропал.

Что же касается Эдвина Стэнтона, то он умер 24 декабря 1869 года по неустановленной причине. Ему было всего 55 лет, и некоторые историки считают, что бывший министр покончил с собой.

Не правда ли, что-то уж больно много трагедий, произошедших с таким большим количеством людей, которые знали об убийстве Линкольна больше, чем следовало.

Конечно, никто сейчас не сможет доказать, что убийство Линкольна было задумано Эдвином Стэнтоном – ближайшим единомышленником президента во время Гражданской войны. Любая из перечисленных выше «странностей» вполне может трактоваться как стечение обстоятельств, но все вместе они производят весьма загадочное впечатление. А это лишний раз подтверждает тот факт, что реальная подоплека и обстоятельства убийства Авраама Линкольна так и остаются нерасследованными.

Кстати, один британский историк иронически назвал всю эту историю «трагедией в стиле кантри», намекая на низкий профессионализм и провинциальность американских спецслужб начала второй половины XIX века. Однако, может быть, именно за этой «провинциальностью» и кроется желание утаить правду об убийстве Линкольна. Так что совсем не исключено, что Джон Уилкс Бут и стоявшие за ним высокопоставленные лица на самом деле боролись за правое дело и спасли свою родину от уготовленного ей распада.

* * *

А теперь давайте снова вернемся в Европу, ибо во второй половине XIX века там происходили весьма интересные события. И еще – там образовалось очень сильное государство, которое еще в начале века было лишь сотней независимых княжеств и десятками имперских городов.

Речь идет о Германии.

Попытка преодоления политической раздробленности была предпринята там в ходе буржуазной революции 1848–1849 гг., однако она закончилась неудачей.

Вопрос объединения страны вновь стал очень актуальным в 1850–1860 гг., а в 1862 году король Пруссии Вильгельм I назначил министром-президентом Пруссии Отто фон Бисмарка. И этот человек возглавил объединение Германии по «малогерманскому пути», то есть во главе с Пруссией и без участия Австрии.

Затем, в 1866 году, пруссаки победили в австро-прусской войне, которая завершилась разгромом австрийской армии. Мелкие государства, находившиеся в союзе с Австрией (Нассау, Ганновер, Гессен, Франкфурт), были присоединены к Пруссии.

Но до этого в соседней Франции происходило следующее.

Французское безумие далеко не так безумно, как немецкое, ибо в последнем есть система.

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

немецкий поэт

Из тюрьмы в императоры

В октябре 1840 года 32-летний Луи-Наполеон Бонапарт был брошен в тюрьму крепости Гам.

Заключенным стал неугомонный племянник Наполеона I, то есть сын его брата Луи, который был женат на дочери первой жены все того же Наполеона I. Кстати, именно в октябре 1840 года прах великого дяди Луи-Наполеона, умершего в ссылке на острове Святой Елены, подняли на борт фрегата «La Belle Poule» для перевозки во Францию. Для племянника же это был плен и пожизненное заключение, надеяться ему было не на что, и уж точно никто и предположить не мог, что всего через несколько лет он станет президентом своей страны, а потом – императором.

Надо сказать, что Луи-Наполеон Бонапарт, родившийся в 1808 году, никогда не умел чего-то спокойно ждать. Оказавшись в изгнании после падения своего знаменитого дяди, он сразу же начал мечтать о возвращении на родину. Сначала (в 1836 году) он, считая себя законным наследником французского престола, попытался поднять вооруженный мятеж в Страсбурге. Попытка эта закончилась для него плачевно.

Когда мать Луи-Наполеона (дочь не менее знаменитой Жозефины де Богарне) узнала о произошедшем в Страсбурге, она была возмущена. Реакция братьев Бонапартов была соответствующей: Жозеф публично отрекся от него, Луи (отец) прекратил ему выплату пособия, а Жером заявил, что Луи-Наполеон – и не Бонапарт вовсе, а незаконнорожденный мальчишка.

Что же касается тогдашнего короля Франции Луи-Филиппа, против которого был направлен мятеж, то он оказался настолько великодушным, что помиловал своего политического противника и отправил его на французском корабле в Америку.

Однако уже в июне 1837 года Луи-Наполеон выехал из Нью-Йорка, и вынудила его это сделать болезнь матери. Гортензия Бонапарт (урожденная де Богарне) умерла 5 октября 1837 года в Тургау (Швейцария). Ей было тогда всего 54 года. После смерти матери Луи-Наполеон поселился в Швейцарии, где он некоторое время в совершенном уединении предавался вполне безобидным литературным занятиям. Потом он переселился в Англию.

А непосредственно во время торжеств, связанных с перезахоронением праха Наполеона I в парижском Доме инвалидов, Луи-Наполеон

предпринял еще одну попытку государственного переворота. Просто он почему-то решил, что наступил благоприятный момент для возвращения Франции прежнего победоносного величия. Он рассчитал все следующим образом: прах Наполеона вернулся во Францию, а раз так – Франция примет наследника славных традиций с распростертыми объятиями.

Вновь задуманное «возвращение с острова Эльба» было предпринято в новых мундирах 42-го пехотного полка, подделанных специально для этого в Бирмингеме. Но на этот раз принц зафрахтовал пароход «Город Эдинбург», тайно вернулся во Францию и попытался взбунтовать гарнизон города Булони.

Итак, 5 августа 1840 года в шесть утра принц с полусотней приверженцев, среди которых находился генерал Монтолон, долгое время живший с Наполеоном I на острове Святой Елены, высадился в Вимерё, что в 4 км от Булони. Сам Луи-Наполеон имел при себе 500 000 франков банкнотами и золотом, а многие из его единомышленников несли на шее жестяные коробочки, наполненные золотыми монетами. Чтобы произвести еще больший эффект, «наследник» захватил с собой живого прирученного орла, который, будучи выпущенным в определенный момент, должен был парить над его головой.

Естественно, весь этот спектакль завершился для Луи-Наполеона плачевно. Настоящие солдаты 42-го полка схватили его и его сообщников, и на этот раз заговорщики были преданы суду палаты пэров. В результате неугомонный принц был приговорен к пожизненному тюремному заключению, и его отправили в крепость Гам, что в Пикардии, на самой границе с Бельгией.

Луи-Наполеона проводили в заключение под насмешки едва ли не всей Европы. Впрочем, во Франции все обстояло несколько иначе: там «гамский пленник» приобрел огромную популярность и даже стал персонажем народного фольклора.

И вот 7 октября 1840 года 32-летний Луи-Наполеон оказался в крепости Гам. Это было пожизненное заключение, гарнизон крепости насчитывал 400 человек, включая 60 постоянно стоявших на своих постах часовых, и надеяться было не на что.

Вместе с Луи-Наполеоном в крепости Гам были заключены генерал Шарль де Монтолон и доктор Анри Конно. Шарль Телен, камердинер принца, добровольно поселился в крепости – просто из привязанности к своему господину.

Помимо 60 человек, составлявших ежедневный караул, распределенный внутри и вне крепости, у двери тюрьмы находилось три охранника, из которых два постоянно были на часах. Впрочем, пребывание Луи-Наполеона в крепости было облегчено всевозможными средствами. Хоть правительство и наделало тогда множество ошибок, никак нельзя было сказать, что оно жестоко обращалось со своими врагами. Во все время

своего заключения принц мог свободно принимать многочисленных посетителей (к нему являлись главные начальники республиканских партий и его друзья), плюс он получил позволение общаться со своим верным доктором Конно.

В Гаме Луи-Наполеон обратился к литературным занятиям. Первое сочинение, вышедшее из-под его пера в крепости, называлось «Исторические отрывки». Эта книга имела большой успех и много сочувствия к автору.

Хоть принца и содержали хорошо (ему жилось относительно комфортно, и питание было сносным), но он, разумеется, рвался на свободу. Король предлагал ему полную свободу, если он откажется от всех своих притязаний, но Луи-Наполеон не захотел продать ни за какую свободу то, что считал своим неотъемлемым правом, то есть обладание французским престолом.

Между тем годы проходили, и Луи-Наполеон уже начал терять надежду на освобождение, тем более что в 1844 году Луи-Филипп даровал прощение многим государственным преступникам, но принца это не коснулось. Кстати, в числе попавших под этот милостивый манифест был доктор Конно, но он добровольно остался в крепости, получив право, подобно Телену, выходить за крепостные ворота. Положение же Бонапарта с часу на час становилось все невыносимее. Не видя ничего утешительного для себя в будущем, он предался отчаянию.

Одному из своих друзей он писал:

«Я задыхаюсь. Годы проходят в безвыходном однообразии, и только в себе самом нахожу я силы сопротивляться этой удушливой атмосфере, меня окружающей. Однако же надежда на лучшее будущее меня не оставляет, и я думаю еще вас увидеть, лично отблагодарить за вашу дружбу и засвидетельствовать мою глубокую к вам признательность».

Удивительно, но «гамский пленник» даже получил разрешение завести себе любовницу, и у него от нее появились на свет два мальчика.

Тем не менее заключение угнетало Луи-Наполеона, и он принял решение, характерное для любого уважающего себя заговорщика – бежать. Благоприятный случай представился, несмотря на то, что бдительный надзор за принцем не ослаблялся ни на минуту. В мае 1846 года была назначена переделка лестницы в здании, занимаемом знаменитым узником.

Работа началась, и рабочие ежедневно по несколько раз входили в крепость и выходили обратно без всяких препятствий со стороны часовых. Накануне дня побега Шарль Телен, камердинер Луи-Наполеона, попросил позволения у коменданта отлучиться на следующий день за крепостные ворота. Ему разрешили, не увидев в этом ничего предосудительного.

Час бегства был назначен на 25 мая, на семь часов утра.

С рассветом заговорщики уже были на ногах, а вся крепость еще была погружена в глубокий сон. Луи-Наполеон переоделся в платье простого рабочего (в блузу и деревянные башмаки), сбрил усы и подвязал длинные черные волосы, так что узнать его стало довольно трудно.

В назначенный для бегства час принц, с трубкой в зубах и с доской, скрывавшей его лицо, на плече, сошел с лестницы и благополучно миновал двери. Внизу он встретился лицом к лицу с охранником, но к счастью успел закрыться доской и таким образом дошел до двора. Проходя мимо караула, он нечаянно уронил свою трубку, но, нисколько не смутившись, наклонился и поднял ее. Во все это время Шарль Телен не упускал ни одного случая, чтобы, по возможности, отвлекать от мнимого рабочего внимание часовых.

Солдаты на посту у ворот казались удивлены его одеждой, в особенности барабанщик, который несколько раз взглянул на принца, однако караульные часовые отперли ворота, и он очутился вне крепости.

Верный Телен немедленно настиг его, сел с ним в заранее приготовленный экипаж и благополучно вскоре достиг Сен-Кентена. Через город Луи-Наполеон пробрался пешком, сняв блузу, а дальше они сели в приготовленный Теленом почтовый экипаж и доехали до Валансьенна, где беглец разместился в вагоне железной дороги, имея с собой бельгийский паспорт, который, впрочем, у него никто нигде и не спросил.

Побег Луи-Наполеона Бонапарта из крепости Гам

В четыре часа пополудни поезд железной дороги умчал бывшего узника крепости Гам в Брюссель. Оттуда он вскоре отправился в Остенде, где, сев на пароход, отплыл обратно в Англию...

А потом прошло два года. Скандал постепенно утих, а во Франции свергли Луи-Филиппа, и 12 ноября 1848 года была принята конституция, согласно которой во главе государства должен был встать президент, которого предстояло избрать.

И его избрали, и им стал... Луи-Наполеон Бонапарт, удивительным образом набравший аж 74 % голосов.

Ну, а потом, 2 декабря 1851 года (в годовщину коронации Наполеона I и великого сражения при Аустерлице), он... совершил государственный переворот. И ровно через год после этого французы добровольно избрали его императором под именем Наполеона III.

Казалось бы, цель жизни достигнута. Живи и радуйся!

Но не таков был человек, таким фантастическим образом ставший Наполеоном III.

КСТАТИ

А почему он стал Наполеоном III? И кто тогда был Наполеоном II? Им был Наполеон-Франсуа-Жозеф-Шарль Бонапарт, сын Наполеона I, родившийся в 1811 году от второй жены Марии-Луизы. Он звался и Римским королем, и герцогом Рейхштадтским, но при этом он никогда реально не царствовал. В бонапартистских кругах он был известен как «Орленок». Сам Наполеон II, живший в Австрии и знавший о своем происхождении, тщательно изучал военное дело и постоянно мечтал о славе и подвигах. Но он оказался очень болезненным юношей, и его смерть в 1832 году от туберкулеза избавила дипломатов от многих затруднений. Ходили слухи о том, что «Орленок» был отравлен.

Итак, в годовщину коронации своего великого дяди, 2 декабря 1852 года, Луи-Наполеон Бонапарт провозгласил себя императором французов под именем Наполеона III.

В стране установился политический режим Второй империи. Но новоявленный император на этом не успокоился, а решил укрепить свой авторитет при помощи военных побед. В результате Франция вместе с Англией участвовала в Крымской войне, велись войны с Австрией и с Мексикой, продолжались колониальные войны в Алжире и Китае. Конечно же, это стоило денег. Причем очень больших денег. И внутри страны активизировалась оппозиция, стал углубляться правительственный кризис. Вторая империя едва удерживала власть. И в этой ситуации Наполеон III решил, что спасти положение может победоносная война с Пруссией. Она должна была предотвратить объединение Германии, в котором усматривалась угроза лидерству Франции в Европе. И 19 июля 1870 года Франция объявила Пруссии войну.

Франко-прусская война

Итак, французское правительство официально объявило войну Пруссии, а 28 июля 1870 года Наполеон III отбыл в действующую армию, возложив регентство на свою жену – императрицу Евгению.

Пруссаки выставили против Франции до 380 000 человек с 1175 орудиями, разделенных на восемь прекрасно снаряженных армий под

общим командованием прусского короля и начальника штаба Хельмута фон Мольтке.

По свидетельству русского генерала М. Н. Анненкова, во Франции «ни для наступательных, ни для оборонительных военных действий <...> ничего почти не было приготовлено, несмотря на то, что опыт прошлого времени и заявления компетентных в этом отношении лиц своевременно указывали правительству на необходимость принятия рационального плана мобилизации».

По сути, у французов мобилизация встретила огромные затруднения из-за того, что на бумаге все числилось в полном порядке, а в действительности же все было расхищено.

Французская Рейнская армия насчитывала около 250 000–265 000 человек. Но, по свидетельству все того же генерала М. Н. Анненкова, «в первых сражениях, данных пруссаками французам, силы первых почти втрое превосходили силы их противников».

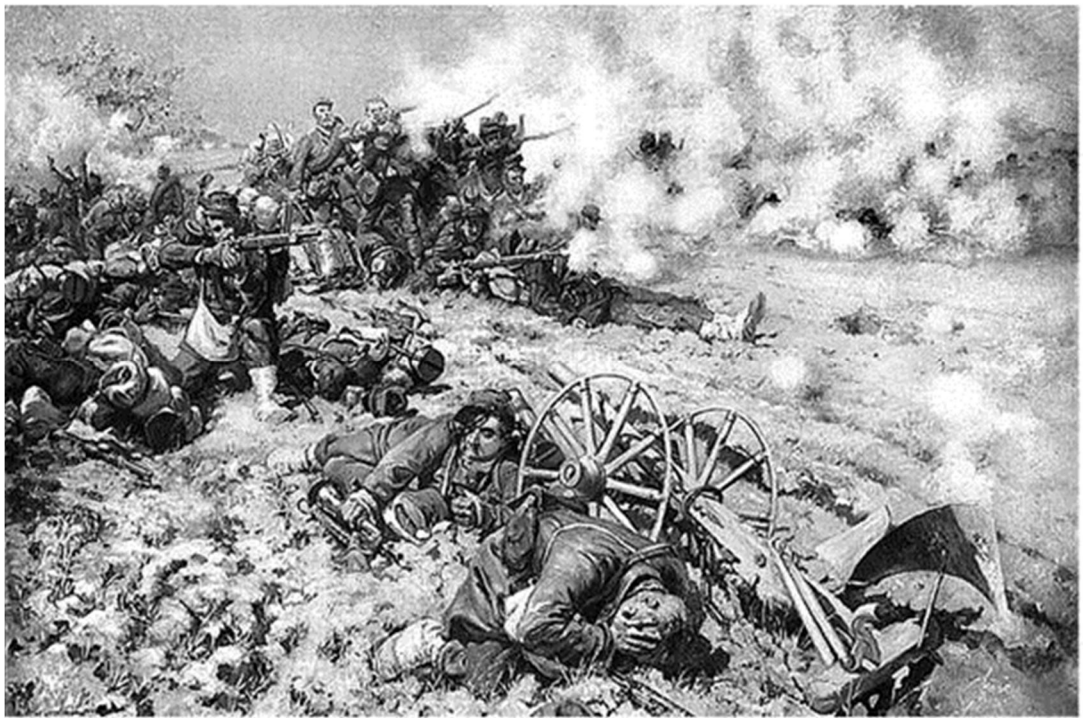
В результате французы потерпели ряд решительных поражений.

В частности, в первом же столкновении пруссаки взяли Вейсенбург.

6 августа 1870 года корпус маршала Патриса де Мак-Магона был разбит при Вёрте, а корпус генерала Фроссара – на Шпихернских высотах.

После поражений при Марс-ля-Туре (16 августа) и Сен-Прива (18 августа), где французы потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести более 26 000 человек, маршал Базен был лишен возможности отступить для соединения с Мак-Магоном и заперся с армией в Меце, где его осадили 134 000 прусских солдат.

Считается, что маршал Мак-Магон подумал, что война идет слишком медленно, и, чтобы ускорить ее исход, он выступил на выручку Базена. Это, действительно, ускорило, но только наступление окончательного кризиса.

Битва при Марс-ля-Туре. Худ. Пьер-Жорж Жанньо (1886)

Но вот генерал М. Н. Анненков уверен, что «Мак-Магон не хотел произвести движение, которое кончилось для его армии седанской катастрофой; только настояния тогдашнего французского военного министра, Паликао, и регентства заставили его идти по этому пути, оказавшемуся для него столь губительным».

Но у маршала не хватило независимости, чтобы отстоять свое мнение. При этом первое известие о движении армии Мак-Магона на север, для выручки из блокады армии Базена, граф Хельмут фон Мольтке, занимавшийся разработкой плана войны с Францией, узнал из бельгийских газет.

В результате посланный против своей воли из Шалона на выручку Базена маршал Мак-Магон с армией примерно в 90 000 человек был настигнут и окружен в Седане.

Крепость Седан, незначительная по своим сооружениям и слабая вооружением, лежит на правом берегу Мааса, окруженная с востока и севера высотами, господствующими над крепостью.

Ожидая прусаков только с востока, французы заняли главную позицию с этой стороны. Фронт их был прикрыт многочисленными деревьями и мызами, а левый фланг доходил до селения Живонн.

Войска Мак-Магона были крайне изнурены предшествовавшими движениями, а также недостатком продовольствия. Они состояли из четырех корпусов. Но так уж получилось, что уже около полудня сражение могло считаться окончательно решенным в пользу прусаков.

Маршал Мак-Магон был ранен осколком гранаты утром 1 сентября, и он передал командование дивизионному генералу Дюкро, потом – Вимпфену. Таким образом, произошла двукратная смена главнокомандующих, и нарушилась твердость в управлении войсками.

В результате Мак-Магон спасся от позора капитуляции, и его личная храбрость «вышла невредимой из этой авантюры».

В свою очередь, генерал Вимпфен предложил императору стать во главе войск с тем, чтобы пробиться на Кариньян. Он предполагал употребить для этого остатки корпуса Лебрена и отдал уже приказание, чтобы генерал Дюкро поддерживал это движение, а генерал Дуэ прикрывал его, но Наполеон III не принял это предложение, находя, что это была бы бесполезная попытка, которая только увеличила бы потери.

Между тем Вимпфен принимал все меры к тому, чтобы замедлить, по крайней мере, наступление пруссаков и тем самым подготовить возможность прорыва их линий. Для этого была предпринята кавалерийская атака в северном направлении, но она не имела успеха.

Маршал Мак-Магон был ранен в шесть часов утра, а уже к полудню французская армия была практически окружена.

К трем часам пополудни прусские войска все теснее и теснее стали сдвигаться к Седану. Французы находились уже в полнейшем беспорядке, но тем не менее было предпринято еще несколько попыток прорваться через вражеские линии.

Всеобщее отступление к Седану сопровождалось паникой. Вход в город представлял собой узкий подвесной мост, на котором сразу же возникла давка. Отступающих со всех сторон обстреливали более 500 прусских орудий.

Через два часа сражение было закончено. Все французские солдаты, не успевшие скрыться в городе, были убиты.

Остальные отступили за стены города, но пруссакам удалось подвести свою артиллерию достаточно близко, чтобы начать обстрел, который оказался так силен, что вызвал новую волну паники во французских рядах.

Первые же залпы оказались чрезвычайно удачными: они спровоцировали пожар в крепости, и, полчаса спустя, над Седаном был поднят белый флаг, а вслед за тем был выслан парламентар, объявивший, что Наполеон III желает вступить в переговоры.

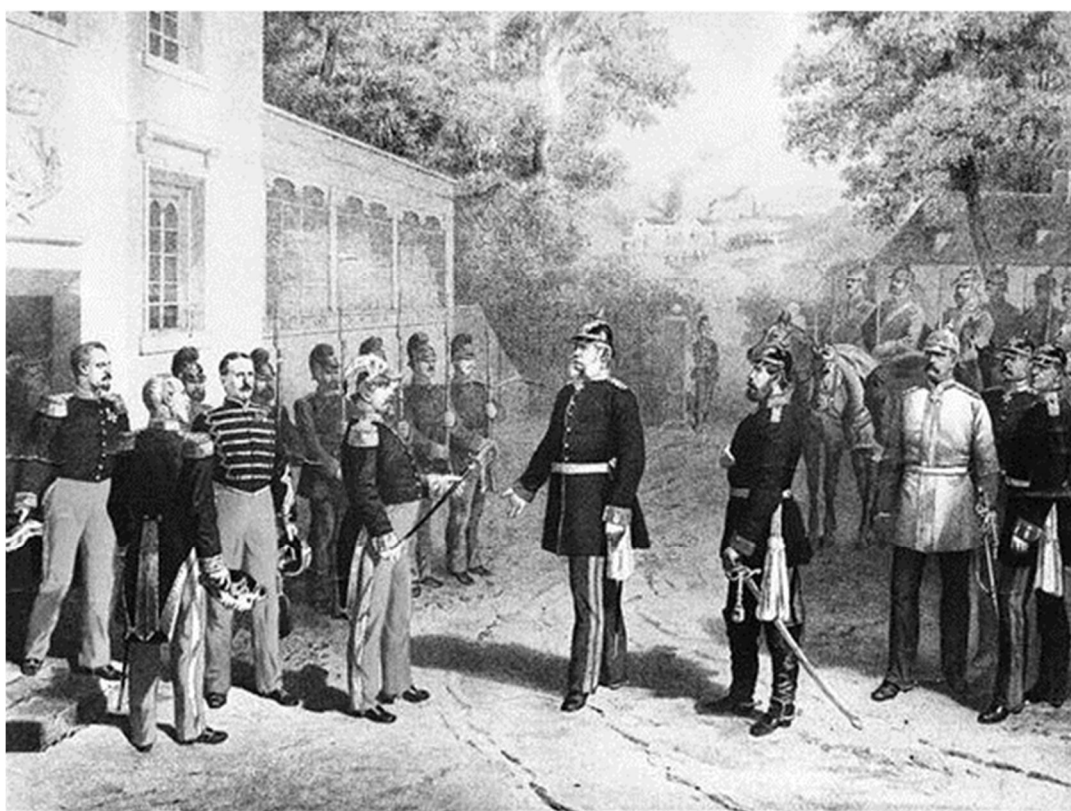
Как свидетельствует в своих письмах генерал Вимпфен, переговоры эти были открыты без его согласия. Он все еще надеялся спасти хотя бы часть армии, и когда император настаивал на необходимости переговоров, то генерал якобы просил об увольнении его со службы, чтобы не быть поставленным в необходимость подписывать капитуляцию, но Наполеон якобы отклонил эту его просьбу.

В некоторых других описаниях Седанской капитуляции также говорится, что переговоры о сдаче были начаты по приказанию Наполеона.

Около семи часов вечера генерал Рейль, адъютант императора, верхом на вороном коне и в сопровождении гусара с белым флагом, повез письмо Наполеона III прусскому королю. Оно заканчивалось словами: «Так как мне не суждено было найти смерть во главе моих войск, то кладу мою шпагу перед Вашим Величеством».

Генерал Рейль остановился в нескольких шагах от короля, сошел с лошади, приблизился и передал письмо. При нем не было оружия, он держал в руке только хлыст.

А в этот самый час Наполеон III, как пишет Эмиль Золя в своем романе «Разгром», «сидел в убогом домике ткача на дороге в Доншери. Уже в пять часов утра он пожелал уехать из префектуры, тяготясь Седаном, который вставал перед ним со всех сторон, словно укор и угроза; к тому же императора томила потребность успокоить свое чувствительное сердце, добиться менее тягостных условий для своей несчастной армии».

Наполеон III сдается Вильгельму I при Седане

Он захотел увидаться с прусским королем Вильгельмом I, сел в коляску и с полдюжиной адъютантов поехал по широкой дороге, обсаженной

высокими тополями. Но на дороге он встретил Бисмарка, спешившего ему навстречу. Единственной целью Бисмарка было отвлечь императора, помешать ему увидеться с королем, пока капитуляция не будет подписана. Король находился еще в Вендрессе, в 14 км от Доншери! И куда было деться? Наполеон III решил остановиться в домишке ткача Фурнезу на краю дороги...

Там он сел на плетеный стул, бледный, утомленный, задумчивый. Его адъютанты сидели просто на земле, на небольшом косогоре (домик стоял несколько выше дороги, и чтобы к нему пройти, нужно было подняться вверх по тропинке). По дороге в это время тянулся длинный обоз, сопровождаемый солдатами. Известие о том, что здесь сидит сам император, передавалось от одной повозки к другой, и тысячи солдат имели случай видеть в последний раз «это внезапно павшее могущество».

Эмиль Золя так описывает состояние Наполеона III:

«Император прождал здесь немало часов, сначала в обществе Бисмарка, который улыбался, слушая его речи о великодушии, потом один со своей безысходной тоской, прижимаясь землисто-бледным лицом к оконным стеклам, все еще глядя на французскую землю и на прекрасный Маас, протекавший по широким плодородным полям».

Бисмарк имел с ним длинный разговор, в течение которого император безостановочно курил папиросы. Потом явился Хельмут фон Мольтке и другие офицеры. С императором и его свитой обходились с большим вниманием. Но сам король не приехал, и Наполеон, прождав его несколько часов, отправился со своей свитой и в сопровождении прусских кирасир в замок Бельвю, находившийся между Доншери и Седаном.

А тем временем Вильгельм I написал ему следующий ответ: «Мой брат, принимаю вашу шпагу и прошу вас назначить уполномоченных для переговоров о капитуляции вашего войска».

Затем в Бельвю прибыл прусский король.

Бисмарк и Наполеон III в Доншери

И вот, ранним утром начались переговоры между генералами фон Мольтке и Вимпфеном о капитуляции, а Наполеон III имел в замке Бельвю встречу с королем Вильгельмом I. На следующий день в сопровождении прусского конвоя император уехал в замок Вильгельмсгее, что близ Касселя, который назначили для его местопребывания.

О капитуляции договорились очень быстро.

По ее условиям стали военнопленными 84 433 человека, в том числе до 4000 офицеров и 51 генерал. Кроме того, пруссакам достались свыше 550 пушек (из которых 139 крепостных), более 10 000 лошадей, 66 000 винтовок и множество прочего оружия.

Что касается самого Наполеона III, то он сдался в плен на первый взгляд без достаточных на то оснований. В самом деле, ничто не заставляло его оставаться в Седане в момент вступления туда французских войск. Он спокойно мог или пробраться в какой-нибудь из городов северных департаментов, или же удалиться в Бельгию. Объяснить, почему он этого не сделал, можно тем, что к тому времени император уже был совершенно больной и недееспособный (он страдал болезнью почек), и он безумно устал от всего происходящего, ибо это был тотальный крах всего им затеянного.

Некоторые историки считают, что сила армии маршала Мак-Магона доходила до 150 000 человек, то есть она вполне могла оказать весьма существенную поддержку маршалу Базену. Они же утверждают, что, предпринимая свое рискованное движение, в котором не было почти никакой вероятности на успех, Мак-Магон окончательно сгубил последние остатки французской армии.

Но вот по мнению генерала и военного аналитика Н. П. Глиноецкого, маршала Мак-Магона нельзя винить одного и без всяких оговорок. «Он, очевидно, был обманут неверными сведениями об общем положении дел. Так, между прочим, он, как кажется, не имел положительных известий об армии Базена; введенный в заблуждение бюлетенями министерства».

Короче говоря, Мак-Магон считал, что маршал Базен спешит на соединение с ним, а в действительности тот был заперт в Меце.

Впрочем, маршал Базен предпринял попытку прорваться из осажденного Меца, но она не удалась, и 27 октября он капитулировал вместе со всей своей армией.

В таких условиях вопрос о сдаче Парижа делался лишь вопросом времени.

Понятно, какое впечатление должно было произвести известие о седанской катастрофе в Париже. Новость эта была получена там только вечером 3 сентября 1870 года. Тотчас же было собрано экстраординарное ночное заседание депутатов, и генерал Кузен-Монтобан, граф де Паликао, в возможно более смягченных формах, объявил о несчастье, постигшем Францию, предлагая, вместе с тем, образование из среды палаты особой правительственной группы, которая бы служила как бы регентским советом. Но тут же, рядом с этим предложением, имевшим главной целью спасение династии, явились уже предложения о низложении наполеонидов.

Палата разошлась, так ничего и не постановив, а между тем в городе уже сделалась известной седанская катастрофа, и с утра 4 сентября толпы народа стали осаждать Национальное собрание с криками: «Долой Наполеона!» «Да здравствует республика!»

Под влиянием этого общенародного движения палата, или, точнее, ее крайнее левое крыло, провозгласила низложение династии Наполеона и восстановление во Франции республики.

В то же время было составлено особое временное правительство, принявшее название Правительства национальной обороны, которое должно было управлять Францией, пока не соберется особое Учредительное собрание из представителей народа, которое сможет решить вопрос о новом устройстве государственного управления.

Членами этого временного правительства были избраны генерал Луи-Жюль Трошю, признанный президентом, а также Араго, Кремьё, Фавр

(министр иностранных дел), Ферри, Гамбетта (министр внутренних дел), Гарнье-Пажес, Пеллетан, Пикар, Симон и др.

После провозглашения республики императрица Евгения и большинство бывших сподвижников Наполеона поспешили бежать из Франции, где положение их стало крайне опасно, так как новому правительству удалось захватить многие бумаги, принадлежавшие императору и сильно компрометировавшие его самого и всех его окружающих.

Смерть Наполеона III (иллюстрация из «Illustrated London News» от 25 января 1873 года)

Итак, новый государственный переворот совершился в Париже очень спокойно и без всякого кровопролития. Вторая империя пала, а Франция была провозглашена республикой (это была Третья республика, просуществовавшая вплоть до 1940 года). Наполеон III умер в 1873 году в Англии, и его последними словами, сказанными в бреду слуге, был вопрос: «Мы ведь не струсил тогда при Седане?»

К власти в стране пришло Правительство национальной обороны во главе с генералом Трошю. Но это правительство не смогло организовать эффективный отпор врагу, и 28 января 1871 года было заключено перемирие на тяжелых для Франции условиях.

* * *

В конечном итоге сформированное 8 февраля 1871 года новое правительство монархиста Адольфа Тьера приняло тяжелые для Франции условия, подписав 26 февраля Версальский мирный договор, а 1 марта германские войска вошли в Париж.

Провозглашение Германской империи в Версале. Худ. Антон фон Вернер. Бисмарк – в белом мундире в центре картины

Таким образом, в войне с Францией Пруссия одержала полную победу. Франция потеряла богатые углем и железом Эльзас и Лотарингию, а также уплатила огромную денежную контрибуцию.

В том же, 1871 году в Зеркальном зале Версальского дворца была торжественно провозглашена Германская империя – Германский Рейх (Deutsches Reich), что переводится как «Германская империя» или «Германское государство».

Императором (кайзером) объединенной страны стал Вильгельм I Гогенцоллерн. А Отто фон Бисмарк стал первым канцлером. Точнее – рейхсканцлером, или главой правительства.

Бисмарк в военной униформе

В новое государство вошли 22 монархии, сохранившие свою автономию, и три вольных города (Гамбург, Бремен и Любек). Пруссия составляла 2/3 Германской империи.

Весной 1871 года первый имперский рейхстаг принял конституцию, закреплявшую руководящую роль Пруссии в империи.

Страна, находясь в окружении Франции и России, продолжила курс на милитаризацию. И вскоре Германская империя стала мощной индустриальной державой. Она быстро увеличивала свой удельный вес в формирующейся системе мирового хозяйства.

Император Вильгельм I умер в 1888 году, а в 1890 году Бисмарк ушел в отставку. Новые политики, пришедшие на смену Бисмарку, начали тесно увязывать перспективы прогресса своей страны с борьбой за лидерство уже не просто в европейском, а мировом масштабе.

Кстати, Германская империя продержалась до 1918 года и прекратила свое существование в результате так называемой ноябрьской революции, после которой монархия была свергнута, и Вильгельм II был вынужден бежать в Нидерланды.

Но до этого Германия успела поучаствовать в Первой мировой войне, которая продолжалась более четырех лет.

Когда кончаются доводы, начинают говорить пушки. Сила – последний аргумент тупицы.

ОТТО ФОН БИСМАРК

Убийство в Сараеве

В Первой мировой войне участвовали 38 государств. Население воюющих стран составляло свыше 1,5 млрд человек, то есть около 87 % тогдашних жителей Земли. Под ружье было поставлено в общей сложности около 74 млн человек.

А началось все утром 28 июня 1914 года, когда австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд вместе с сопровождавшими его лицами отправился на поезде из Илиджи в Сараево. На станции в Сараеве его встретил губернатор Оскар Потioreк. Эрцгерцога ожидали шесть автомобилей. По ошибке трое местных офицеров полиции оказались в первой машине с главным офицером службы безопасности эрцгерцога, тогда как другие офицеры службы безопасности остались позади. Во втором автомобиле находились мэр и глава полиции Сараева. Третьим в кортеже был открытый автомобиль со сложенным верхом компании «Gräf & Stift» модели 28/32 PS. В этом автомобиле оказались Франц Фердинанд со своей женой герцогиней Софией, Потioreк, а также владелец автомобиля подполковник Франц фон Харрах.

В соответствии с программой, первым мероприятием был осмотр казарм. В 10:00 эрцгерцог со свитой покинул казармы и отправился в ратушу по набережной Аппель.

Вскоре кортеж достиг первого террориста – Мухамеда Мехмедбашича, сына мусульманина из Герцеговины. Данило Илич, православный серб и лидер сараевской ячейки «Черной руки» (тайной националистической организации, имевшей целью объединение различных южнославянских народов в одно государство), поставил его перед кафе «Мостар» и вооружил гранатой, но Мехмедбашич провалил атаку.

Почему?

Да потому, что он и его товарищи не были профессиональными диверсантами. Поэтому, кстати, ситуация 28 июня сразу стала развиваться совершенно не так, как планировалось. Например, Илич расположил серба Васо Чубриловича рядом с Мехмедбашичем, вооружив его пистолетом и гранатой, но тот также оконфузился.

Далее по маршруту эрцгерцога, на противоположной стороне улицы рядом с рекой Илич расположил Неделько Чабриновича, вооруженного гранатой.

В 10:25 автомобиль Франца Фердинанда поравнялся с Чабриновичем, и тот метнул гранату, но она отскочила от откидного верха машины (в тот момент сложенного) на дорогу. Граната взорвалась при приближении следующей машины, оставив в месте взрыва большую воронку и ранив несколько человек в толпе, а также офицеров свиты эрцгерцога. Кроме того, легкое ранение получила герцогиня София, но сам Франц Фердинанд не пострадал.

Чабринович тут же проглотил пилюлю с ядом и прыгнул в реку. Но самоубийство не удалось: яд вызвал лишь рвоту (вероятно, доза оказалась слишком маленькой, или же вместо цианистого калия в пилюле оказалось что-то другое), а река оказалась неглубокой из-за знойного лета. Полицейские вытащили Чабриновича из реки. После этого толпа жестоко избила его, и лишь потом его взяли под стражу.

Эрцгерцог приказал остановить автомобиль и распорядился, чтобы раненым оказали первую помощь. В это время толпа зевак заслонила машину от других заговорщиков. Кортёж спешно двинулся к Ратуше. Цветко Попович, Гаврило Принцип и Трифко Грабеж (ничего себе фамилия была у человека!) не смогли выполнить задуманное из-за того, что кортеж промчался мимо них на большой скорости.

Покушение, вроде бы, провалилось.

По прибытии в Ратушу Франц Фердинанд потерял самообладание. Мэр Сараева Фехим Чурчич, еще не знавший о случившемся, обратился к эрцгерцогу с приветственной речью, но тот резко оборвал его:

– Господин мэр, я прибыл в Сараево с дружественным визитом, а в меня кто-то бросил бомбу. Это возмутительно!

Затем герцогиня София что-то прошептала мужу на ухо, и после паузы Франц Фердинанд примирительно сказал мэру:

– Теперь вы можете говорить.

Мэр произнес речь, а Франц Фердинанд вынужден был ждать, когда ему доставят его речь, находившуюся в подорванном автомобиле. Потом к подготовленному заранее тексту он добавил несколько замечаний по поводу событий того дня, в которых поблагодарил народ Сараева за его отношение к произошедшему.

Местные представители власти и свита эрцгерцога с волнением обсуждали, что делать дальше. Барон Андреас фон Морси предложил покинуть Сараево. В ответ губернатор Оскар Потioreк спросил:

– Вы думаете, что Сараево кишит убийцами?

Франц Фердинанд и София отказались от дальнейшей программы и решили навестить раненых в госпитале. Подполковник Франц фон Харрах занял место на левой подножке автомобиля эрцгерцога.

В 10:45 эрцгерцог с супругой вновь оказались в своем автомобиле. Чтобы попасть в госпиталь, минуя центр города, Потioreк решил направить кортеж вдоль набережной Аппель. Однако водитель, чех Леопольд Лойка, повернул направо – на улицу Франца-Иосифа. Причиной его действий послужило то, что помощник Потioreка Эрих фон Меррицци в это время был в больнице, и никто не передал новые распоряжения Лойке.

Узнав, что первая попытка убийства провалилась, Гаврило Принцип решил совершить нападение на обратном пути эрцгерцога и сменил свое местоположение.

Гаврило Принцип

Этот человек родился в 1894 году, и был он сыном крепостного с бедного запада Боснии. В 13-летнем возрасте он отправился получать образование в столицу – в Сараево. Гаврило учился хорошо, отличаясь трудолюбием и прилежанием, однако он не только учил уроки, но и задумывался над тем, как освободить родную Боснию от оккупантов. После четырех лет учебы он отправился в соседнюю Сербию, и там в 1912 году стал членом революционной организации «Млада Босна». А эта молодежная организация находилась под влиянием тайного общества сербских националистов, известного под названием «Черная рука». Кстати, обе эти организации рассматривали террор как один из

наиболее эффективных методов достижения своих целей, и объектами их террористических атак становились крупные австро-венгерские чиновники и политические деятели.

И вот, в январе 1914 года, руководители «Млады Босны» выбрали в качестве мишени наследника престола Австро-Венгрии эрцгерцога Франца Фердинанда фон Габсбурга. По их мнению, этот символический акт должен был подтолкнуть остальных боснийцев к борьбе за свободу.

Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда

Итак, Гаврило Принцип решил сменить свое местоположение, и он занял позицию перед продовольственным магазином «Деликатесы Морица Шиллера» неподалеку от Латинского моста. А в это время машина, в которой находился эрцгерцог с супругой, буквально застряла в толпе людей – как раз в двух шагах от места, где стоял Гаврило Принцип. Пока водитель пытался развернуть машину, тот выхватил револьвер и произвел два выстрела с расстояния около полутора метров.

Первая пуля ранила эрцгерцога в шею, вторая попала герцогине Софии в живот.

Естественно, Гаврило Принцип был тут же схвачен. Потом на суде он заявил, что не собирался убивать Софию, а вторая пуля на самом деле предназначалась губернатору Потioreку.

Отметим, что обе жертвы покушения скончались по пути в резиденцию губернатора, где им должны были оказать медицинскую помощь. Как сообщил потом Франц фон Харрах, последними словами эрцгерцога были: «Софи, Софи! Не умирай! Живи для наших детей!»

По иронии судьбы студент-террорист убил того единственного из всех правителей Габсбургской империи, который мог бы попытаться предотвратить своим влиянием грядущую катастрофу.

МАКС ГАСТИНГС

британский историк

А вот убийцу нельзя было казнить – он был слишком молод. До его 20-летия оставалось еще две недели, а по законам Австро-Венгрии смертный приговор можно было выносить только преступникам старше 20 лет. В результате Гаврило Принципа приговорили к 20 годам одиночного заключения. Он был заключен в тюрьму Терезинштадт, где и провел последние годы своей жизни.

Как и многие, вошедшие в историю схожим образом, всю свою недолгую жизнь он [Гаврило Принцип – *Авт.*] пытался переломить мнение окружающих о себе как о человеке мелком и незаметном. В 1912 году он пошел записываться добровольцем, чтобы сражаться за Сербию в Первой балканской войне, однако его не взяли из-за малого роста. На первом допросе после принесших ему печальную славу событий июня 1914 года он объяснил свой поступок так: «Меня везде принимали за слабака».

МАКС ГАСТИНГС

британский историк

Молодой террорист страдал туберкулезом, и в условиях заключения его заболевание обострилось. Плюс ранение правой руки, полученное Гаврило в момент ареста, привело к гангрене и ампутации. Он умер в тюремной больнице 28 апреля 1918 года, около полугода не дожив до окончания страшной войны, формальным виновником начала которой он стал.

Именно так, ибо покушение в Сараеве было воспринято разными кругами в Европе по-разному. В частности, австрийские и германские правители решили использовать убийство наследника австрийского престола как «casus belli», то есть как повод к войне. Во всяком случае, уже 5 июля 1914 года Германия пообещала поддержку Австро-Венгрии в случае конфликта с Сербией. А 23 июля Австро-Венгрия, заявив, что Сербия стоит за убийством Франца Фердинанда, объявила ей ультиматум, в котором потребовала произвести чистки госаппарата и армии от офицеров и чиновников, уличенных в антиавстрийской пропаганде, арестовать подозреваемых в содействии терроризму, а также разрешить полиции Австро-Венгрии проводить на сербской

территории следствия и наказания виновных в антиавстрийских деяниях. В тот же день Сербия начала мобилизацию, а 26 июля то же самое сделала и Австро-Венгрия.

28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну, австро-венгерская тяжелая артиллерия начала обстрел Белграда, а регулярные войска Австро-Венгрии пересекли сербскую границу. В ответ Россия заявила, что не допустит оккупации Сербии. Во французской армии были прекращены отпуска.

29 июля Николай II отправил Вильгельму II телеграмму с предложением «передать австро-сербский вопрос на Гаагскую конференцию» (в Международный Третейский суд в Гааге). Вильгельм II не ответил на эту телеграмму.

29 июля в германской армии были отменены отпуска.

30 июля началась частичная мобилизация во Франции.

31 июля в Российской империи была объявлена всеобщая мобилизация.

Первая мировая война

В тот же день, 31 июля 1914 года, в Германии было объявлено «положение, угрожающее войной». Германия предъявила России ультиматум: прекратить призыв в армию, или Германия объявит войну России. Франция, Австро-Венгрия и Германия объявили о всеобщей мобилизации. Германия начала стягивать войска к бельгийской и французской границам.

При этом утром 1 августа министр иностранных дел Англии Эдуард Грей пообещал немецкому послу в Лондоне, что в случае войны между Германией и Россией Англия останется нейтральной, при условии, что Франция не будет атакована. Тремя днями ранее, когда кайзер (в немецком языке титул «der Kaiser» соответствует титулу «император») 28 июля обещал Англии не захватывать французские территории в случае ее нейтралитета, Грей 30 июля отверг это «позорное предложение» в палате общин.

1 августа Германия объявила войну России, в тот же день немцы вторглись в Люксембург. 2 августа германские войска окончательно оккупировали Люксембург, и Бельгии был выдвинут ультиматум о пропуске германских армий к границе с Францией. На размышления давалось всего двенадцать часов.

3 августа Германия объявила войну Франции, обвинив ее в «организованных нападениях и воздушных бомбардировках Германии» и «в нарушении бельгийского нейтралитета».

3 августа Бельгия ответила отказом на ультиматум Германии.

4 августа германские войска вторглись в Бельгию. Король Бельгии Альберт обратился за помощью к странам-гарантам бельгийского нейтралитета. Лондон направил в Берлин ультиматум: прекратить вторжение в Бельгию, или Англия объявит войну Германии. По истечении срока ультиматума Великобритания объявила войну Германии и направила войска на помощь Франции.

6 августа Австро-Венгрия объявила войну России.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Первая мировая война шла в 1914–1918 гг. Шла она за передел мира между двумя военно-политическими блоками европейских держав – Антантой (Великобритания, Франция, Россия) и Четверным союзом (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария). Германия хотела установить свое господство в Европе, Австро-Венгрия – расширить сферы влияния на Балканах, Франция – вернуть себе Эльзас и Лотарингию и т. д.

В США в это время после республиканцев Теодора Рузвельта и Уильяма Тафта президентом стал демократ Томас Вудро Вильсон.

В начале войны в США доминировало стремление сохранить нейтралитет. Это объясняется тем, что в сознании американцев глубоко укоренилась изоляционистская традиция, согласно которой США должны были избегать прямого вовлечения в европейские конфликты. В пользу сохранения нейтралитета говорила и относительная слабость вооруженных сил США, особенно их сухопутной армии, явно не готовой к крупномасштабной войне. Но главное – нейтралитет был чрезвычайно выгоден США. В самом деле, масштабные военные поставки в Европу (а эта материальная помощь, конечно же, была не безвозмездной) принесли американским корпорациям гигантские прибыли и позволили США превратиться к концу войны во всемирного кредитора.

Однако Томас Вудро Вильсон, ставший президентом 4 марта 1913 года, стал склоняться к тому, что победа Германии в этой войне не будет соответствовать государственным интересам США. Шокированный разрушительным характером конфликта и озабоченный его возможными неблагоприятными последствиями для США, он попытался выступить в качестве посредника между противоборствующими сторонами. Но воюющие государства не отнеслись к его предложениям серьезно.

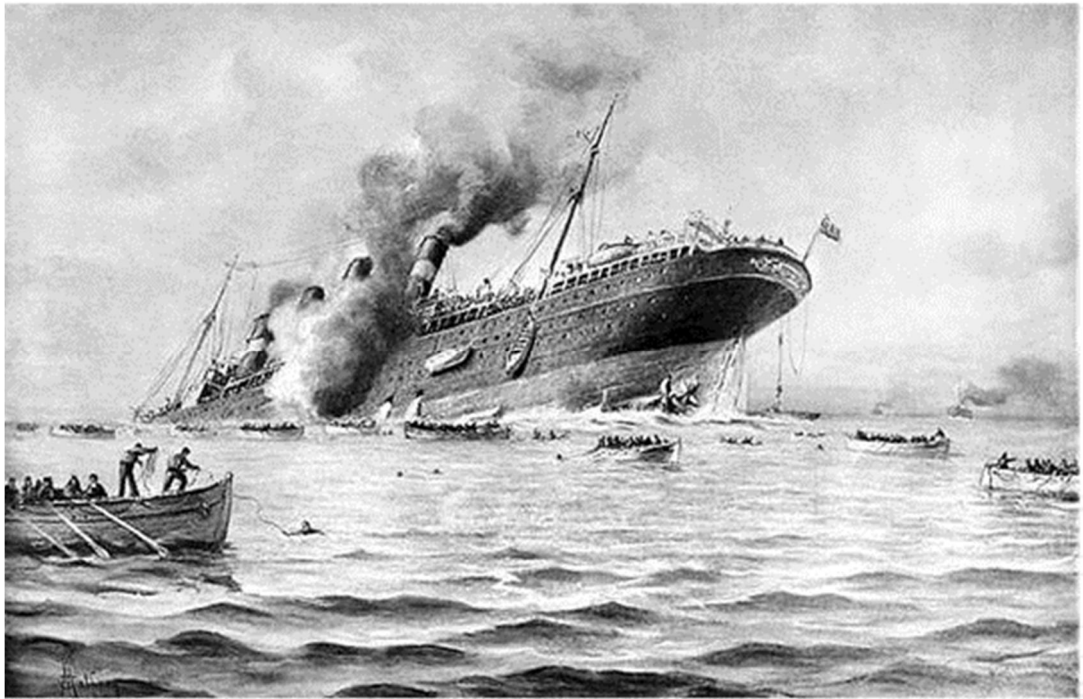
Америке выпала огромная привилегия – исполнить свою судьбу и спасти мир.

ТОМАС ВУДРО ВИЛЬСОН

До поры до времени Великобритания контролировала обстановку в Мировом океане, позволяя нейтральным странам вести торговлю и одновременно блокируя германские порты. Со своей стороны, Германия

пыталась прорвать блокаду, применяя новое эффективное оружие – подводные лодки.

А 7 мая 1915 года немецкая подводная лодка U-20 под командованием капитана Вальтера Швигера потопила британский пассажирский лайнер «Лузитания». После получения пробоины и серии взрывов «Лузитания» потеряла ход, резко накренилась и ушла под воду всего за 18 минут. При этом погибло более тысячи человек, из них 124 американца (спасли удалось 761 человека). Это вызвало бурю эмоций в США.

Гибель лайнера «Лузитания»

После этого президент Вильсон объявил Германии, что неспровоцированные нападения подводных лодок на суда нейтральных стран являются нарушением общепринятых норм международного права и должны прекратиться. Германия в начале 1917 года вроде бы согласилась остановить подводную войну, тем не менее, в феврале и марте было потоплено еще несколько американских кораблей. В результате 6 апреля 1917 года Конгресс США объявил войну Германии.

Наступление британских войск

К этому времени Германия уже захватила Люксембург и вторглась в Бельгию, поправ бельгийский нейтралитет. После этого в войну вступила Великобритания и еще десятки государств. Война стала мировой.

К 20 августа 1914 года немцы вышли к границам Франции. Они начали быстро продвигаться вглубь страны, но 5 сентября они были остановлены у реки Марна, где произошло сражение, в котором с обеих сторон участвовало около 2 млн человек.

Марнские такси

Удивительно, но французы в этом сражении отметились тем, что для быстрой переброски войск использовали 1300 парижских такси марки «Рено».

Немцы потеряли на Марне около 250 000 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Потери французов тоже составляли не менее 250 000 человек (из них около 80 000 убитыми). Великобритания потеряла 13 000 человек (из них 1700 убитыми).

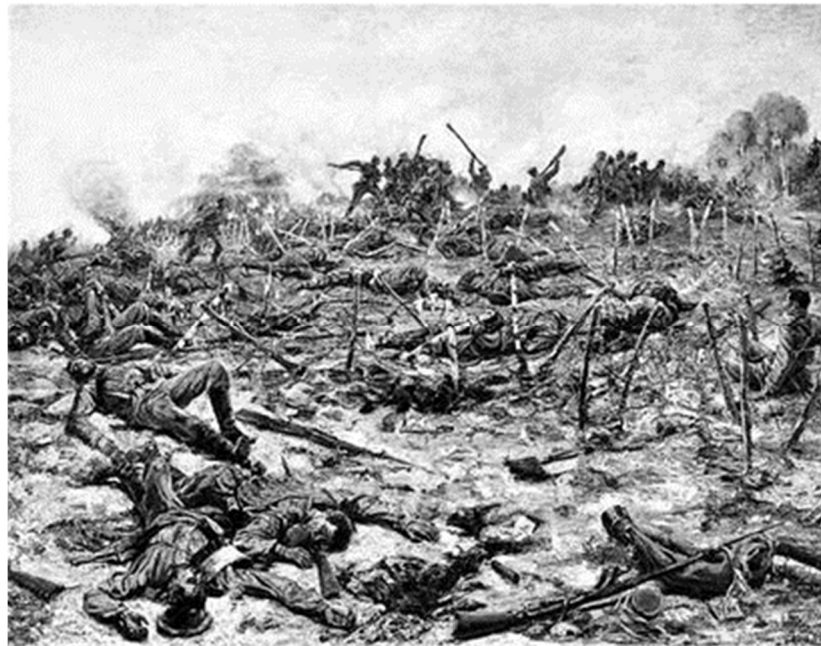
С началом войны в Европе возникло три фронта: Западный, Восточный и Балканский. В октябре 1914 года в войну на стороне Германии вступила Турция, и образовался фронт в Закавказье.

На Восточном фронте Германия отбила наступление русских в Восточной Пруссии, а в августе – сентябре Россия предприняла наступательную операцию на Галицию, которую занимали австро-венгерские войска. Галицийская операция оказалась более успешной, чем наступление в Восточной Пруссии, и Австро-Венгрия потерпела катастрофическое поражение: 300 000 человек убитыми и ранеными, 100 000 плененных, около 600 орудий потеряно.

Зенитная артиллерия в окопах (Восточная Франция)

После этого Австро-Венгрия фактически вышла из войны, и от полного разгрома империю спасла только помощь Германии, которая была вынуждена перебросить в Галицию дополнительные дивизии.

Ужас войны. Дошли! Атака русской пехоты на германские окопы. Худ. П. П. Карягин

В 1915 году Германия решила перенести основной удар на Восточный фронт, направив все силы на войну с Россией. Этот стратегический план разработал генерал Пауль фон Гинденбург. Однако России удалось сорвать этот план – только ценой колоссальных потерь.

В 1915 году в войну вступила Италия – она объявила о начале войны против Австро-Венгрии. Потом к войне подключилась Болгария, и стало очевидно, что Первая мировая затянется надолго.

Генерал Жозеф Жоффр награждает солдат после битвы при Вердене (март 1916 года)

В феврале 1916 года Германия начала генеральное наступление на Францию, с целью захвата Парижа. Для этого был осуществлен поход на Верден, прикрывавший подступы к французской столице. Кровавое сражение длилось до конца 1916 года. В ходе этой операции погибло до 750 000 солдат и офицеров Англии и Франции, а также до 450 000 солдат и офицеров Германии, за что это сражение получило название «Верденская мясорубка». Но Франция устояла – благодаря тому, что на выручку ей пришла Россия, которая активизировалась на Юго-Западном фронте.

Британский фельдмаршал Дуглас Хэйг в битве на Сомме

В мае 1916 года русские войска перешли в наступление, которое продолжалось два месяца. В историю это наступление вошло под названием «Брусиловский прорыв». Армия под руководством генерала А. А. Брусилова прорвала австро-венгерский фронт на линии Луцк – Черновцы. Русские войска заняли большую часть Галиции и Буковину. Потери немцев и австрийцев были катастрофическими: 1,5 млн убитых, раненых и пленных. Значение «Брусиловского прорыва» огромно: он был предпринят для оказания помощи союзникам, и он вынудил Германию перебросить серьезные силы на русский фронт, что облегчило положение союзников.

Алексей Алексеевич Брусилов

На Северо-Западном фронте в это время продолжались позиционные бои. Что же касается Кавказского фронта, то там основные события шли с начала 1916 года по апрель. За это время у турок были захвачены стратегически важные Эрзурум и Трапезунд.

И вот в 1917 году в войну вступили Соединенные Штаты. Следует отметить, что они при этом не подписывали никаких союзнических соглашений с Великобританией или Францией, предпочитая действовать самостоятельно – как «ассоциированная» страна.

После вступления в войну США незамедлительно расширили масштабы экономической и военно-морской помощи странам, воевавшим против Германии, и начали подготовку экспедиционного корпуса для вступления в боевые действия на Западном фронте. Плюс впервые в истории США был принят закон о всеобщей воинской повинности.

Командующим американскими экспедиционными силами в Европе был назначен генерал Джон Першинг по прозвищу Черный Джек (Black Jack) – выпускник академии Вест-Пойнт и служака, приходивший в ярость от малейшего нарушения военных регламентаций.

Первые американские войска оказались во Франции в июне 1917 года, но лишь в октябре на линию фронта прибыла первая полноценная дивизия. И поначалу действия плохо обученных американцев вызывали недовольство генералов Антанты (от французского слова «entente» – соглашение), однако США настояли на том, чтобы воевать в Европе

самостоятельно, лишь пользуясь поддержкой союзной артиллерии и авиации. Через некоторое время американцы стали воевать более уверенно и вместе с союзниками приняли участие во втором сражении на Марне летом 1918 года. А в сентябре 1918 года Джон Першинг руководил Сен-Миельской операцией. Это была первая самостоятельная операция американской армии в Первой мировой войне.

В октябре того же года американские войска во Франции были разделены на две армии, и Першинг был назначен главнокомандующим всеми американскими войсками в Европе. Эти армии приняли участие в общем наступлении, содействуя оттеснению немцев к границам Германии.

Германия не могла эффективно воевать на два фронта, в результате чего она перешла к обороне.

Со своей стороны, летом 1917 года русская армия перешла в наступление в районе Львова. Но Россия, измотанная войной и потерями, не хотела больше воевать. Русская армия уже давно испытывала сложности, вызванные тем, что военная промышленность не могла обеспечить ее должным количеством оружия, боеприпасов и амуниции.

Позиции германских войск

6 июля Германия перешла в контрнаступление, и в его результате 150 000 русских солдат погибло. Фронт развалился. Все в России требовали выхода из войны, и это стало одним из их главных требований к большевикам, которые в октябре 1917 года захватили власть. В результате был издан декрет «О мире», а 3 марта 1918 года российская делегация подписала очень тяжелый для России Брестский мир.

Решающие события в Первой мировой войне произошли осенью. Страны Антанты совместно с США перешли в решительное наступление. Немецкая армия была полностью вытеснена из Франции и Бельгии. В октябре Австро-Венгрия, Турция и Болгария заключили перемирие с Антантой, и Германия осталась воевать в одиночестве. Ее положение стало безнадежным, а вылилось это в то же, что произошло и в России: 9 ноября 1918 года кайзер Вильгельм II был свергнут и бежал в Голландию.

11 ноября 1918 года Первая мировая война завершилась. Истощенная Германия подписала полную капитуляцию. Произошло это под Парижем, в Компьенском лесу. Капитуляцию принимал французский маршал Фердинанд Фош.

Окончательный договор о мире был подписан в Версале 28 июля 1919 года. Договор клеймил немцев как нацию-агрессора, возложив на них всю ответственность за начало мировой бойни. Германию обязали выплатить огромную контрибуцию. Плюс Германия потеряла 1/8 часть своей территории. Она также лишилась всех своих колоний (они были разделены между победителями в войне), и было ограничено право страны иметь вооруженные силы (Германии запретили иметь армию численностью свыше 100 000 человек, и на все виды вооружений были наложены жесткие ограничения). Была создана суверенная Польша с доступом к морю, восстановлена Бельгия, Франции были возвращены Эльзас и Лотарингия, а народы Австро-Венгерской империи получили независимость.

Настало время подводить и печальные итоги. В этой войне более 10 млн человек было убито и 20 млн человек искалечено. Жертвы среди мирного населения, пострадавшего от эпидемий, голода, холода и других бедствий военного времени, также исчислялись десятками миллионов.

Ни одна из войн в истории человечества не погубила столько жизней, как эта. Но еще большими были моральные потери. Силы, как яд убивающие душу и тело, были доведены до совершенства. Моральные последствия были столь же ужасны, что и физические...

МАХАТМА ГАНДИ

индийский политический деятель

Понятно, что закончившаяся война, завершившаяся разгромом Германии и ее союзников, кардинально изменила соотношение сил в мире. Как это обычно бывает, горе и страдания одних обернулись процветанием других: за годы войны в США, например, появилось около 17 000 новых миллионеров.

Создается впечатление, что в 1914–1918 гг. происходили две очень разных войны. Первая – война солдат, матросов и летчиков, торговых флотов и гражданского населения во время оккупации, когда страдания и беды отдельных людей превосходили все мыслимые пределы, особенно в окопах на передовой. Другую вели главы государств и министры, пропагандисты и идеологи, в тесном сплетении идеологий и политических и территориальных амбиций определяя будущее империй, народов и целых наций так же неотвратно, как и на полях сражений. В определенные моменты, особенно в 1917 и 1918 гг., война армий соединялась с войной идеологий, приводя к революциям и капитуляциям, вызывая к жизни новые политические и национальные силы. Война изменила карту мира и судьбу Европы, оставив шрамы на ее теле и страх в ее душе.

МАРТИН ГИЛБЕРТ

британский историк

Часть пятая Новейшее время

После Первой мировой войны началось Новейшее время. Так называется период в истории человечества с 1918 года по настоящее время. Термин этот был введен в обиход немецким философом Гегелем, а в нашей исторической науке всегда было принято считать началом новейшей истории 1917 год, когда произошла Октябрьская революция, поскольку это было самым значимым событием для страны.

Между двумя мировыми войнами имел место межвоенный период, или Интербеллум – Interbellum (от латинских слов «inter» – «между» и «bellum» – «война»). И многие историки считают этот период первым этапом Новейшего времени.

Правда, другие историки утверждают, что Новейшее время (или новейшая история) началось с начала XX века, и это лишнее подтверждает, что любая периодизация в истории является в значительной степени условной.

Как бы то ни было, была еще и Вторая мировая война, начавшаяся 1 сентября 1939 года и длившаяся до 2 сентября 1945 года. Это был крупнейший вооруженный конфликт в истории человечества.

ЧТОБЫ БЫЛО ПОНЯТНО

Во Второй мировой войне, длившейся шесть лет, участвовали 62 государства из 73 существовавших на тот момент (80 % тогдашнего населения земного шара). Боевые действия велись на территории трех континентов и в водах четырёх океанов. Это единственный конфликт, в котором было применено ядерное оружие. Общее количество погибших в этой войне составило 24,4 миллиона солдат и офицеров, ранено было 37,5 миллиона человек, в плен попало 28,7 миллионов человек. У СССР было убито, по разным оценкам, от 8,8 до 10,9 миллиона солдат и офицеров, ранено было 15,6 миллиона человек, в плен попало от 4,6 до 5,7 миллиона человек. У Германии было убито от 4,4 до 5,3 миллиона солдат и офицеров, ранено было 5,4 миллиона человек, в плен попало 4,1 миллиона человек.

Вторая мировая война

Началось все 1 сентября 1939 года, когда немцы, предварительно организовав провокацию на границе, напали на Польшу, у которой имелись договоры о взаимопомощи с Великобританией и Францией. И последние, вопреки ожиданиям Адольфа Гитлера, 3 сентября объявили Германии войну.

Польские войска ничего не смогли противопоставить мощной армии агрессора, и через две недели после начала военных действий Польша была оккупирована, и на ее месте создали генерал-губернаторство, управляемое немцами. Что же касается Западной Белоруссии и Западной Украины, входивших тогда в состав Польши, то после ее капитуляции Красная армия вошла на эту территорию, и она была включена в состав Советского Союза.

На Западном фронте в это время пока царило относительное спокойствие, и англо-французские войска не предпринимали никаких активных действий против Германии, хотя имели значительный численный перевес. События, а точнее – их отсутствие на Западном фронте, получили потом название «странная война».

После быстрого захвата Германией Польши наступило затишье, длившееся шесть месяцев. Те, кого ввело в заблуждение поверхностное впечатление от событий этого времени, называли этот период «странная война», хотя правильнее было бы назвать его «зима иллюзий». Ведь руководители и общественность западных держав без усталости строили радужные планы нанесения ударов по флангам Германии и... слишком открыто говорили об этом.

БЭЗИЛ ЛИДДЕЛ ГАРТ

британский военный историк

В конце ноября началась война на севере Европы. Советское правительство, потеряв надежду на урегулирование пограничного конфликта^[11] с Финляндией путем переговоров, решило добиться своего силой. В результате 28 ноября 1939 года СССР вдруг объявил о денонсации мирного договора 1920 года и Пакта о ненападении с Финляндией 1932 года, срок действия которого истекал в 1945 году. А 30 ноября 1939 года Красная армия приступила к военному вторжению на финскую территорию.

Эта война оказалась неудачной для СССР. Плюс серьезно пострадал престиж страны, ибо разразился скандал, ставший поводом для исключения СССР из Лиги Наций.

Советскому Союзу поставили в вину бомбардировки финских гражданских объектов (в подавляющем большинстве случаев они происходили из-за недостаточной точности сброса бомб).

14 декабря 1939 года была созвана 20-я сессия Ассамблеи Лиги Наций. По инициативе Аргентины в повестку заседания был внесен вопрос об исключении Советского Союза. В конечном итоге из 40 государств – членов Лиги Наций за проект резолюции Ассамблеи проголосовали 28 государств (в том числе Великобритания и пять британских доминионов, а также Франция и две ее подмандатные территории). Воздержались 9 государств (Швеция, Норвегия, Дания, Латвия, Эстония, Литва, Болгария, Китай и Швейцария), представители остальных стран (в том числе СССР) отсутствовали.

Советский Союз отреагировал на свое исключение заявлением ТАСС от 16 декабря 1939 года. В нем говорилось, что, «по мнению советских кругов, это нелепое решение Лиги Наций вызывает ироническую улыбку, и оно способно лишь оскандалить его незадачливых авторов». Говорилось также о том, что решение это было принято под диктовку правящих кругов Англии и Франции, что никто не имеет ни морального, ни формального права говорить об «агрессии» СССР и об осуждении этой «агрессии», ибо тех же Англия и Франция «держат в своем подчинении давно уже захваченные ими громадные территории в Азии и в Африке».

Особо указывалось на то, что за исключение СССР проголосовало лишь 7 из 15 членов Совета (Великобритания, Франция, Бельгия, Боливия, Египет, Южно-Африканский Союз и Доминиканская Республика), то есть меньшинство, причем последние три страны – члена Совета были избраны лишь за сутки до голосования, в чем Советский Союз усмотрел мошеннический умысел. Остальные же 8 членов Совета либо воздержались (Греция, Югославия, Китай и сама Финляндия), либо

отсутствовали (среди них Перу, Иран и Норвегия). Таким образом, Лига Наций нарушила свои же уставные положения.

Кроме того, СССР обвинил Лигу Наций в потакании интригам Великобритании и Франции. Плюс было выражено негодование в связи с тем, что случайно подобранные «представители» 127 миллионов населения «исключили» СССР с его 183 миллионами населения.

В выводной части заявления ТАСС говорилось:

«Этими скандальными махинациями представители Англии и Франции в Лиге Наций окончательно подорвали всякий политический и моральный вес своего голосования 14 декабря. Несомненно, что подобные скандальные махинации могли быть продиктованы лишь той атмосферой политической реакции и морального упадка, которая царит теперь в «сферах» Лиги Наций. Чего стоят решения Лиги Наций, принятые в подобной атмосфере – нетрудно понять».

Несмотря ни на что, СССР удалось в марте 1940 года завершить эту войну, и финская граница была отодвинута от Ленинграда, Мурманска и Мурманской железной дороги.

А в апреле 1940 года неожиданно завершилась «странная война». 9 апреля немцы оккупировали Данию и высадились в Норвегии. А 10 мая они, в обход «линии Мажино», вторглись в Бельгию и Голландию, а уже оттуда – в Северную Францию. В районе Дюнкерка англо-французская группировка войск была окружена, и немцы стремительно стали продвигаться к Парижу. 10 июня 1940 года правительство трусливо бежало из Парижа, а через несколько дней его возглавил маршал Филипп Петен, который тут же обратился к Германии с просьбой о мире.

Война в это время неумолимо набирала обороты. В том же 1940 году агрессию против Британского Сомали, Египта и Греции осуществила Италия. А 27 сентября 1940 года Германия, Италия и Япония подписали Тройственный пакт о разделе мира. В орбиту этого пакта были вовлечены также Венгрия, Румыния и Болгария. Началась война и на Дальнем Востоке – в Китае.

Весной 1941 года в центре конфликта оказалась Югославия. Под нажимом Гитлера правительство Югославии подписало протокол о присоединении к Тройственному союзу, и это спровоцировало волну возмущения по всей стране. Правительство пало, а 6 апреля немецкие войска вторглись в Югославию, и вскоре она оказалась под контролем оккупантов.

Войска вермахта вторгаются на территорию СССР

Как известно, 22 июня 1941 года немецкие войска вероломно перешли советскую границу, и в хронологии Второй мировой войны начался период, который получил название Великая Отечественная война.

Гитлер на этом направлении планировал завершить войну за 8–10 недель, и этот его план назывался так – План «Барбаросса». Он был составной частью так называемого блицкрига (от немецких слов «Blitz» – молния и «Krieg» – война), то есть скоротечной (молниеносной) войны, в которой противник просто не успевает мобилизовать и развернуть свои основные силы.

На первых порах Красная армия несла тяжелые потери. Немцы быстро продвигались вглубь страны. Ожесточенные бои шли по всему Восточному фронту, но главный удар Гитлер готовил нанести на

московском направлении. В декабре 1941 года немецкие войска подошли к Москве.

Немецкое вторжение в СССР – это выдающееся в военном отношении событие. Еще никогда прежде не предпринималось наступление в таких масштабах, когда за такое короткое время преодолевались такие огромные расстояния <...> Но берусь предсказать, что немецкое наступление в России окончится провалом. Рано или поздно, в одном или другом месте оно неизбежно выдохнется и захлебнется.

ДУГЛАС МАКАРТУР

американский генерал

Но взять Москву штурмом им не удалось. А 5 декабря советские войска перешли в контрнаступление. Таким образом, расчеты немецкого командования на молниеносный разгром Советского Союза провалились.

Советские зенитчики на крыше гостиницы «Москва». На заднем плане виден замаскированный Кремль

Перелом в войне наметился летом – осенью 1942 года. А потом развернулось судьбоносное Сталинградское сражение, исход которого во многом определил общий итог войны.

Взятые в плен под Сталинградом немецкие, итальянские, венгерские и другие военнослужащие (1943)

Под Сталинградом были окружены 22 фашистские дивизии численностью более 300 000 человек. 2 февраля 1943 года эта группировка была ликвидирована. В плен сдались 24 генерала и фельдмаршал Паулюс, а общие потери вермахта в Сталинградской битве составили около 1,5 млн человек. Также было потеряно около 2000 танков и штурмовых орудий, более 10 000 орудий и минометов, до 3000 боевых и транспортных самолетов и свыше 70 000 автомобилей.

Одновременно фашисты были изгнаны с Северного Кавказа.

Зима в России создала огромное напряжение для немецких войск и истощила их силы настолько, что они так больше и не оправились. И все же в 1942 году у Гитлера еще были значительные шансы на победу. Новое наступление позволило немцам выйти к кавказским нефтеносным районам, от возможности использования которых зависела вся военная машина России. Гитлер, однако, поставил перед войсками сразу две цели – Кавказ и Сталинград. Когда продвижение на Кавказе было остановлено, фюрер измотал свои войска в упорных атаках по овладению «городом Сталина», в атаках, проводившихся из чистого самолюбия. Зимой Гитлер объявил приказ, запрещающий отводить войска с занимаемых позиций. Этот приказ обрек армии, наступавшие на Сталинград, на окружение и разгром свежими силами русских, которые были подтянуты сюда в конце года. Катастрофа под Сталинградом

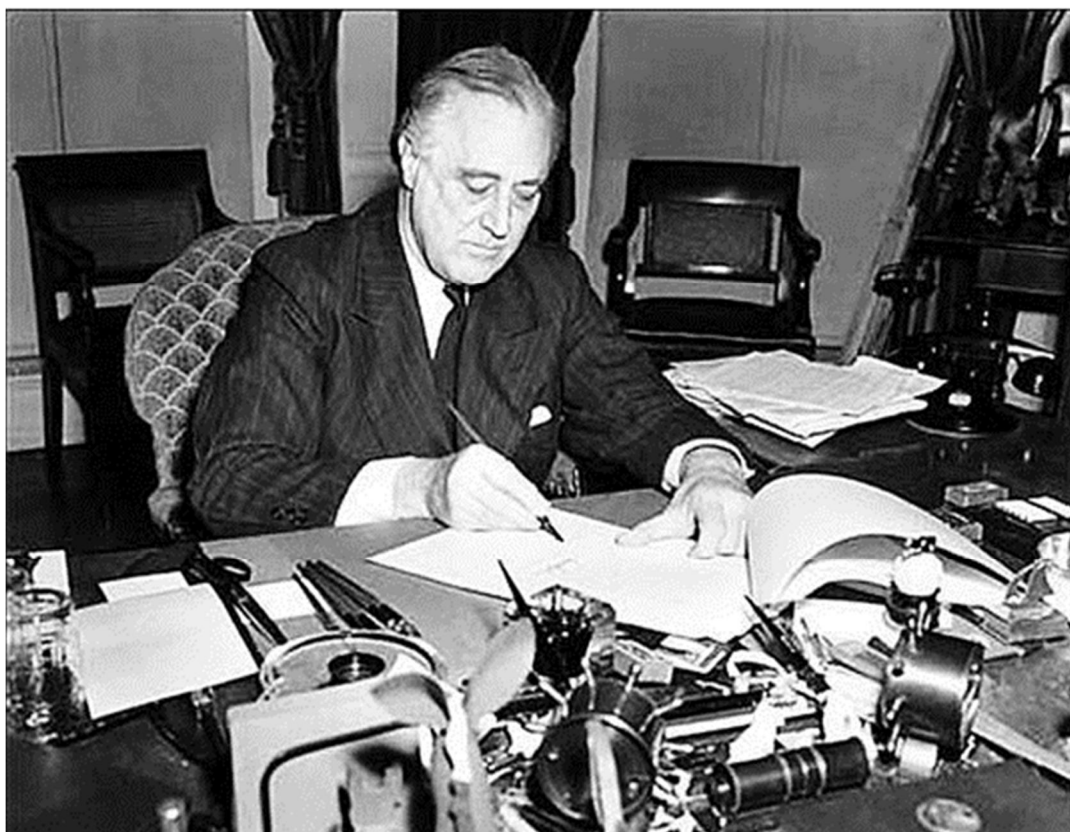
вынудила немцев вести боевые действия на таком широком фронте, который им уже оказался не под силу.

БЭЗИЛ ЛИДДЕЛ ГАРТ

британский военный историк

Когда началась Вторая мировая война, Соединенные Штаты, как и во время Первой мировой войны, долго не вступали в нее.

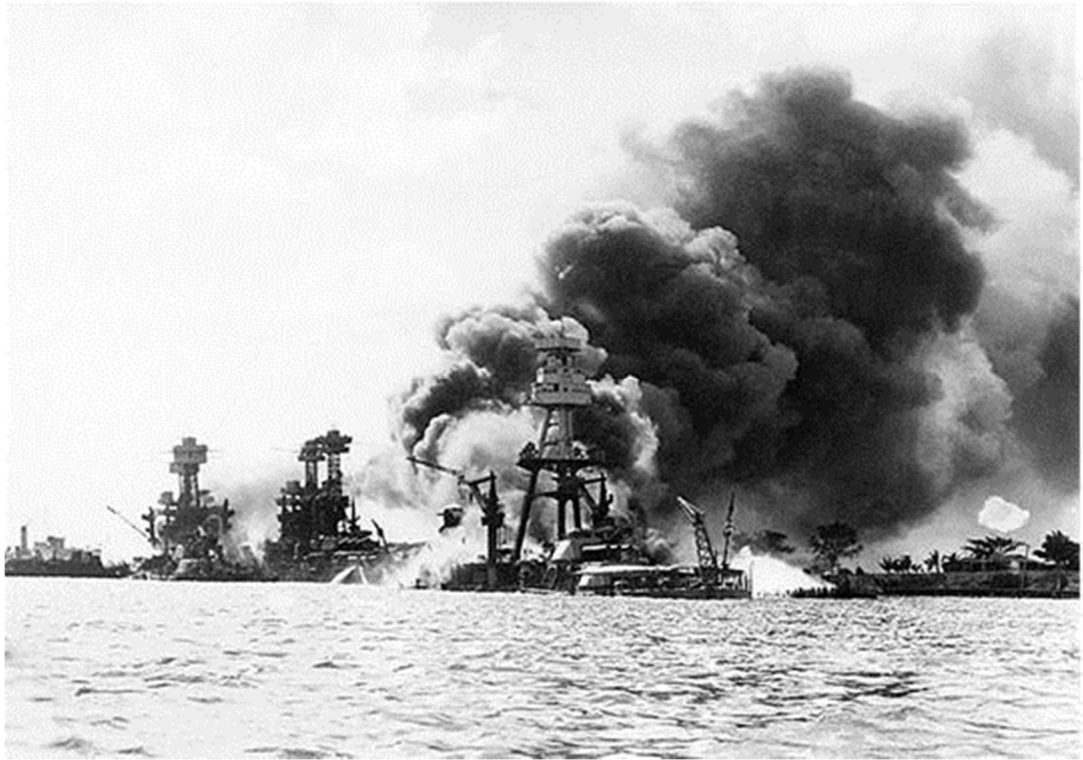
Президент Рузвельт не пытался отказаться от нейтралитета и предпочитал сосредоточиться на обороноспособности своей страны. Однако уже в сентябре 1940 года он обнаружил желание сделать все необходимое для разгрома Германии. Потом Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль встретились у побережья Ньюфаундленда на борту американского крейсера «Огаста» и согласовали пути «достижения лучшего будущего для человечества».

Президент Рузвельт подписывает закон о ленд-лизе

После этого США по программе ленд-лиза (от английских слов «lend» – давать в займы и «lease» – сдавать в аренду) начали оказывать помощь Великобритании вооружением, продовольствием, медицинским оборудованием и лекарствами, а также стратегическим сырьем, включая нефтепродукты^[12].

Соединенные Штаты также поддерживали Китай, который вел войну с Японией, и объявили эмбарго на поставки нефти в Японию. При этом японцы отвергли требование США о выводе войск из Китая. И в июле 1940 года администрация Рузвельта наложила эмбарго на поставки Японии, а та в ответ оккупировала северную часть Индокитая и заключила трехсторонний пакт с Германией и Италией.

Ряд линкоров в Пёрл-Харборе. Слева направо: линкоры «Западная Виргиния», «Тенесси» (повреждены) и «Аризона» (потоплен)

В июле 1941 года, после завершения японской оккупации французского Индокитая, США заморозили японские активы в своих банках и еще более сократили объем торговли с Японией. А в воскресенье, 7 декабря 1941 года, Япония неожиданно напала на американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харборе. В ходе этого вероломного нападения японскими самолетами были потоплены 4 линкора, 2 эсминца и один минный заградитель. Серьезные повреждения получили 4 линкора, 3 легких крейсера и один эсминец. По сути, в течение двух часов США фактически потеряли свой Тихоокеанский военный флот. 2400 американских военнослужащих погибли и почти 1200 были ранены. На аэродромах было уничтожено 188 и повреждено 128 американских самолетов. Для сравнения: японская авиация от огня зенитной артиллерии и в воздушных боях потеряла утром 7 декабря всего 29 самолетов.

За этой чудовищной акцией последовали японские атаки на американские базы на Филиппинах, в Гонконге, на островах Гуам и Уэйк, на архипелаге Мидуэй.

Выступая перед конгрессом на следующий день после нападения на гавайский Пёрл-Харбор, президент Рузвельт назвал случившееся «днем вечного позора». Конгресс отреагировал объявлением войны Японии, а спустя три дня войну США объявили Германия и Италия.

Война – это грубый, бесчеловечный и абсолютно непрактичный метод выяснения отношений между правительствами.

ФРАНКЛИН ДЕЛАНО РУЗВЕЛЬТ

В Африке 8 ноября 1942 года американские войска под командованием генерала Дуайта Эйзенхауэра в составе трех корпусов при поддержке одной британской дивизии высадились на Атлантическом побережье Марокко и на Средиземноморском побережье в Алжире. И к маю 1943 года немецкие и итальянские войска в Северной Африке были разбиты.

А незадолго до этого, в январе 1943 года, Рузвельт и Черчилль встретились в Касабланке и приняли два важных решения. Первое из них касалось ожидаемого окончания войны: договаривающиеся стороны постановили, что будут требовать «безоговорочной капитуляции» противника. Второе решение определяло ближайшие планы союзников: решено было ввести войска не во Францию (как предполагалось ранее), а на Сицилию и затем продвигаться на север через Италию.

Пока же американские и британские армии пересекли Северную Африку и в мае 1943 года захватили Тунис. В июле 7-я американская и 8-я английская армии успешно высадились на южном побережье Сицилии и в течение пяти недель захватили остров. Бенито Муссолини был отстранен от власти и брошен в тюрьму (правда, позже нацисты сумели его выволить). Пришедшее на смену правительство во главе с маршалом Пьетро Бадольо начало тайные переговоры с американским командованием на предмет заключения перемирия. 8 сентября Бадольо официально объявил о безоговорочной капитуляции Италии, а 9 сентября 1943 года 5-я американская армия высадилась в районе Салерно.

Однако понадобилось девять долгих и трудных месяцев, чтобы союзники достигли Рима и в июне 1944 года захватили итальянскую столицу.

Затем для согласования военных планов главы союзных государств (так называемой Большой тройки) Сталин, Рузвельт и Черчилль в ноябре – декабре 1943 года встретились в столице Ирана Тегеране. Согласно решению Тегеранской конференции, второй фронт войны с Германией был открыт 6 июня 1944 года, когда войска США, Великобритании и Канады высадились в Нормандии. Операция закончилась 31 августа освобождением всей северо-западной части Франции.

И вот 6 июня 1944 года, после полутора лет пустых обещаний, долгожданный второй фронт был открыт. Более 100 тысяч солдат союзников и 30 тысяч машин высадились на берегу Нормандии. 9 тысяч солдат погибло уже во время высадки. Тем временем советские войска, несмотря на тяжелейшие потери, заняли большую часть Центральной Европы. Теперь союзные силы наступали на Германию с запада и востока. Победа была уже не за горами.

ОЛИВЕР СТОУН И ПИТЕР КУЗНИК

авторы книги «Нерассказанная история США»

Оборона немецких войск была обречена. Оставалась надежда – в первые же дни сбросить союзников в море, однако танковые соединения из резерва немецкого верховного командования прибыли слишком поздно. Заслуга в этом принадлежит и союзной авиации, обладавшей на этом театре войны тридцатикратным превосходством в силах над немецкой авиацией. Даже если бы немцам удалось отразить вторжение, превосходство союзников в воздухе было настолько велико, что Германия не выдержала бы ударов союзной авиации.

БЭЗИЛ ЛИДДЕЛ ГАРТ

британский военный историк

Париж был освобожден 25 августа. А 15 августа американско-французские войска высадились на юге Франции, где освободили города Тулон и Марсель.

Американские солдаты на побережье Нормандии. Утро 6 июня 1944 года

За это время на Восточном фронте советские войска, одержав победу под Сталинградом, сокрушили гитлеровцев на Курской дуге, в ноябре 1943 года освободили Киев и продолжили победоносное шествие на Запад.

За время летне-осеннего наступления была разгромлена половина гитлеровских дивизий, освобождены значительные территории страны.

А с начала 1944 года Красная армия развернула мощное наступление на всех фронтах. К осени большая часть территории Советского Союза была освобождена от оккупантов, и война была перенесена за пределы страны.

Гитлеровский блок стал стремительно разваливаться: в 1943 году из войны вышла Италия, в августе 1944 года пал фашистский режим в Румынии, 9 сентября вспыхнуло восстание в Болгарии, а 19 сентября было подписано перемирие с Финляндией.

Тем временем ситуация на западе Европы вновь обострилась. Надежды союзников на скорую победу растаяли, поскольку Гитлер подготовил контрнаступление 1944 года в Арденнах.

Никогда прежде американским солдатам не доводилось видеть ничего подобного. По количеству загубленных жизней данное сражение не имело себе равных в американской истории. По данным министерства обороны США, американские войска потеряли 89 500 человек, в том числе 19 000 убитыми, 47 500 ранеными и 23 000 пленными и пропавшими без вести. Официальный доклад американского Государственного департамента армии США содержит 108 347 фамилий убитых, раненых, плененных и пропавших без вести.

Генерал Эйзенхауэр во время войны

При этом потери британцев составили всего 1408 человек. Такое соотношение потерь вызвало серьезные разногласия в военном руководстве союзников. Например, генералы армии США Омар Нельсон Бредли и Джордж Паттон вообще грозили уйти в отставку, если британец Бернارد Лоу Монтгомери продолжит руководить. Особенно критика генералов США усилилась после того, как сэр Монтгомери присвоил себе успех всей операции и добавил, что именно британские войска спасли американцев от угрозы окружения. Генералу Дуайту Эйзенхауэру стоило больших усилий погасить этот конфликт.

Но события эти были не напрасны, ибо контрнаступление в Арденнах стало последней полномасштабной военной акцией гитлеровской Германии. Через несколько месяцев война на Западном фронте практически завершилась.

На Восточном же фронте 13 апреля 1945 года советские войска взяли Вену, а 24 апреля началась битва за Берлин. 30 апреля Адольф Гитлер покончил жизнь самоубийством, а 2 мая гарнизон Берлина капитулировал. В ночь с 8 на 9 мая 1945 года нацистская Германия капитулировала. Война в Европе закончилась.

Генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель подписывает акт о безоговорочной капитуляции Германии

А незадолго до этого, в феврале 1945 года, состоялась очередная встреча «Большой тройки»: Рузвельт, Черчилль и Сталин собрались в Ялте на конференцию, чтобы обсудить Тихоокеанский конфликт, а также определить будущее Европы и всего послевоенного мира.

Надо ли говорить, что Сталин чувствовал себя хозяином положения? Его нация безусловно доминировала в Восточной Европе, и Сталин намеревался сохранить контроль над восточноевропейскими странами, дабы впредь обезопасить себя от возможной агрессии. Позиции Соединенных Штатов и Соединенного Королевства были не столь сильны: они увязли в Тихоокеанской войне и явно нуждались в помощи СССР. Этот фактор в значительной степени определил исход переговоров.

ДЭНИЕЛ МАКИНЕРНИ

американский историк

Что же касается Тихоокеанского театра военных действий, то там ситуация для США поначалу складывалась крайне неблагоприятно. Сразу же после нападения на Пёрл-Харбор, 10 декабря 1941 года, японцы начали вторжение на Филиппины, и к апрелю 1942 года полностью их оккупировали. Большая часть находившихся там американских солдат и офицеров попала в плен. Но битва при атолле

Мидуэй 4 июня 1942 года стала переломным моментом в войне на Тихом океане.

Черчилль, Рузвельт (в центре) и Сталин. Ялтинская конференция 1945 года

В октябре 1944 года произошло крупнейшее в истории морское сражение в заливе Лейте (южные Филиппины). Там союзникам впервые довелось столкнуться с самоубийственными атаками японских камикадзе, но это был фанатизм обреченных, и он уже ничего не мог изменить. Японский флот понес там катастрофические потери, после чего американские военно-морские силы получили абсолютное господство на море.

Японская авиация также понесла серьезные потери. 20 октября американцы под командованием генерала Дугласа Макартура начали высадку на острове Лейте и очистили его от японских войск к 31 декабря.

9 января 1945 года американцы высадились на главном острове филиппинского архипелага Лусон. В течение января – февраля большая часть японских войск на Лусоне была разгромлена, а 3 марта – освободили Манилу. К маю большая часть Филиппин была освобождена, лишь остатки японских войск в горах и джунглях продолжали сопротивляться до августа.

19 февраля 1945 года американская морская пехота высадилась на острове Иводзима, где японцы оказали отчаянное сопротивление. Тем не менее к 26 марта остров был захвачен. 1 апреля американские войска высадились на острове Окинава и к 22 июня захватили его.

Японские солдаты сражались отчаянно и храбро. В плен почти никто не сдавался. Они верили, что смерть на поле боя принесет самую высокую честь <...> Всего лишь за пять недель битвы за Иводзиму погиб 6281 американский моряк и морской пехотинец, почти 19 тысяч были ранены. В битве за Окинаву, самом крупном сражении на Тихом океане, 13 тысяч американцев были убиты или пропали без вести, еще 36 тысяч – ранены. С японской стороны жертвы составили 70 тысяч солдат и более 100 тысяч мирных жителей, многие из которых покончили с собой. Американцы были потрясены, когда летчики-камикадзе, волна за волной, направляли свои самолеты на американские корабли в последней отчаянной попытке потопить или хотя бы повредить их.

ОЛИВЕР СТОУН И ПИТЕР КУЗНИК

авторы книги «Нерассказанная история США»

В июле 1945 года союзники предъявили Японии ультиматум, в котором говорилось, что если та откажется капитулировать до 3 августа, то будут предприняты карательные меры в виде «немедленного и полного разрушения». Но Япония отказалась капитулировать. И тогда, 6 августа 1945 года, американский бомбардировщик В-29 сбросил атомную бомбу на Хиросиму, а 9 августа – на Нагасаки, что привело к огромным разрушениям.

Количество погибших от непосредственного воздействия взрыва в Хиросиме составило от 70 000 до 80 000 человек. К концу 1945 года в связи с действием радиоактивного заражения и других отложенных эффектов взрыва общее количество погибших составило от 90 000 до 166 000 человек. По истечении пяти лет общее количество погибших, с учетом умерших от рака и других долгосрочных воздействий взрыва, могло достичь или даже превысить 200 000 человек.

Атомный взрыв над Нагасаки привел к тому, что почти все дома в радиусе 2 км были разрушены. Количество погибших там к концу 1945 года составило от 60 000 до 80 000 человек. По истечении 5 лет, общее количество погибших, с учетом умерших от рака и других долгосрочных воздействий взрыва, могло достичь или даже превысить 140 000 человек.

Это единственный в истории человечества пример боевого использования ядерного оружия.

Американское решение об использовании атомного оружия является одним из самых важных, но и самых спорных событий XX века <...> Принимая решение, президент Трумэн думал в первую очередь о тех многочисленных человеческих жертвах, которых удастся избежать,

благодаря скорейшему окончанию войны. Таким образом, атомную бомбу он рассматривал не как проклятие, а как божий дар, подарок судьбы. Разработанное устройство он планировал применить не только для устрашения японцев, но и в целях давления на Советский Союз.

ДЭНИЕЛ МАКИНЕРНИ

американский историк

После ядерных бомбардировок в войну против Японии вступил Советский Союз. А 15 августа император Хирохито объявил о безоговорочной капитуляции Японии. Акт о капитуляции Японии был подписан 2 сентября 1945 года на борту линкора ВМС США «Миссури». Это положило конец Второй мировой войне.

Большинство американцев считают Вторую мировую «удачной войной», в которой США и их союзники одержали блестящую победу над германскими нацистами, итальянскими фашистами и японскими милитаристами. Но всему остальному миру она запомнилась как самая кровопролитная война за всю историю человечества.

ОЛИВЕР СТОУН И ПИТЕР КУЗНИК

авторы книги «Нерассказанная история США»

Вторая мировая война наложила печать на всю историю мира второй половины XX века. Всего в мире в этой кровавой бойне погибло более 70 млн человек. При этом Советский Союз понес наибольшие потери – в общей сложности 26,6 млн человек. Германия потеряла около 5,5 млн человек. За годы войны миллионы человек покинули прежние места проживания. В Европе в руины были превращены тысячи городов и деревень, были разрушены заводы, фабрики, мосты, дороги, утрачена значительная часть транспортных средств. Огромные площади сельскохозяйственных земель были заброшены, более чем наполовину сократилось поголовье скота.

Именно СССР принял на себя основной удар фашистов, и именно упорное сопротивление Красной армии стало главнейшей причиной поражения Третьего рейха.

Под руководством маршала Иосифа Сталина русский народ показал такой пример любви к родине, твердости духа и самопожертвования, какого еще не знал мир. После войны наша страна всегда будет рада поддерживать отношения добрососедства и искренней дружбы с Россией, чей народ, спасая себя, помогает спасению всего мира от нацистской угрозы.

ФРАНКЛИН ДЕЛАНО РУЗВЕЛЬТ

Итоги Второй мировой войны ужаснули всех, ведь, по сути, военные действия поставили на грань само существование цивилизации. Но фашизм был уничтожен, Советский Союз превратился в ведущую

мировую державу и несколько лет имел в мире непререкаемый моральный авторитет. Чтобы в будущем предотвратить возможность новой мировой войны на Ялтинской конференции была создана Организация Объединенных Наций (ООН). Казалось бы, все шло хорошо и в правильном направлении...

* * *

Однако очень скоро после Второй мировой войны на смену коллективным действиям стран антигитлеровской коалиции пришел раскол мира на две системы, и началась так называемая «холодная война», то есть мировая конфронтация между двумя военно-политическими блоками во главе с СССР и США, только чудом не дошедшая до открытого военного столкновения.

Начало «холодной войны»

Вторая мировая война пришлась на годы президентства демократа Франклина Делано Рузвельта, однако 12 апреля 1945 года этот человек, по праву считающийся одной из центральных фигур в мире середины XX века, скончался от кровоизлияния в мозг.

Рузвельта на посту президента сменил демократ Гарри Трумэн, и этот 33-й президент США продолжил социально-экономические реформы в духе своего предшественника. А еще с его именем связаны упомянутая выше атомная бомбардировка Японии и начало так называемой холодной войны.

Президент США Гарри Трумэн

Истоки «холодной войны» лежат в том, что Вторая мировая война способствовала переоценке основ экономической и политической мощи. Многолетняя бойня значительно ослабила ведущие европейские страны, доведя некоторые из них до полной разрухи. При этом один участник войны сумел усилить свои позиции. Этим государством оказались Соединенные Штаты. В 1945 году США производили половину всех товаров в мире, им же принадлежало ведущее место в оказании международных услуг. Соединенные Штаты стали самым богатым, самым могущественным и процветающим государством на Земле. По всем показателям у США имелся лишь один более или менее достойный соперник, и этим соперником являлся Советский Союз. Обе страны были относительно новыми новичками в мире международной политики, однако это не мешало им контролировать судьбы мира.

Во время войны США и СССР находились в одном лагере, и можно было предположить, что контакты, завязавшиеся в ходе совместной борьбы против фашизма, лишь усилятся в мирное время. Однако, как оказалось, это больше напоминало брак по расчету, чем пламенную любовь. Точнее, это была короткая передышка в тотальном противостоянии. А нормой являлись взаимное недоверие и враждебность в отношениях между двумя мировыми гигантами.

КСТАТИ

Термин «холодная война» впервые употребил Джордж Оруэлл 19 октября 1945 года в статье «Ты и атомная бомба» в британском еженедельнике «Трибьюн». В марте 1946 года тот же Оруэлл писал, что Россия начала вести «холодную войну» против Великобритании. В официальной обстановке термин «холодная война» впервые употребил 16 апреля 1947 года Бернард Барух, советник президента США Гарри Трумэна. Сделано это было в речи перед палатой представителей штата Южная Каролина.

В основе позиции СССР лежало стремление к безопасности. Страна в годы войны пережила такое, что ее руководству хотелось впредь исключить возможность нападения, а для этого необходимо было создать зону устойчивости и защищенности. Это было возможно лишь в плотном окружении дружественных государств со сходным политическим строем. Именно этот фактор предопределил судьбу западных соседей СССР. Им была уготована роль буфера, и агрессивный курс капиталистических держав сыграл в этом далеко не последнюю роль.

Со своей стороны, западные страны стремились к усилению экономического контроля над всеми уголками планеты. Особо активную позицию в этом занимали Соединенные Штаты, которые намеревались по полной программе воспользоваться бедственным положением других стран после Второй мировой войны.

Советскому Союзу необходимо было что-то противопоставить этому коварному плану, и он избрал тактику разжигания революционного самосознания среди подчиненных и угнетенных народов. Сталин и его наследники верили, что проповедуемые ими принципы марксизма-ленинизма принесут освобождение человечеству. Таким образом, советская политика формировалась под воздействием ряда факторов – стремления к внутренней безопасности, внешней угрозы и исторической динамики.

ДЭНИЕЛ МАКИНЕРНИ

американский историк

Американские политики исходили из принципиальной несовместимости советской и американской систем. В СССР был установлен авторитарный режим, основанный на государственной собственности. По мнению американцев, в самой этой системе было заложено ущемление гражданских и имущественных прав людей. Соединенные Штаты, со своей стороны, являлись государством с мощными конституционными ограничениями власти и доминирующей частной собственностью. Американцы свято верили, что подобная система максимально

обеспечивает политические гарантии и дает шанс в жизни каждой отдельно взятой личности. Плюс американцы опасались, что Советский Союз не столько печется о собственной безопасности, сколько стремится установить гегемонию во всем мире.

Выступление Уинстона Черчилля в Фултоне, 5 марта 1946 года

Формальным началом «холодной войны» считается 5 марта 1946 года, когда Уинстон Черчилль (на тот момент уже не занимавший пост премьер-министра Великобритании) произнес свою знаменитую речь в Фултоне (США, штат Миссури), в которой выдвинул идею создания военного союза англосаксонских государств для борьбы с мировым коммунизмом. Но фактически обострение отношений между союзниками началось раньше, и к марту 1946 года оно только усилилось из-за отказа СССР вывести свои войска из Ирана.

В США о Сталине к тому времени говорили как о новом Гитлере, который, прибирая власть к рукам, уничтожает своих политических оппонентов, наращивает военную мощь, нарушает данные обещания и истребляет собственный народ. Вывод – англосаксонские страны должны сплотиться и дать коллективный отпор этой агрессии.

По сути, каждая из сторон была уверена, что уроки истории предписывают отсутствие доверия и агрессивное отношение к противнику. И каждая из сторон вела себя соответствующим образом, тем более что послевоенные события лишь усиливали взаимную подозрительность.

Уже в августе 1949 года, столкнувшись с угрозой атомного нападения, Советский Союз, форсировав работы по созданию собственного ядерного оружия, провел первое испытание советской атомной бомбы.

В 1952 году Соединенные Штаты испытали еще более мощное оружие – водородную бомбу. В ответ СССР испытал аналогичное вооружение в августе 1953 года. США создали стратегические бомбардировщики, а СССР – межконтинентальные ракеты.

С другой стороны, 4 апреля 1949 года в Вашингтоне был подписан договор о создании НАТО (North Atlantic Treaty Organization – Организация Североатлантического договора). Первоначально в состав НАТО вошло 12 государств. Затем, в 1954 году, был создан блок СЕАТО (South-East Asia Treaty Organization – Организация договора Юго-Восточной Азии), в который вошло восемь стран: США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Таиланд, Филиппины. В ответ СССР в 1949 году образовал из стран Восточной Европы Совет Экономической Взаимопомощи, а в 1955 году – военно-политический союз под названием Организация Варшавского договора.

* * *

Стремление двух великих держав любыми средствами изменить соотношение сил в свою пользу приводило к неизбежным столкновениям их интересов в различных уголках Земли. Сложилась ситуация, которую историки и политологи окрестили «конфликтной стабильностью». И она нередко перерастала в острейшие международные кризисы и даже в военную конфронтацию (Суэцкий кризис, события 1956 года в Венгрии, война в Корее, война во Вьетнаме).

Убийство президента Джона Кеннеди

Гарри Трумэн был президентом до 1953 года, а потом его сменил Дуайт Эйзенхауэр, которого, в свою очередь, 20 января 1961 года сменил на посту президента Джон Фицджеральд Кеннеди.

Этот человек склонялся к более реалистическому курсу в отношениях с СССР. Будучи самым молодым американским президентом, он сумел преодолеть инерцию политики «холодной войны» и, проявив государственную мудрость, добился существенного смягчения международной напряженности.

Однако подобная ориентация курса вызвала резкое недовольство консервативных сил, и уже 22 ноября 1963 года 35-й президент США Джон Кеннеди был убит в Далласе (штат Техас). Произошло это в пятницу, в 12:30 по местному времени. Кеннеди был смертельно ранен

выстрелом из винтовки, когда он вместе со своей женой Жаклин ехал в президентском кортеже по Элм-Стрит.

Мужчина делает то, что должен, несмотря на личные последствия, несмотря на затруднения и опасности, и это – основа всей человеческой нравственности.

ДЖОН ФИЦДЖЕРАЛЬД КЕННЕДИ

Основной целью поездки Кеннеди были предвыборные мероприятия: через год предстояли президентские выборы, на которых он собирался бороться за переизбрание.

Из аэропорта «Лав Филд» Кеннеди направился в Далласский торговый центр, где он должен был выступить с речью. Маршрут, по которому должен был двигаться президентский кортеж, был опубликован местными газетами 19 и 21 ноября. Утром 22 ноября специальная служба, ответственная за охрану президента, скорректировала передвижения.

Первоначально предполагалось, что маршрут будет пролегать по Мейн-стрит, но уже по прибытии в Даллас выяснилось, что с нее нет поворота на шоссе Стеммонс. Так что кортежу пришлось сделать два лишних поворота на Дейли-Плаза, чтобы попасть на Элм-стрит.

Из аэропорта кортеж выехал примерно за десять минут до полудня. Он ехал по Мейн-стрит буквально сквозь «живой коридор». Кеннеди, губернатор Джон Конналли и их жены, сидя в лимузине «Линкольн» с открытым верхом, улыбались встречающим и махали им руками.

В 12 часов 30 минут, когда лимузин свернул на Дейли-Плаза, раздались три выстрела. Пули попали в Кеннеди и Конналли. Водитель поспешил в ближайшую больницу, где была официально зафиксирована смерть президента, а раненному в спину губернатору была оказана медицинская помощь.

Президент Кеннеди с супругой в лимузине за несколько минут до выстрелов

Согласно версии ФБР, первая пуля попала в Кеннеди, вторая – в губернатора Конналли, третья – снова в Кеннеди (в голову). По версии комиссии по расследованию убийства Кеннеди, первая пуля попала в Кеннеди и, пройдя навылет, угодила в Конналли, вторая прошла мимо, а третья попала Кеннеди в голову.

Благодаря показаниям свидетелей, вскоре стало ясно, что стрелявший прятался на шестом этаже находившегося рядом книгохранилища, и один из сотрудников, Ли Харви Освальд, бывший морской пехотинец, вышел из здания вскоре после выстрелов. На шестом этаже книгохранилища, за ящиками, обнаружили итальянскую винтовку «Mannlicher-Carcano» с оптическим прицелом и три стреляные гильзы. Как потом выяснилось, на винтовке были отпечатки пальцев Освальда.

Вскоре Освальда остановил на одной из улиц полицейский, но в момент задержания тот убил его. Через некоторое время убийца был задержан в городском кинотеатре и доставлен в полицию.

С момента покушения на Кеннеди до ареста Освальда прошло всего 80 минут. Той же ночью Освальду были предъявлены обвинения в убийстве президента и полицейского.

Арестованный свою вину отрицал.

А 24 ноября единственного официального подозреваемого в покушении на президента застрелил в полицейском участке Далласа владелец ночного клуба Джек Леон Руби. Для этого последний пошел в штаб-квартиру полиции и пробрался в подвал. Когда Освальда вели в бронированный автомобиль, чтобы перевести в окружную тюрьму, Руби вышел из толпы репортеров и выстрелил из револьвера в живот Освальда, смертельно ранив его. Все это показывали в прямом эфире, так что миллионы телезрителей стали свидетелями случившегося.

Джек Руби убивает Ли Харви Освальда

14 марта 1964 года Джек Леон Руби был приговорен к смертной казни, но подал апелляцию и выиграл ее. В декабре 1966 года, когда он ждал назначения даты нового суда, у него обнаружили рак. Он скончался в больнице 3 января 1967 года.

По другой версии, он умер от эмболии легочной артерии, вторичной по отношению к раку легких. И, кстати, умер Руби в той самой больнице, где

умер Освальд и где президент Кеннеди был объявлен мертвым после покушения.

А вот сторонники теории заговора уверены, что Руби был устранен как опасный свидетель. С другой стороны, специальная комиссия, которую возглавил председатель Верховного суда США Эрл Уоррен, пришла к выводу, что стрелял в Кеннеди один Ли Харви Освальд, и что он был преступником-одиночкой.

Большинство конспирологических теорий включают утверждение о том, что в Кеннеди стрелял не только Освальд.

Некоторые исследователи, сопоставив все доступные фото- и киноматериалы с места происшествия, обнаружили признаки шести выстрелов. И даже с трех разных направлений! Из-за изгороди на травяном холме (первый и шестой выстрелы), со второго этажа здания «Даллас Тексас Билдинг» (второй и четвертый выстрелы) и с шестого этажа здания книгохранилища (третий и пятый выстрелы).

В 1975 году Комиссия Рокфеллера, занимавшаяся расследованием действий ЦРУ внутри страны и за рубежом, «не нашла подтверждения причастности ЦРУ» к убийству Кеннеди.

В 1979 году созданный тремя годами раньше Комитет палаты представителей США по политическим убийствам в целом поддержал выводы Комиссии Уоррена, но отметил, что «существует высокая вероятность того, что в президента Кеннеди стреляли двое».

Очевидцы, находившиеся на пути президентского кортежа в момент начала стрельбы, дали весьма противоречивые показания о том, откуда велся огонь. В докладе Комитета палаты представителей США по убийствам приводятся следующие данные: 49 человек слышали выстрелы со стороны книгохранилища, 21 человек – со стороны изгороди на травяном холме справа от Элм-стрит, 4 человека показали, что выстрелы были произведены из двух точек.

Соответственно, Комитет предположил, что за спиной Ли Харви Освальда стояла группа заговорщиков.

Было выдвинуто множество предположений о том, кто «заказал» Кеннеди – от связанных с ЦРУ кубинских эмигрантов до советских спецслужб и организованных преступных группировок. Например, мотивом вполне могла быть месть за преследование мафиозных группировок, которое усилилось в период президентства Кеннеди (как отмечено в докладе Комитета, Джек Руби имел тесные связи с организованной преступностью).

В 2007 году бывший агент ЦРУ Говард Хант в своей автобиографии указал на нового президента США Линдона Джонсона, скончавшегося в 1973 году, как на заказчика убийства. А непосредственно операцию, по его мнению, организовали агенты ЦРУ.

В 2013 году Роджер Стоун, бывший помощник экс-президента США Ричарда Никсона, изложил подобную теорию на страницах написанной им книги под названием «Человек, который убил Кеннеди: дело против Линдона Джонсона» (The Man Who Killed Kennedy: The Case Against LBJ).

А совсем недавно научный журнал «Heliyon» обнародовал результаты кропотливого исследования, которое провел доктор Николас Нэлли из фирмы, специализирующейся на математическом моделировании различных процессов. В статье об убийстве Кеннеди ученый доказал: в американского президента стрелял один человек – Ли Харви Освальд. Николас Нэлли пришел к столь «неожиданному» выводу, изучив движение пули, которая пробила голову Кеннеди. По сути, он смоделировал выстрел и «увидел», откуда эта пуля прилетела.

Кеннеди находился на заднем сидении лимузина справа от своей жены Жаклин.

Как показало расследование «Комиссии Уоррена», стреляли из окна шестого этажа здания книгохранилища. Нашлись люди, которые видели в окне фигуру с винтовкой. Потом там нашлась и сама винтовка.

Из окна Освальд мог целиться лишь по удаляющемуся лимузину. Стало быть, стрелял он сзади и сверху. Шансов выжить пуля, выпущенная из винтовки «Mannlicher-Carcano» с оптическим прицелом, не оставила. Выходное отверстие было размером с кулак, и салон лимузина был весь забрызган фрагментами мозга.

Однако, согласно социологическим опросам, примерно 70 % американцев до сих пор не верят в версию о стрелке-одиночке.

Почему? Да потому, что появился 26-секундный фильм, который снял житель Далласа Абрахам Запрудер на любительскую 8-миллиметровую камеру. На пленке видно, что голова президента, пораженная выстрелом, откидывается назад. А это, по мнению сторонников теории заговора, – свидетельство того, что пуля прилетела откуда-то спереди.

Однако Николас Нэлли утверждает: если посмотреть «фильм Запрудера» предельно внимательно, то можно заметить, что прежде чем откинуться назад, голова Кеннеди все же дернулась вперед. И ученый объяснил, как такое могло произойти. Он учел скорость и массу пули, ее кинетическую энергию, характеристики среды, в которую пуля попала, а именно костной ткани, мягких тканей – то есть мозга. Смоделировал и движение пули, и головы президента, которое она – пуля – могла бы спровоцировать. В результате модельная голова переместилась от модельного выстрела на 5 см, что в точности совпало с тем, что произошло реально и было запечатлено на пленке Запрудера.

Итак, расчеты доктора Нэлли свидетельствуют: то, как голова Кеннеди дернулась вперед, стало следствием сильного удара в затылочную часть черепа. А потом у Кеннеди непроизвольно среагировала нервная

система – мышцы шеи сократились, и голова откинулась назад. Это было нечто вроде конвульсии.

С тех пор прошел не один десяток лет, но пожилые американцы и поныне вспоминают те трагические дни: где они были, что делали, когда разнеслась страшная весть о смерти президента. На какое-то время жизнь в стране остановилась. Припав к экранам телевизоров, американцы жадно ловили сообщения из Далласа, затем наблюдали за траурной церемонией в Вашингтоне и расстрелом предполагаемого убийцы Кеннеди. Последний акт трагедии – похоронная процессия на Арлингтонском национальном кладбище; можно без преувеличения сказать, что вся страна провожала своего президента в тот скорбный путь. Миллионы глаз, которые на протяжении тысячи дней следили за энергичным, полным жизненных сил лидером, теперь увлажнялись слезами при виде гроба с мертвым президентом.

ДЭНИЕЛ МАКИНЕРНИ

американский историк

Нация проявляет себя не только в людях, которым она дает жизнь, но и в том, каким людям она воздает почести, каких людей она помнит.

ДЖОН ФИЦДЖЕРАЛЬД КЕННЕДИ

* * *

В Европе примерно в это время также происходили весьма интересные события. Например, во Франции в декабре 1958 года президентом был избран Шарль де Голль, и он, согласно новой конституции, положившей начало Пятой республике, получил широкие полномочия: ему принадлежали функции главы государства и верховного главнокомандующего, он назначал премьер-министра и министров, без его подписи не мог вступить в силу ни один закон. Короче говоря, этот незаурядный человек сосредоточил в своих руках всю полноту власти.

Устранение Шарля де Голля

Как известно, Шарль де Голль, родившийся в 1890 году в Лилле, был избран президентом Франции 21 декабря 1958 года. Соответственно, его семилетний президентский срок истекал в конце 1965 года. Президенту тогда было 75 лет, и, согласно конституции, должны были состояться новые выборы на расширенной коллегии выборщиков. Но де Голль, собиравшийся баллотироваться на второй срок, настаивал на всенародном избрании главы государства, и соответствующие поправки были приняты на референдуме 28 октября 1962 года, ради которого президенту пришлось воспользоваться своими полномочиями и распустить Национальную ассамблею.

Однако победы в первом туре, на которую так рассчитывал де Голль, не получилось. Он набрал 44,64 % голосов, то есть за него проголосовало почти 11 млн французов. А второе место занял, получив 31,72 % голосов, Франсуа Миттеран, который выступал с последовательной критикой режима личной власти президента и конституции 1958 года. В 1965 году он основал Федерацию демократических и социалистических левых сил (ФДСЛС). Позднее, в 1971 году, он возглавит Социалистическую партию, а в 1981 году все же станет президентом страны. Но пока его время еще не наступило.

Во втором туре, 19 декабря 1965 года, Шарль де Голль все же взял верх над Миттераном (54,2 % против 44,8 %), но эти выборы стали для него первым тревожным сигналом. Почему? Да потому, что большинство голосов, поданных за него, принадлежали французам старше шестидесяти, но лишь 18 % молодых от 20 до 34 лет сказали, что разделяют идеи де Голля.

Президент Шарль де Голль

Прежде всего, многим во Франции не нравилась колониальная политика де Голля и то, что он твердо проводил курс на самоопределение Алжира. Там вспыхнуло восстание, потом – полномасштабная война за независимость. Подавить ее французское правительство оказалось не в состоянии, что вызвало массу упреков в его адрес. Ведь Алжир был не просто французской колонией. Север страны был практически европеизирован, и основные гражданские и военные должности там занимали выходцы из Европы. И де Голль в свое время пообещал алжирским французам: «Алжир останется французским навсегда». Но не получилось. Не помогли ни войсковые соединения, ни спецназ, ни парашютисты из Индокитая...

В марте 1962 года Алжир получил независимость. В ответ на это последовали мятежи французской армии и ультраколониалистов, террористическая Вооруженная секретная организация (ОАС) совершила несколько покушений на де Голля.

КСТАТИ

Ни один президент не переживал столько покушений за свою жизнь, как Шарль де Голль. Их было больше тридцати! И каждый раз ему удавалось оставаться целым и невредимым. Самое громкое покушение состоялось в августе 1962 года. Автомобиль, в котором генерал ехал с женой, обстреляли автоматчики. В «Ситроене» президента было потом найдено 14 пулевых пробоин, 20 пуль угодили в соседнее кафе «Трианон», 187 пуль были найдены на мостовой. Как супругам удалось при этом выжить – загадка. При этом де Голль был возмущен не столько самим фактом покушения (к ним он уже привык), а тем, что главарь террористов, подполковник французских ВВС Жан-Мари Бастьен-Тири, рассматривавший потерю Алжира как нечто более тяжелое, чем потеря Эльзаса и Лотарингии, промахнулся! Отставной офицер его армии не мог не уметь стрелять, и де Голль лично подписал ему смертный приговор.

Плюс очень непопулярна была правительственная монополия на телевидении и радио (свободными были только печатные СМИ).

Да, в первые годы президентства де Голля экономика Франции показала бурный рост. Франк наконец-то стал твердой валютой. Однако непомерно высокая роль государства в экономике привела страну к новому кризису в 1967 году. А что такое кризис? Это и рост влияния монополий, и аграрная реформа, выразившаяся в ликвидации большого числа крестьянских хозяйств, и безработица, и низкий уровень

заработной платы, и недостаточная социальная защищенность, и гонка вооружений, которая привела к тому, что уровень жизни в стране стал еще ниже.

Ко всему прочему, очень многие были не в восторге от антиамериканской политики де Голля, от участия Франции в гонке вооружений. А что, по сути, сделал де Голль? Он начал отправлять в США наличные доллары тоннами по морю и по воздуху, требуя от американцев их конвертации в золото. И он имел на это полное право. Ведь, согласно системе валютных расчетов, которая была создана на конференции в американском Бреттон-Вудсе, все страны договорились, что свои валюты они будут конвертировать в доллары, а доллар, в свою очередь, должен быть обеспечен золотом. При помощи этого нехитрого трюка США прибрали к рукам валютную систему всего мира, а де Голль лишь довел золотой запас Франции до 4200 тонн. При этом доллары он считал «зелеными фантиками» и решил устроить американцам «экономический Аустерлиц». В результате 4 февраля 1965 года он заявил, что нужно отказаться от использования доллара в международных расчетах и вести международный обмен на основе золотого стандарта. Более того, он потребовал, чтобы США обменяли ему 1,5 млрд долларов на золото. И США вынуждены были обменять ему свои деньги на золото по курсу 35 долларов за унцию. Золотой запас США при этом понес очень серьезные потери. Но пример де Голля оказался заразительным: вслед за Францией менять свои доллары на золото потянулись и другие страны. Америке это грозило полным крахом, и Вашингтон, признав себя неспособным выполнять требования Бреттон-Вудса, в 1971 году отменил золотое обеспечение своего доллара.

Американцы были в бешенстве. Они считали политику де Голля чудачеством выжившего из ума старика, но они не догадывались, какую еще «свинью» подложит им французский президент. Де Голль в январе 1963 года взял и отказался создавать «многосторонние ядерные силы» под командованием Пентагона. До этого, в 1959 году, он взял и вывел Средиземноморский флот Франции из-под командования НАТО. А потом отказал американцам в размещении атомных бомб и строительстве пусковых установок, возвратил под собственное командование войска ПВО. В феврале 1966 года он объявил, что Франция решила полностью выйти из военной организации НАТО, и потребовал удаления с французской земли натовских баз, штабов и всего прочего, не находящегося под французским контролем.

Плюс де Голль начал собственную атомную программу, и в феврале 1960 года Франция провела свое первое ядерное испытание на полигоне в Алжире (с 1963 года эти испытания были перенесены на атолл Муруроа во Французской Полинезии).

Ни одна страна без атомной бомбы не имеет полного основания считать себя независимой.

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ

Плюс де Голль начал резко критиковать действия США во Вьетнаме, в мае 1965 года отозвал французских представителей из военно-политического блока СЕАТО.

А в 1968 году 78-летний де Голль заявил: «Мы отвергаем как тоталитарный коммунизм, так и старый эгоистичный капитализм. Мы будем искать третий путь, предполагающий не классовую борьбу, а классовый мир. Мы должны стремиться к ассоциации труда и капитала». То есть, по сути, он сказал, обращаясь к буржуазии: делиться надо, господа, и в этом будет гарантия нашей общей безопасности. Конечно же, это многим не понравилось.

В довершение ко всему, все большее раздражение у французов постепенно начала вызывать личность самого де Голля – он начал казаться многим, особенно молодежи, неадекватно авторитарным и несовременным политиком. Да и политические партии в большинстве своем хотели бы возвращения к парламентской системе, в которой они чувствовали себя хозяевами положения, как это было в Третьей и Четвертой республиках.

В конечном итоге к падению администрации Шарля де Голля привели майские события во Франции 1968 года. Это были массовые студенческие волнения, а студентов во Франции насчитывалось более 600 000 человек.

Все началось 2 мая 1968 года в Латинском квартале – парижском районе, где находятся многие факультеты Сорбонны и студенческие общежития. Там вспыхнул настоящий студенческий мятеж. Учащиеся требовали открыть факультет социологии в парижском пригороде Нантер, закрытый после аналогичных беспорядков, вызванных старинными, «механическими» методами образования и рядом бытовых конфликтов с администрацией. Начались поджоги автомобилей. Вокруг Сорбонны стали возводиться баррикады. В ответ были вызваны отряды полиции, в борьбе с которыми несколько сот студентов получили ранения. К требованиям мятежников прибавилось освобождение их арестованных коллег и вывод полиции из кварталов. Правительство не решилось эти требования удовлетворить. Профсоюзы объявили суточную забастовку.

Когда де Голлю сообщили о массовых демонстрациях студентов, он сначала не придавал этому должного значения и ответил: «Ребячество. Это всего лишь несколько студентов, испугавшихся экзаменов».

Но потом позиция генерала стала очень жесткой: с мятежниками никаких переговоров быть не может.

В результате 13 мая профсоюзы вывели людей на грандиозную демонстрацию, прошедшую по всему Парижу. Над колоннами манифестантов развевались лозунги: «Де Голля – в архив!», «Прощай,

де Голль!», «Пора уходить, Шарль!» Гошисты добавили к ним свои: «Вся власть студентам!», «Запрещено запрещать!», «Да здравствует мировая революция!»

Студенты заполнили Сорбонну. Забастовка не только не прекратилась, но и переросла в бессрочную. По всей стране уже бастовало 10 млн человек. Экономика была парализована. Все уже забыли о студентах, с которых все началось. Рабочие требовали 40-часовой рабочей недели и повышения минимальной зарплаты до 1000 франков.

24 мая де Голль выступил по телевидению. Он говорил о том, что «страна находится на грани гражданской войны», и что президенту должны быть предоставлены, через референдум, широкие полномочия для «обновления» (renouveau), причем последнее понятие не конкретизировалось. Уверенности в себе у генерала не было. Более того, наверное, впервые в жизни он был растерян.

По сути, это был начатый студентами настоящий социально-политический кризис, и он серьезно подорвал авторитет Шарля де Голля.

29 мая 1968 года премьер-министр Жорж Помпиду провел заседание своего кабинета. На заседании ожидался де Голль, однако потрясенный премьер узнал о том, что президент, забрав из Елисейского дворца архивы, убыл в Коломбэ, что в 300 км от Парижа. А вечером министры узнали, что вертолет с генералом в Коломбэ не приземлился. На самом деле, президент отправился в оккупационные войска Франции в Германии, в Баден-Баден, и почти немедленно вернулся в Париж. Об абсурдности ситуации говорит хотя бы тот факт, что Помпиду был вынужден искать шефа при помощи служб ПВО.

30 мая де Голль зачитал очередное радиовыступление. Он заявил, что не покинет своего поста, распускает Национальное собрание и назначает досрочные выборы. Надо сказать, что генералу всегда нужен был кризис, чтобы явить миру все, на что он способен. Вот и теперь он использовал шанс твердой рукой положить конец «мятежу». Выборы в парламент рассматривались им как постановка доверия себе на голосование.

Выборы 23–30 июня 1968 года принесли голлистам абсолютное большинство в парламенте – 73,8 % мест. Это означало, что подавляющее большинство французов выразило доверие генералу де Голлю.

Но судьба генерала уже была предрешена. Недолгая «передышка» не принесла никаких плодов, кроме замены Жоржа Помпиду на Мориса Кув де Мюрвилля и провозглашения планов реорганизации сената (верхней палаты парламента, практически всегда оппозиционной де Голлю и имевшей право приостанавливать и даже блокировать отдельные проекты главы государства) в экономический и социальный орган, представляющий интересы предпринимателей и профсоюзов.

В феврале 1969 года де Голль вынес эту реформу на референдум, заранее объявив, что в случае проигрыша уйдет. Но люди отвергли законодательные предложения генерала: 53,2 % французов отклонили предложенный им законопроект. К 28 апреля поражение стало явным, и в тот же день де Голль по собственной воле покинул пост президента. При этом он грустно пошутил: «Меня ранили в мае 1968 года, а теперь прикончили». После этого он по телефону передал Кув де Мюрвиллю следующий документ: «Я прекращаю исполнение обязанностей президента Республики. Это решение вступает в силу сегодня в полдень».

Выйдя в отставку, Шарль де Голль впервые за много лет стал посвящать время только себе и своей семье. Он вместе с женой отправился в Ирландию, затем отдыхал в Испании, работал в своем скромном доме в Коломбэ над мемуарами (он их так и не окончил – они доходят лишь до 1962 года) и критиковал новые власти за то, что они «покончили» с величием Франции. Никакой пенсии, охраны или льгот для себя он не просил.

9 ноября 1970 года, в семь часов вечера, Шарль де Голль скоропостижно скончался, не дожив несколько дней до своего восьмидесятилетия. Он умер в Коломбэ, ставшем для него наполеоновской Эльбой. Умер от разрыва аорты, причем смерть застала его раскладывающим пасьянс, и карты так и остались лежать в беспорядке...

Когда в 1969 году де Голль отошел от власти, многие французы были этому рады, потому что у них создалось ощущение, что он слишком уж долго руководит страной. Это и в самом деле плохо, когда один и тот же человек остается у власти очень долго...

Однако прошли годы, и обиды на генерала забылись. Ничто не может лучше охарактеризовать деятельность политика, чем его действия. О генерале и президенте Шарле де Голле лучше всего говорят его собственные слова: «Сила – это средство мысли, инструмент действия, условие движения. Эта акушерка необходима, чтобы добиться хотя бы одного дня прогресса. Сила – это щит мудрецов, оплот тронов, таран революций. Порядок и свобода, в свою очередь, обязаны ей своим существованием. Сила – это колыбель городов, скипетр империй, могильщик пришедшего в упадок. Она дает законы народам и определяет их судьбу».

По сути, уход от власти Шарля де Голля был желанием меньшинства (данные опроса общественного мнения в апреле 1968 года показывали, что генералом как президентом республики доволен 61 % опрошенных), но это было меньшинство активное.

Да, события «красного мая» 1968 года выявили слабые места внутренней политики президента. Но у кого их нет... И сейчас французы начали смотреть на де Голля все более и более положительно. Они

словно забыли со временем свои мелкие обиды, и в их восприятии остался великий политик.

Заслуги де Голля перед отечеством неоспоримы. Он всегда стремился быть первым. Он приходил к власти в самый трудный момент, не боясь брать на себя ответственность, он сохранил престиж Франции в тяжелейшие времена, он выпустил новый франк и сделал его твердой валютой...

Франклин Делано Рузвельт называл его «капризной невестой» и с раздражением предлагал Черчиллю отправить де Голля «губернатором на Мадагаскар». Уинстон Черчилль разделял неприязнь Рузвельта к «высокомерному французу», называя его «скрытым фашистом», «вздорной личностью, возомнившей себя спасителем Франции», «Жанной д'Арк с усами» и «капризной невестой». Сослуживцы и подчиненные называли его «Мотором». А сам он без лишней скромности говорил так: «У Франции бывали тяжелые времена, но всегда приходило спасение, ибо у Франции были Жанна д'Арк, Людовик XIV, Клемансо и Шарль де Голль».

Всегда выбирайте самый трудный путь – на нем вы не встретите конкурентов.

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ

* * *

В 1974–1975 гг. практически все развитые страны Запада и Японию охватил экономический кризис, который по своим масштабам превосходил все предшествовавшие послевоенные кризисы. Он привел к стагнации традиционных отраслей хозяйства и к глубоким нарушениям в кредитно-финансовой сфере. Но особенно остро он повлиял на инвестиционную деятельность и на строительство.

Под влиянием кризиса начала складывалась новая консервативная концепция регулирования экономики, наиболее яркими представителями которой на политическом уровне стали Маргарет Тэтчер, возглавившая в 1979 году британское правительство, и Рональд Рейган, избранный в 1980 году на пост президента США.

Затем, в конце 80-х гг., по странам Центральной и Юго-Восточной Европы прокатилась волна демократических революций, ликвидировавших монопольную власть правивших там компартий. А еще резко изменились отношения между ФРГ и ГДР, что привело к падению «Берлинской стены» и объединению двух стран в октябре 1990 года.

Ну и, наконец, в 1991 году распался Советский Союз, после чего несколько его бывших республик образовали Содружество Независимых Государств (СНГ) и Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а потом – зону свободной торговли. А вот другие постсоветские

республики устремили свои взоры в сторону Западной Европы и Евросоюза.

Соединенные Штаты: осознание своей исключительности

В январе 2009 года 44-м президентом США стал демократ Барак Хуссейн Обама. Он был первым афроамериканцем, выдвинутым на пост президента США от одной из двух крупнейших партий, и первым в национальной истории темнокожим президентом, а также первым президентом с фамилией африканского и средним именем арабского этимологического происхождения.

В январе 2017 года 45-м президентом США стал республиканец Дональд Трамп – в прошлом предприниматель (главным образом, в области недвижимости), шоумен и телеведущий. В возрасте 70 лет он стал старейшим впервые избранным президентом США, чем побил рекорд Рональда Рейгана, занявшего этот пост в 69 лет. Также Трамп – первый президент, не занимавший до въезда в Белый дом никакого другого государственного или военного поста.

Барак Обама

Кроме того, Трамп является самым богатым человеком, вступившим в должность президента США. В рейтинге журнала «Forbes» в 2016 году его состояние было оценено в 3,7 млрд долларов, и по этому показателю

он занимал в США 113-е место. 14 июня 2017 года Трамп опубликовал декларацию о своих доходах: он указал, что получает доходы от 565 компаний или корпораций, в которых числится руководителем, председателем, президентом или просто членом. По его версии, его состояние составило на 15 апреля 2017 года более 1,4 млрд долларов.

Говоря об этом человеке, следует отметить, что первый год его президентства показал практически полное несоответствие проводимой им внешней политики с теми декларациями, которые люди слышали от него в период предвыборной гонки.

Нормы политкорректности он нарушает постоянно. Но при этом он соблюдает определенные правила. Он не маргинал. Он более чем состоявшийся и состоятельный человек. Это типичный образец «американца, добившегося успеха».

Эксперты-политологи считают, что Трамп «видит края и показывает, что он их видит, просто его края пролегают не там, где их рисует политкорректный дискурс». По сути, Трамп, кто бы что про него ни говорил, – патриот по симпатиям и прагматик по типу мышления. С его точки зрения, приемлемо все, что способствует интересам Соединенных Штатов и не противоречит «американским ценностям». И в этом Трамп вполне логичен, хотя многие думают, что он просто скандалист или хулиган, развлекающийся, несмотря на свой высокий пост, в соцсетях.

Так в чем же дело?

В свое время Герман Мелвилл (американский писатель XIX века, автор классического романа «Моби Дик») написал: «Мы, американцы, – избранный народ <...> Мы несем ковчег свобод миру. Семьдесят лет назад мы освободились от рабства <...> Бог предопределил нашей расе свершить великое, и человечество ждет этого от нас. Это великое мы чувствуем в наших душах <...> Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас. Мы – первопроходцы мира, передовой отряд, посланный сквозь пустыню неизведанного, чтобы найти новый путь к Новому Миру, который принадлежит нам. В нашей молодости – наша сила, в нашей неопытности – наша мудрость <...> Мы достаточно долго скептически относились к себе и сомневались, действительно ли пришел политический мессия. А он пришел в НАС...»

Прошло много лет, но американцы так и живут с осознанием своей исключительности. Высказывания двух последних американских президентов лишь подтверждают это.

Те, кто хочет уничтожить планету, пусть знают, что мы их разгромим. Те, кто стремится к миру и безопасности, пусть знают, что мы их поддержим. Всем тем, кто сомневается в том, что путеводная звезда Америки горит по-прежнему ярко, <...> мы еще раз доказали, что подлинная сила нашей страны не в мощи нашего оружия, не в размерах нашего богатства, но в непоколебимой силе наших идеалов – демократии, свободы, широты возможностей и неугасаемой надежды.

БАРАК ОБАМА

Америка – друг каждой нации и каждого мужчины, каждой женщины и каждого ребенка, который стремится к мирному и достойному будущему, и мы готовы вести мир вперед.

БАРАК ОБАМА

Мы защищаем Германию, мы защищаем Францию, мы защищаем другие страны.

ДОНАЛЬД ТРАМП

Весьма характерные высказывания, не правда ли?

Но, может быть, они вырваны из какого-то контекста и не имеют отношения к бесцеремонности? Может быть, Америка не ведет себя как «мировой хулиган»? Как самозванец? Как капризный ребенок, в конце концов, не привыкший отказывать себе хоть в чем-то?

К сожалению, как очень верно подметил американский социолог Роберт Белла, «с 1630 года не было ни одного поколения американцев, которое не было бы убеждено, что они, так или иначе, являются избранным народом».

Дональд Трамп

А что, кстати, было в 1630 году? Да всего-навсего в Плимутской колонии – первой колонии Новой Англии – британские переселенцы-пуритане

основали несколько небольших поселений, и это послужило основой для иммиграционной волны 1630–1643 гг.

В это время в цивилизованной Франции фактически правил величайший из французов кардинал де Ришелье, первый министр короля Людовика XIII, в Англии вышло в свет первое полное собрание пьес Уильяма Шекспира, итальянец Галилео Галилей уже изобрел телескоп, Джованни Доменико Кассини открыл спутники Сатурна, а в Москве на Спасской башне великолепного Московского Кремля были установлены первые часы.

Америка – единственная страна, перешедшая из стадии варварства прямо в стадию дегенерации, минуя стадию цивилизации.

ЖОРЖ КЛЕМАНСО

французский политический деятель

Так в чем же дело?

Ответ на этот вопрос давным-давно дал Алексис де Токвиль, французский политический деятель, более известный как автор историко-политического трактата «Демократия в Америке», изданного в 1835–1840 гг. Он звучит так: «Жителям Соединенных Штатов на протяжении длительного времени постоянно говорили, что они – единственный религиозный, озаренный и свободный народ. У них громадное самомнение. Они недалеко от того, чтобы уверовать, будто являются видом, выходящим за рамки человеческой расы».

* * *

Но за последнее время мир сильно изменился. После краха коммунизма и единоличного воцарения Соединенных Штатов на престоле глобального лидерства порядок вещей, которым жил мир последние 25–30 лет, перестал существовать. Однако руководители США отказываются это принимать, и они не хотят соглашаться с тем, что Россия волей обстоятельств вновь оказалась во главе происходящих событий, претендуя на роль равноправного мирового игрока. По их мнению, Россия ведет себя неправильно, агрессивно и деструктивно.

Почему? Да потому, что американцы убеждены, что только им дано право быть мировым арбитром и решать, кто прав, а кто виноват. Никто не спорит, Соединенные Штаты – это самая богатая страна в мире. Они – лидер западного мира. И когда Советский Союз распался, идея «американской исключительности» только укрепилась. И кстати, именно эта идея не раз уже приводила американских солдат за тысячи миль от дома (Корея, Вьетнам, Афганистан, Ирак и т. д.). Американцы абсолютно искренне убеждены, что само Провидение распорядилось так, что их страна имеет моральное право и должна вести за собой весь остальной мир.

Много лет назад появилась доктрина, использующаяся для оправдания американского экспансионизма и получившая название «Явное предначертание» (Manifest Destiny). Она была очень удобной для обоснования захвата земель у индейцев, а потом – для вторжения на земли Испании и присвоения половины территории Мексики.

И, формулируя эту доктрину, американские политики не лицемерили. Они были людьми верующими, и «Явное предначертание» появилось из понимания той миссии, которая вдохновляла первых английских колонистов, высадившихся на берегах Нового Света. Вспомним, кем они были? В 1620 году на корабле «Мейфлауэр» на побережье Массачусетса прибыла сотня пуритан-кальвинистов («отцов-пилигримов») – представителей самой ортодоксальной ветви движения Реформации. Подобно русским староверам, они на свой страх и риск отправились за океан, чтобы обосноваться вдали от несправедливой власти и жить в согласии со своими убеждениями. Они хотели создать «сияющий град на холме» – идеальное общество, царство разума и справедливости, что должно было стать «путеводной звездой» для всего человечества.

Еще на пути к американским берегам будущий губернатор первой колонии Джон Уинтроп обратился к своим попутчикам с такой проповедью: «Мы должны иметь в виду, что будем подобны граду на холме, и глаза всех будут устремлены на нас: поэтому, если мы будем кривить душой перед Богом в деле, которое мы начали, и, таким образом, вынудим Его лишить нас помощи, которую Он нам сейчас оказывает, мы ославим себя и станем притчей во языцех для всего мира».

Настоящая духовная миссия!

Но и русские претендуют на особое историческое предназначение и имеют имперские амбиции, и именно этим предопределены нынешние трения между двумя великими державами. И для США, и для России характерна модель государственности, не допускающая вмешательства и давления извне: и американцы, и русские готовы очень далеко пойти в защите своего суверенитета. И тут главное заключается в том, чтобы избежать конфронтации между этими двумя весьма своенравными в военно-политическом отношении странами. К сожалению, сейчас наступил такой момент, когда системное недоверие дошло до крайней точки, и ни одна из сторон не готова идти на компромиссы. Но, что хуже всего, современный американский политический класс не проявляет даже желания обсуждать выход из этой опасной для всего мира ситуации.

Мне кажется, что главная проблема Америки в том, что она пытается устанавливать свои порядки в тех странах, про которые она абсолютно ничего не знает.

ЛЕОНАРДО ДИКАПРИО

американский актер

Литература

На русском языке

Азимов, Айзек. История Англии. От ледникового периода до Великой хартии вольностей. Москва, 2005.

Азимов, Айзек. История Франции. От Карла Великого до Жанны д'Арк. Москва, 2007.

Анненков М. Н. Война 1870 года: заметки и впечатления русского офицера. Санкт-Петербург, 1871.

Басовская Н. И. Столетняя война. Леопард против лилии. Москва, 2010.

Беллок, Хилэр. Наполеон. Эпизоды жизни. Москва, 2005.

Блюш, Франсуа. Ришелье. ЖЗЛ. Москва, 2006.

Боботов С. В. Наполеон Бонапарт – реформатор и законодатель. Москва, 1998.

Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. Том 5. Санкт-Петербург, 1871.

Бокль, Генри-Томас. История цивилизации в Англии. Том I. Санкт-Петербург, 1863.

Гизо, Франсуа. История Английской Республики и Кромвеля. Часть вторая. Санкт-Петербург, 1860.

Гилберт, Мартин. Первая мировая война. Москва, 2016.

Глиноецкий Н. Война между Францией и Германией // Военный сборник. Том LXXV. Санкт-Петербург, 1870.

Григулевич И.Р. Инквизиция. Москва, 1976.

Дженкинс, Саймон. Краткая история Англии. Москва, 2017.

Дэвис, Уильям Стирнс. История Франции. С древнейших времен до Версальского договора. Москва, 2018.

Зайончковский А.М. Первая мировая война. Санкт-Петербург, 2002.

Золя, Эмиль. Разгром // Собрание сочинений. Том 15. Москва, 1964.

Иванов Р.Ф. Авраам Линкольн и Гражданская война в США. Москва, 1964.

История Первой мировой войны 1914–1918 гг. (под ред. И.И.Ростунова). Москва, 1975. – 2 тома.

Кларк, Стефан. Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга. Москва, 2013.

Леви, Энтони. Кардинал Ришелье и становление Франции. Москва, 2007.

Лиддел Гарт, Бэзил. Правда о Первой мировой. Москва, 2009.

Лиддел Гарт, Бэзил. Вторая мировая война. Москва, 1999.

Лодей, Дэвид. Талейран. Главный министр Наполеона. Москва, 2009.

Макинерни, Дэниел. США. История страны. Москва, 2009.

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. Москва, 1972.

Мережковский Д.С. Наполеон. Москва, 1993.

Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения. Санкт-Петербург, 1994.

Наполеон. Максимумы и мысли узника Святой Елены. Санкт-Петербург, 2000.

Перес-Реверте, Артуро. Клуб Дюма, или Тень Ришелье. Москва, 2011.

Плесси, Арман-Жан дю. Мемуары кардинала де Ришелье. Москва, 2008.

Поло де Больё, Мари-Анн. Средневековая Франция. Москва, 2006.

Ранцов В.Л. Ришелье, его жизнь и политическая деятельность. Санкт-Петербург, 1893.

Римини, Роберт. Краткая история США. Москва, 2018.

Стендаль. Жизнь Наполеона. Воспоминания о Наполеоне. Собрание сочинений. Том 11. Москва, 1959.

Стоун, Оливер и Кузник, Питер. Нерассказанная история США. Москва, 2014.

Тайные злодеяния и явные лжи и обманы Наполеона Бонапарта, выбранные из разных французских книг, вновь вышедших, и изданные Сергеем Глинкою. Москва, 1816.

Талейран, Шарль-Морис. Мемуары. Москва, 1959.

Тарле Е.В. Наполеон. Москва, 1992.

Тит Ливий. История Рима от основания города. Москва, 2002. – 3 тома.

Тюлар, Жан. Наполеон, или Миф о «спасителе». Москва, 1996.

Уэллс, Герберт. Краткая всемирная история (перевод с английского). Санкт-Петербург, 2017.

Хилл, Кристофер. Английская революция. Москва, 1947.

Чандлер, Дэвид. Военные кампании Наполеона. Москва, 1999.

Шатобриан, Франсуа-Рене. Замогильные записки. Москва, 1995.

Черкасов П.П. Кардинал Ришелье. Москва, 1990.

Честертон, Гилберт Кийт. Краткая история Англии. Санкт-Петербург, 2017.

Шлоссер, Фридрих. Всемирная история. Санкт-Петербург, 1861–1863. – 18 томов.

Щербаков А.Ю. Наполеон. Как стать великим. Москва, 2006.

Энциклопедия ума, или Словарь избранных мыслей. Москва, 1998.

На иностранных языках

L'Ardèche, Paul-Marie-Laurent de. Histoire de l'Empereur Napoléon. Paris, 1839.

Bailly, Auguste. Richelieu. Paris, 1934.

Bainville, Jacques. Napoléon. Paris, 1958.

Bély, Lucien. Histoire de France. Paris, 2017.

Biographie nouvelle des contemporains: ou Dictionnaire historique et raisonné de tous les hommes qui, depuis la révolution française, ont acquis de la célébrité par leurs actions, leurs écrits, leurs erreurs ou leurs crimes, soit en France, soit dans les pays étrangers. Tome 4. Paris, 1822.

Capecigüe, Jean-Baptiste-Honoré. Le Cardinal de Richelieu. Paris, 1865.

Carmona, Michel. La France de Richelieu. Paris, 1984.

Carmona, Michel. Richelieu: l'ambition et le pouvoir. Paris, 1983.

Carpenter, Christine. *The Wars of the Roses: Politics and the Constitution in England*. Cambridge University Press, 2002.

Chassaigne, Philippe. Histoire de l'Angleterre. Paris, 2008.

Chatel de Brancion, Laurence. Cambacérés. Paris, 2001.

Dumouriez, Charles-François. La vie et les mémoires du général Dumouriez. Tome quatrième. Paris, 1823.

Favier, Jean. *La Guerre de Cent Ans*. Paris, 1980.

Gardiner, Samuel Rawson. Oliver Cromwell. London, 1901.

Gardiner, Samuel Rawson. History of the Great Civil War. Volume II. London, 1893.

Gaunt, Peter. Oliver Cromwell. London, 1996.

Gregg, Edward. Queen Anne. Yale University Press, 2001.

Guillemin, Henri. Napoléon: légende et vérité. Paris, 2005.

Guillemin, Henri. Jeanne, dite Jeanne d'Arc. Paris, 1977.

Halpérin, Jean-Louis. L'histoire de la fabrication du code. Le code: Napoléon? // Pouvoirs. № 107. Septembre 2003.

Hastings, Max. Catastrophe: Europe Goes to War 1914. London, 2014.

Kamen, Henry. *La Inquisición: una revisión histórica* (traducción de María Borrás). Barcelona, 1999.

Kendall, Paul Murray. *L'Angleterre au temps de la guerre des Deux-Roses*. Paris, 1984.

Marmont, Auguste-Frédéric. *Mémoires du maréchal Marmont, duc de Raguse*. Paris, 1857. – 9 vol.

McPherson, James. *Abraham Lincoln*. Oxford University Press, 2009.

Miquel, Pierre. *Les mensonges de l'Histoire*. Paris, 2002.

Pérez, Joseph. *Brève histoire de l'Inquisition en Espagne*. Paris, 2002.

Pernoud, Régine. *Pour en finir avec le Moyen Age*. Paris, 1977.

Phan, Bernard. *Rois et reines de France*. Paris, 2008.

Seward, Desmond. *The Hundred Years War. The English in France 1337–1453*. London, 1999.

Sévillia, Jean. *Historiquement correct. Pour en finir avec le passé unique*. Paris, 2003.

Temple, Sydney. *A New and Complete History of England*. London, 1773.

Touron, Antoine. *Histoire des hommes illustres de l'Ordre de Saint-Dominique*. Tome III. Paris, 1746.

Weir, Alison. *Lancaster and York: The Wars of the Roses*. London, 1998.